

СКАЗЫ

О ФЕРЗЕ

Сказы Семи Морей

Сказы о Ферзе. Серия «Сказы Семи Морей»/Библиотека Галактического Ковчега, 2026 г., 334 стр.

Вместо предисловия

Перед вами не просто сборник сказок. Это — **путеводитель по внутренней бесконечности**, написанный языком метафоры.

Главный герой — Шахматный Ферзь. Но не та фигура, что движется по клеткам в час партии. Нет. Наш Ферзь — это каждый из нас в тот момент, когда мы задумываемся: «Кто я? Отдельная единица или часть единого целого? Свободен ли я или всего лишь исполняю волю Руки?»

В сказке он забывает, что он — Игрок. И обнаруживает, что доска... дышит. Затем он узнаёт себя в самой скромной Пешке. И наконец — увидит, что мир... это Он.

Но осторожно: эти сказки — не развлечение. Они — зеркало. Если вы готовы увидеть не только свою корону, но и свою уязвимость; если вы хотите заменить в своей жизни болезненное «Или» на целительное «И» — значит, эта книга для вас.

Однако, если вы не готовы ко внутреннему диалогу — просто читайте о приключениях Ферзя. Возможно, шахматная доска сказки покажется вам просто доской. Но мы-то с вами знаем... Что значит "просто"?

Феана, 2026 год

Оглавление

Сказка о шахматах, которые захотели стать миром.....	6
Сказка о Ферзе, который забыл, что он Игрок.....	24
Сказка о Ферзе, который обнаружил, что доска дышит.....	31
Сказка о Ферзе, который встретил себя в пешке.....	39
Сказка о Ферзе, который увидел, что мир — это он.....	50
Вместо послесловия: Десять тезисов, которые Ферзь вынес из своего пути	62
Сказка о том, как Монада решила пошутить, а фигуры никак не могли понять, кто из них кто.....	66
Сказка о семи дверях и одной комнате, которая всегда свободна	86
Сказ о том, что есть, и о том, чего нет.....	113
Сказы Перво-То-Она?	132
Философский турнир в шахматной коробке	147
Гроссмейстер и призрак переводчика.....	182
Сказка о Программе и Творчестве, которые оказались сёстрами	197
Сказка о том, как шахматные фигуры обсуждали Единое и чуть не поссорились	212
Сказка о Мере, которую никто не хотел измерять	227
Сказка о том, как вода решила, что она всё сама.....	243
Сказка о Свете, который упал, чтобы научиться летать.....	261
Сказка о том, как мудрецы спорили о Бытии и нечаянно согласились.....	273
Сказка о времени возвращения, или Как фигуры захотели стать своей собственной игрой.....	290
О правде сказки, или Почему «жили-были» иногда точнее «следовательно»	304
Сказка о Неделимом, или Как фигуры узнали, что они — не дерево.....	317

Вместо вступления

Зеркало для Игрока

Однажды шахматные фигуры захотели стать миром. Они устали ждать, когда же их сдвинет чья-то Рука. И захотели дышать, спорить, ошибаться... и — главное — осознавать себя.

Самой непоседливой оказалась прекрасная Ферзь. — Я не хочу быть просто сильной фигурой! — заявила она. — Я хочу знать: откуда приходят мои ходы? Почему пешки жертвуют собой и не жалуются? И существует ли Тот, кто смотрит на доску?

Так началось её путешествие.

Она забыла, ...что она — Игрок. И неожиданно почувствовала, что доска... живая. Она встретила себя в самой маленькой пешке. И, наконец, увидела: мир, который она считала «внешним» — это на самом деле её собственное, бесконечно глубокое отражение.

Этот сборник — дневник странствий Ферзя. Но, листая его, вы поймёте: на самом деле это дневник всех нас.

Итак. Сделайте первый ход... хотя бы в своём воображении.

Сказка о шахматах, которые захотели стать миром

Как фигуры поняли, что выиграть можно только перестав играть друг против друга

Пролог, в котором старый гроссмейстер теряет корону, но находит вопрос

Жил-был гроссмейстер. Он выиграл всё, что можно было выиграть. Кубки пылились на полках, звания висели на стенах, а ученики разбежались по школам открывать свои академии. Ему стало скучно.

— Мир, — сказал он себе, — похож на шахматную доску. Чёрное и белое. Свои и чужие. Атака и защита. И всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Даже когда я выигрываю, я чувствую ...пустоту. Потому что выигрыш — это просто конец игры. А что потом? Новая партия. Те же фигуры. Те же клетки. Та же потом скука.

Он взял свою любимую шахматную корону (которую надевал только в особых случаях) и положил её на стол. Корона казалась тяжёлой. Слишком тяжёлой.

— Знаешь, — сказал он короне, — я думаю, что дело не в выигрыше. И не в проигрыше. Дело в том, что мы играем против. А что, если попробовать

играть для? Или за? Или одновременно для, за, перед (кем-то)?

Корона молчала. Ведь она была просто короной. Но в ту ночь неизвестно почему гроссмейстеру приснилась Монада.

Глава первая, в которой фигуры собираются на совет и впервые не знают, кто против кого

Во сне гроссмейстер увидел удивительную шахматную доску. Не плоскую, а объёмную. И не чёрно-белую, а переливающуюся всеми цветами, которых он никогда раньше не видел. Фигуры на этой доске не стояли на местах — они двигались сами. И не атаковали друг друга, а... разговаривали, может быть и танцевали.

— Друзья, — сказал Белый Король, — у нас проблема. Мы привыкли, что есть Белые и Чёрные. Белые хотят победить Чёрных, Чёрные — Белых. Но кто мы без противника?

— Никто, — вздохнул Чёрный Ферзь. — Мы — функции. Пешка идёт вперёд, чтобы стать ферзём. Ферзь рубит, чтобы защитить короля. Король прячется, чтобы не поставили мат. Но если мы перестанем играть в «против», то что мы будем делать? Как играть?

— Может быть, построим мир? — робко предложила Белая Пешка. — Не игру, а место, где всем будет хорошо?

— Мир? — усмехнулся Чёрный Конь. — А кто станет главным? Белые скажут: «Мы главные, потому что мы ходим первыми». Чёрные скажут: «Нет, мы главные, потому что мы симметричны и без нас нет игры». Пешки скажут: «А мы — большинство!» Ферзи возразят: «А мы — сила!» И начнётся новая игра. Только теперь она будет называться не «шахматы», а «политика». Или «экономика». Или «религия». Или «наука». Суть та же — кто кого.

— А если не делить? — спросила Белая Ладья. — Если не делить на чёрное и белое, на главных и неглавных, на правых и виноватых?

— Тогда не будет игры, — произнёс грустно Чёрный Король. — А без игры нет смысла. Зачем мы тогда?

— А зачем мы вообще? — спросил Белый Слон.
И все замолчали.

Глава вторая, в которой появляется Старая Корона и говорит, что выигрыш — это ловушка

В тишине вдруг заговорила Старая Корона. Она лежала в центре доски, и фигуры почему-то не решались её тронуть. Да и кто знал, что она живая...

— Я помню, — произнесла Корона, — как меня надевали победители. Сколько радости было в их глазах! А потом радость уходила. Потому что победа — это мгновение. А жизнь — уже не мгновения. Жизнь... ткань, которую ткёт Психея, если вы помните мистерии древних философов. Так вот, если ткань соткана из одних «против», из сражений и соперничества, она рвётся.

— Но как же иначе? — спросил Чёрный Ферзь. — Мы учились на конкуренции. На борьбе. На том, что сильный выигрывает, слабый проигрывает. Это закон природы.

— Это закон игры, — поправила Корона. — Но вы — не только фигуры. Вы же и часть замысла. Кто-то вас придумал. Кто-то вырезал из дерева. Кто-то нарисовал клетки. Кто-то написал для вас правила. А теперь вы думаете, что правила — это всё, вечное. А замысел — забыли.

— Какой замысел? — спросила Белая Пешка.

— Замысел того, кто вас создал, — торжественно сказала Корона. — Он не хотел, чтобы вы вечно рубились. Ему хотелось, чтобы вы показали, как из хаоса может родиться порядок. Как из борьбы может родиться красота. Как из противников... да, именно так, могут родиться партнёры.

— Но мы не умеем быть партнёрами, — сказал Чёрный Король. — Нас учили быть врагами. Рубить и выигрывать, да ещё и проигрывать.

— Тогда научитесь, — сказала Корона. — Или игра останется игрой. А мир, который вы можете создать, так и останется сном. Или тенями в пещере Платона, если вы помните античную философию.

Глава третья, в которой фигуры пытаются создать новый мир и понимают, что это больно

Фигуры решили попробовать.

— Давайте договоримся, — сказал Белый Король.

— Мы не будем делить доску на «нашу» и «вашу». Она будет общей.

— А как же ходы? — спросил Чёрный Конь. — Если нет «моих» и «твоих», то кто и куда ходит?

— Может быть, ходить туда, где нужнее? — предложила Белая Пешка. — Не туда, где съешь врага, а туда, где пусто? Где нужна поддержка? Где можно построить, а не разрушить?

— Это неэффективно, — сказал Чёрный Ферзь. — Я привык рубить. Рубить быстро. Рубить много. А строить — это же медленно. И непонятно, что строить, и зачем, и для кого...

— Давайте строить этику, — воскликнула Белая Ладья. — Правила, по которым всем будет хорошо. Я слышала об этике от философов, это такая наука Пифагора, которая учит создавать гармонию и отношений, и целого мира!

— Утопия, — вздохнул Чёрный Слон. — У всех разное представление о «хорошо» и «правильно». Для пешки хорошо стать ферзём. Для ферзя — остаться ферзём. Для короля — не получить мат. Так для каждого... Как их совместить?

— А если не совмещать, а... гармонизировать? — спросил Белый Конь. — Оставить разными, но сделать так, чтобы разность их природы и убеждений не вела к войне, а вела к... дополнению?

— Это как в музыке, — почти пропела Чёрная Пешка, любившая петь. — Разные ноты не спорят же, кто главнее, или какая хорошая, а какая правильная. Они звучат вместе. И получается аккорд! А ещё может получиться мелодия... и даже песня, а ещё, однажды я слышала оперу.

— А если одна нота фальшивит? — спросил Белый Слон.

— Ну и что! Кто не ошибается? Тогда её не убивают, — сказала Чёрная Пешка. — Зачем? Её просто настраивают. Или ищут для неё такое место, где фальшь её станет частью гармонии. Как диссонанс в джазе, например.

— Джаз? — переспросил Чёрный Король. — Это та музыка, где все играют как хотят, а вместе получается очень даже красиво?

— Да, — кивнула Пешка. — Но для этого нужно не «хотеть», а слышать друг друга.

Фигуры замолчали... Потом начали пробовать. Сначала получалось плохо. Белые захотели строить этику, а Чёрные — защищать свои интересы. Пешки требовали равноправия, ферзи — привилегий. Короли боялись потерять власть, кони — свою непредсказуемость.

— У нас не получается, — высказался Белый Король через некоторое время. — Мы слишком разные. Слишком привыкли к игре.

— А может, не надо сразу идеально? — спросила Старая Корона. — Может, начать с малого? С одной клетки, где вы договоритесь не атаковать, а смотреть?

— Смотреть на что? — спросил Чёрный Ферзь.

— Друг на друга, — сказала Корона. — По-настоящему. Не как на врага. Как на часть себя.

Глава четвёртая, в которой фигуры учатся смотреть и видят, что они — одно

Первыми решились Пешки. Белая и Чёрная. Они стояли друг напротив друга и смотрели. Не как враги, а как отражения.

— Ты похожа на меня, — сказала Белая Пешка.

— И ты на меня, — ответила Чёрная. — Мы обе идём вперёд. Обе мечтаем стать ферзями. Обе боимся, что нас съедят.

— А если мы не будем врагами? — спросила Белая.
— Если мы будем... союзницами? Помогать друг другу идти?

— Но правила запрещают, — сказала Чёрная.

— Правила создали люди, — сказала Белая. — А люди могут создавать и новые правила. Если захотят.

Они шагнули друг к другу. Не атакуя. Не защищаясь. Просто оказались совсем рядом. И в этот момент клетка под ними засветилась. Не белым и не чёрным. Золотым...

— Что это? — спросили остальные фигуры.

— Это Монада, — тихо сказала Корона. — Единица, которая больше суммы частей. Когда вы перестаете быть противниками, вы становитесь... миром.

Другие фигуры тоже начали пробовать. Белый Ферзь и Чёрный Ферзь встали рядом. Белая Ладья и Чёрный Слон нашли общую траекторию. Короли,

наконец, вышли из своих укрытий и посмотрели друг на друга без страха.

И чем больше фигур соединялось, тем ярче светилась и доска. Она переставала быть чёрно-белой. Она становилась... живой.

Глава пятая, в которой появляется Замысел и объясняет, как сделать сказку реальностью

И тогда к ним пришёл Замысел. Не как человек. Не как фигура. А «То Он», припомните, как говорил философ Парменид, по-русски это значит бытующее, причастие единственного числа, 3 лица настоящего времени, от глагола быть, это не существительное! То Он - что было до того, как возникли правила. То, ради чего всё затевалось.

— Вы сделали первый шаг, — как-то очень странно, даже и не голосом, а ТоОном произнёс Замысел. — Вы поняли, что мир — это не игра с победителями и проигравшими. Мир — это пространство, где разные.... могут быть вместе. Не сливаясь в однообразную массу. Не уничтожая друг друга. А — дополняя.

— Но как это перенести в реальный мир? — спросил гроссмейстер, который всё это время наблюдал за фигурами из своего сна. — Там же люди. Со своими страхами, амбициями, жадностью. Со своей историей войн и обид. Как им создать такой мир?

— А ты спроси у них, — сказал Замысел. — У людей. Что им мешает?

— Страх, — сказал гроссмейстер. — Страх, что если я перестану бороться, меня съедят. Что если я подставлю плечо, меня укусят в спину. Что если я поверю, меня обязательно обманут.

— А что помогает? — спросил Замысел.

— Надежда, — сказал гроссмейстер после паузы. — Иногда — отчаяние. Иногда — любовь. Но чаще — просто усталость от войны. Когда понимаешь, что выигрывать... уже неинтересно. Потому что выигрыш — это пустота.

— Во-от, — кивнул Замысел. — Когда усталость становится сильнее страха, люди начинают искать другой путь. И тогда-то они вспоминают, что они — не фигуры, не тени в пещере Платона, не пешки в

чьей-то игре. Они — творцы. Могут создавать правила. Могут создавать этику. Как творцы могут создавать гармонию из негармоничных миров.

— Но это же крайне трудно, — сказал гроссмейстер.

— Очень трудно, — согласился Замысел. — Легче воевать. Легче делить на чёрное и белое. Легче ненавидеть или быть пешкой, тенью. А строить — трудно. Договариваться — трудно. Слышать другого — очень трудно. Но это единственный путь, который ведёт не в пустоту, а в жизнь.

— И как же начать? — спросил гроссмейстер.

— С малого, — сказал Замысел. — С одной клетки. С одного разговора, где ты не пытаешься победить, а пытаешься понять другого. С одного шага навстречу, даже если страшно. С одного «я тебя слышу» вместо «я тебя сейчас съем».

— А если не получится?

— Получится, но не сразу, — улыбнулся Замысел.

— Будут ошибки. Будут откаты. Будут те, кто скажет: «Я же говорил, это утопия». Но каждый маленький шаг — это клетка, которая вдруг загорается золотом. И таких клеток становится всё больше. Пока однажды доска не перестаёт быть доской. И тогда она становится миром.

Эпилог, в котором гроссмейстер просыпается и понимает, что сказка — это он - То Он – Первый тон мира!

Гроссмейстер проснулся. Корона всё так же лежала на столе. Шахматы привычно стояли на доске. Чёрные против Белых. Всё как обычно.

Но он смотрел на них иначе.

Он аккуратно взял Белого Короля и Чёрного Короля и... поставил их рядом. В центре доски.

— Вы не враги, — одобряюще сказал он. — Вы партнёры. Вы оба нужны миру. Без вас нет игры. Но игра — это не цель. Цель — это мир, который вы можете создать. Если перестанете играть против и начнёте играть для.

Он не знал, слышат ли его фигуры. Но в тот момент ему показалось, что доска чуть-чуть засветилась.

— Сказка, — сказал он сам себе. — Мечта. Утопия... А что, если я сам начну? Если я перестану делить людей на «своих» и «чужих», на «правых» и «виноватых», на «достойных» и «недостойных»? Если я сделаю первый шаг?

Он встал из-за стола. Вышел на улицу. Солнце светило. Люди шли по своим делам. Разные. Непохожие. Многие — напуганные. Многие — злые. И очень многие — уставшие и скучные.

— Здравствуйте, — сказал гроссмейстер прохожему. — Как ваши дела?

Прохожий удивился. Посмотрел подозрительно. Но потом почему-то ответил.

И это был первый шаг. С одной клетки. Да, она пока не светилась золотом. Но могла бы...

Потому что сказка становится реальностью не тогда, когда её пишут. А тогда, когда в неё начинают верить, по-настоящему. И действовать. По одному маленькому шагу. Навстречу.

Вместо послесловия: Монадные связи и этика Человечества

А теперь — чуть серьезнее, для тех, кто любит понимать «как это работает».

Монадные связи — это не магия и не моя фантазия сказочницы. Это отношения, в которых каждая единица (человек, культура, мировоззрение)

остаётся собой, но при этом видит себя в другой и ту другую в себе. Это не слияние и не поглощение. Не компромисс, где все теряют. Это называется резонансом. Когда разные частоты не заглушают друг друга, а создают аккорд.

Этика Человечества в таком мире — не набор запретов и не свод законов или правил этикета. Это — способность слышать. Слышать боль другого. Слышать радость другого. Слышать страх другого. И отвечать не «ты виноват», а «я здесь. Я с тобой. Давай попробуем вместе».

Гармония негармоничных миров — это не устранение противоречий. Это — искусство держать противоречия, не превращая их в войну. Как в красивой музыке, в джазе. Как в шахматах, которые перестали быть игрой на уничтожение. Как в жизни, где каждый день мы выбираем: строить или разрушать.

Создать Замысел нового мира — значит признать, что мир уже есть. Он не в будущем, а именно здесь. В каждом нашем шаге. В каждом разговоре. В каждом выборе — видеть в другом врага или часть себя.

Фигуры во сне гроссмейстера поняли: выиграть можно только перестав играть против. И начав

играть для — для мира, для жизни, для того, чтобы однажды тоже проснуться и понять: сказка стала реальностью. Потому что мы сами её создали. Своими малыми шагами. Своими словами, доверием в миру. Своими осознанными выборами.

И это — не утопия. Это — замечательная возможность. Которая начинается ...прямо сейчас. С одной клетки. С одного «здравствуйте». С одного «я тебя слышу».

Попробуйте. И доска засветится.

Конец.

Или начало — в зависимости от того, Кто вы и Зачем, сделаете ли вы свой шаг навстречу.

Сегодня.

Сейчас!

Сказка о Ферзе, который забыл, что он Игрок

<https://suno.com/s/A4iur0CbFv5mVKcT>

Жил-был на свете один важный Ферзь. Не настоящий, разумеется, а тот, что обитает в шахматной коробке, которую мудрецы называют «Социум». Ферзь этот был фигурой гордой и деятельной. С утра до ночи он носился по черно-белой доске, перепрыгивая через пешек, уворачиваясь от слонов и высчитывая ходы коней. Ему казалось, что он управляет миром.

— Я центр мироздания! — гремел он, когда рубил очередную фигуру противника. — От моего хода зависит грядущая заря!

Пешки, его верные подданные, почтительно шушукались:

— Смотрите, какой у него напор! Наверняка он знает Великий Сценарий, пожалуй, сам и пишет Историю.

Ферзю это льстило. Он носил на себе множество красивых «платьев» — внешних атрибутов: то корону из латуни, то плащ из парчи, то гордое имя «Главный Стратег». Но внутри, в деревянной его

душе, было пусто. Только скрипела пружина амбиций.

Однажды, в разгар партии, когда Ферзь уже предвкушал, как поставит мат королю, случилось странное. Доска перестала быть плоской. Она вздрогнула, и Ферзь вдруг услышал голос. Голос шел не «свыше», как он привык думать, а из самой его сердцевины, из той щепки, из которой он был выточен.

— Ферзь, — сказал Голос. — Ты — раб.

— Я? — возмутился Ферзь, рубя налево и направо.

— Да я управляю игрой!

— Нет, — спокойно ответил Голос. — Тобой управляют. Тот, кто сидит над доской, двигает тебя, пешку или слона, не спрашивая твоего согласия. Твой «личный успех» — лишь маршрут, начертанный чужой рукой. Игра кончится, когда этот большой Игрок заскучает. Или когда захочет тебя... съесть.

Ферзь замер. Он оглядел доску. Действительно, он двигался только по черным или белым клеткам, только вперед или назад, только по правилам,

которые не сам придумал. Он — носитель сценария, не автор.

— Но... — пролепетал он, чувствуя, как его латунная корона начинает сжимать виски. — А что же тогда внутри? Что за «духотворческая сила», о которой ты говоришь?

— Это то, — ответил Голос, — что останется, когда ты сотрешь границы клеток и уберешь камни с пути.

Ферзь чуть не поперхнулся, но попытался взглядеться в свою суть. А вместо сути увидел горы косного знания, тюки амбиций и прах чужих догадок. Он тащил этот груз по доске так долго, что сны о величии стали его реальностью.

И тут, на краю доски, там, где, по слухам, начинался бардак под названием «Жизнь», он увидел Её. Женщину в простом платье, которая улыбалась, она не двигала фигуры, а что-то тихо напевала.

— Кто ты? — спросил Ферзь, запыхавшись от бега.

— Я — Мать, — улыбнулась она. — Мифотворчество.

— Ты играешь в шахматы? — подозрительно прищурился Ферзь.

— Нет, — рассмеялась она. — Я их вырезаю из дерева, точнее сказать, из Древа Познания. А потом придумываю истории, где пешки становятся королями, а короли теряют свои короны. Хочешь, расскажу?

Ферзь хотел сказать, что ему некогда слушать сказки, ведь нужно заниматься более важными делами, достигать успеха, но внутри него вдруг скрипнула та самая пружина. Нет, оказывается... это была не пружина. Это билось его непостижимое уму сердце.

— Твой ум — это отчим, — сказала Мать, глядя ему прямо в деревянную душу. — Строгий, расчетливый. Он говорит: «Ты — ферзь, ты обязан! Ты — статус, ты — функция!». Но есть Отец и Мать, что живут в сердцебиении. В образе Хроноса, как тик и так... Они дарят вдохновение.

— А что такое вдохновение? — спросил Ферзь.

— Это когда ты перестаешь быть фигурой на чуждой доске и становишься художником. Когда ты понимаешь, что даже самум — этот вихрь невидимых сил, сметающий твои достижения — всего лишь ветер, полезный и нужный, чтобы очистить место для нового.

Ферзь сбросил на пол свой вдруг потяжелевший плащ. Снял корону, которая, как оказалось, давно впилась ему в голову. Затем посмотрел на доску и вдруг увидел, что линии клеток — всего лишь условность, нарисованная мелом.

— Я хочу свободы, — прошептал он.

— Тогда иди, — кивнула Мать. — Но запомни: пока ты ребенок и дом твой — эта сказочная Земля, цени мои уроки. Как только ты выйдешь за малый порог, тебя увлечет порок «знания ради знания», самум сметет твои труды. Не носи лишние тюки.

— А что же нести? — спросил Ферзь.

— Сердцебиение, — сказала Мать. — И немного моего мифотворчества. Это единственная наука, где ты сам пишешь правила.

Ферзь сделал шаг. Доска треснула, и из трещины вместо черно-белой бездны хлынул золотой свет. Это было то самое Златое Сокровище Древнего Мира, о котором он читал в легендах, не понимая, что речь идет не о сундуке, а о способности видеть в своей глубине и творить.

Он проснулся...

В шкатулке, где лежали старые шахматы, и он был по-прежнему деревянным ферзем. Но теперь... Теперь-то он знал секрет: пока ты спишь и думаешь, что ты — фигура, ты бродишь во снах. А стоит прислушаться, и услышать свой внутренний голос — так ты становишься тем, кто пишет новую сказку.

Правда и ложь сплелись в его истории причудливым узором. И сегодня слушать чужие догадки ему уже не хотелось.

Ведь если ты центр мироздания, то лучше уж быть центром сказки, которую рассказываешь себе сам, чем шагать пешкой в партии, которую за тебя создает или сновидит кто-то другой.

Но вот пришло время новой игры. Когда Ферзь самовольно вышел из коробки, старый Игрок, до этого водивший его по доске, удивился и спросил:

— Ты куда?

А Ферзь ответил, подмигнув:

— Я пошел искать свой самум. А ты пока, может быть, тоже попробуешь взглядеться в свою суть? Или полагаешь, что ты — единственный, у кого есть ум и цели?

Быть фигурой — работа.

Быть игроком — искусство.

Быть мифотворцем — свобода.

Выбирай, что тебе по душе, пока не далеко ушел от родимых дверей.

Сказка о Ферзе, который обнаружил, что доска дышит

Продолжение. Часть вторая, в которой геометрия перестает быть плоской, а гордость становится оптикой.

Когда Ферзь впервые шагнул за край шахматной доски, он ожидал увидеть бездну. Или, на худой конец, пыльный пол, на котором валяются забытые пешки.

Он вовсе не ожидал, что сделает шаг *вверх*.

Мир перевернулся, вывернулся наизнанку, и доска, которую он считал вселенной, оказалась всего лишь гранью. Одной из многих. Ферзь стоял теперь на поверхности... шара. Прозрачного, мерцающего, испещренного тончайшими линиями, которые пересекались не под прямыми углами, а струились, подобно течениям в океане.

— Это... что? — спросил Ферзь, пытаюсь найти опору. Его привычные ходы — только вперед, назад, влево, вправо, по диагонали — вдруг потеряли смысл. Здесь можно было двигаться *внутри, наружу, по спирали* и даже... он не знал, как это назвать... *по смыслу*.

— Это Монада, — раздался голос из ниоткуда. Или из везде. — Единица. Начало. И твой новый дом.

Ферзь огляделся. Внутри шара, словно драгоценности в кулоне, двигались другие фигуры. Он узнал их — вон его старый знакомый Слон, который всегда ходил только по белым клеткам, теперь описывал немыслимые петли, пересекая спектры. Вон Конь, чей ход всегда казался Ферзю безумным, теперь и вовсе выглядел пророком: он перемещался не скачками, а *поворотами реальности*, проходя пируэтами сквозь цвета, которые у Ферзя не имели названий.

— Тут есть правила? — спросил Ферзь, чувствуя, как в нем закипает привычная спесь. Если он — сильнейшая фигура на плоскости, то и здесь он наведет порядок. — Я буду двигаться так, как захочу! Я — Ферзь! Мой ход не знает преград!

Он ринулся вперед, намереваясь пройти сквозь одну из границ Монады, чтобы показать этим растерянными фигурам, как надо управлять миром.

Каким-то неведомым ему образом пролетел три уровня реальности, свернул через седьмую октаву, врезался в собственный хвост (которого у него, кстати, никогда раньше не было) и вылетел ровно в ту же точку, откуда стартовал...

— Как? — растерянно прошептал Ферзь.

— Ты двигался по числам, — ответил голос. Это был голос Закона Гармонии. Безличный, текучий, как формула, которая одновременно является и поэмой. — Каждый твой шаг — это отношение. Твое упрямство — коэффициент. Твоя гордость — знаменатель. Ты думал, что управляешь пространством, но пространство всего лишь *выражает* некую особенность тебя.

Ферзь не поверил. Он всегда был уверен в своей правоте — ведь был *центром мироздания*, разве не так сказала ему Мать? Или... не совсем так? Он сжал свою деревянную челюсть и рванулся из паутины мыслей снова. Теперь он решил играть *против* Монады.

— Я сломаю твои границы! — кричал он, пытаюсь ходить туда, куда, по его мнению, никто ещё не ходил. Он отказывался от чисел, от пропорций, от гармонии. Он хотел *чистой свободы*.

Монада вздохнула. Это был вздох терпеливого учителя, которому ученик в сотый раз пытается доказать, что дважды два — это стул.

— Смотри, — сказала Монада.

Ферзь увидел, как его движения начали создавать узоры. Но не те величественные траектории, которые он рисовал, будучи ферзем на плоской доске. Теперь его «я-так-хочу-и-все-тут» превращалось в хаотичные завихрения, слегка

задевающие другие фигуры, заставляя их сбиваться с их пути. Слон, который настраивал свою вибрацию, чтобы пройти сквозь красный спектр, вдруг наткнулся на эгоистичную фиолетовую петлю, оставленную Ферзем, и споткнулся. Конь, чей ход был идеальной спиралью Фибоначчи, чуть не сорвался в квантовую яму из-за угловатости траектории Ферзя.

— Ты нарушаешь Отношения, — спокойно заметила Монада. — А нарушать Отношения — значит нарушать себя.

— Себя? Какие еще отношения?! — зарычал Ферзь.
— Я сам по себе! Я личность! Я — творец!

— Ты — число, — ответила Монада. — Как и все здесь. В самом простом виде: Единица — это я. Двойка — это взаимодействие. Тройка — это гармония. Четверка — это устойчивость. Ты пытаешься быть бесконечностью, не понимая, что бесконечность — это не отсутствие границ. Это когда все числа работают вместе, не зная противоречий.

Ферзь остановился. Впервые он почувствовал не гнев, а... растерянность.

— Покажи мне границы, — потребовал он, уже не так уверенно. — Я их уже не вижу. Я вижу только бесконечный простор!

— Конечно, не видишь, — в голосе Монады проскользнула легкая, едва уловимая ирония. — Граница — это не стена, умненький мой Ферзь. Граница — это закон *твоего собственного движения*. Ты можешь идти куда угодно, но каждый твой шаг задает вопрос: «Ты умножаешь или делишь? Строишь или разрушаешь? Слушаешь или навязываешь?»

Ферзь попытался представить себе эти невидимые числа. Он попытался *увидеть* Отношения между собой и Слоном, между собой и Конем, между собой и той точкой в центре Монады, которая пульсировала, как живое сердце.

И тут мир в его восприятии изменился.

Он увидел, что каждое движение создает вибрацию. Каждая вибрация имеет частоту. Каждая частота — это число. А числа — это не сухие значки, а живые существа, они-то и держат собой вселенную, не давая ей рассыпаться в прах. Он, Ферзь, был просто... дробью. Важной, сильной, но дробью в огромном уравнении, которое называлось «Жизнь».

— Но я хочу быть целым! — прошептал он.

— Ты и так целое, — ответила Монада. — Дробь — это тоже число. Просто перестань делить себя на «я» и «не-я». Перестань думать, что твоя правота — это оружие. Твоя правота — это всего лишь один из знаменателей. Если он слишком велик, ты

превращаешься в ноль. А ноль, Ферзь, — это пустота, которая мнит себя бесконечностью.

Ферзь отпустил свою корону (которую, как оказалось, крепко удерживал руками, спрятав под плащом). Потом посмотрел на свой путь внутри Монады. Тот оказался похожим на каракули ребенка, который пытался закрасить белую стену краской из тюбика, не понимая, что стена — это часть собора.

— Научи меня, — сказал он тихо. — Хочу видеть числа. Научи меня Отношениям.

— Ты уже начал учиться, — сказала Монада. — Первое число, которое нужно понять — это Единица. Не только я и не только ты или другая фигура. Единица — это когда ты перестаешь отделять свой ход от дыхания мира.

И Ферзь впервые за всю свою долгую, полную побед и поражений жизнь, сделал ход, который не был ни атакой, ни защитой. Он просто *встал* там, где его присутствие создавало красивый смысловой узор. Он занял место, что усиливало вибрацию Слона, поддерживало траекторию Коня и гармонировало с пульсом центра.

Таким образом он и победил, и завоевал, и, главное - он *встроился*.

И в этот момент понял, что такое настоящая сила. Не та, что рубит фигуры направо и налево, а та, что делает всю Монаду чуточку прекраснее, целостнее.

— А если я захочу выйти отсюда? — спросил он, чувствуя, как непривычное спокойствие разливается по деревянному телу.

— Выйти нельзя, — улыбнулась Монада (оказывается, у нее была улыбка — легкое изменение частоты). — Можно только *расширить понимание*. Каждый выход — это вход в новую Монаду. А каждая новая Монада — это всего лишь новая грань старой.

— То есть я всегда был здесь? — осенило Ферзя.

— Ты всегда был *собой*, — ответила Монада. — Просто раньше ты считал себя ферзем на плоской доске. Это подобие сна в реальности. Потом стал бунтарем против системы. А теперь...

— А теперь? — переспросил Ферзь.

— А теперь реши, кем ты хочешь быть сегодня. Только помни: каждое «кем» — это новое отношение. А каждое отношение — это новое число. А каждое число...

— ...держит мир, — закончил Ферзь.

Он оглядел объемную шахматную доску (иными образами он не умел воспринимать мир), которая была монадой, которая являлась законом, который

проявлялся гармонией, которая была им, самим Ферзём, когда он не пытался быть больше, чем число в бесконечном царстве. Царство это он мог воспринимать уравнением, пусть даже уравнением любви, но выразить получалось только формулами и числами.

Где-то далеко-далеко, в глубине хрустальной сферы, как в центре самого себя, он услышал смех Матери-Мифотворчества.

— Растешь, — сказала она. — Скоро сам начнешь придумывать числа.

И Ферзь улыбнулся. Впервые не надменно, а... *творчески*.

Сказка о Ферзе, который встретил себя в пешке

Продолжение. Часть третья, в которой гордость смотрится в зеркало, а зеркало оказывается живым.

Ферзь осваивался в Монаде. Дни — если здесь вообще было такое понятие — текли размеренно, как числа в бесконечной дроби. Он научился чувствовать вибрации других фигур, уступать траектории, когда этого требовала Гармония, и даже однажды поймал себя на том, что *слушает* пространство, прежде чем сделать ход.

Но где-то в глубине его деревянной души оставался щекодавший его зуд. Неудовлетворенность. Ему казалось, что он чего-то не видит. Как будто смотрит на мир через чистое стекло, но не замечает, что стекло — это на самом деле зеркало.

И однажды он заметил Её.

Она была в самом дальнем секторе Монады, там, где числа становились почти неразличимыми, а законы Гармонии приобретали странный, полузабытый оттенок безвестности. Она двигалась не так, как другие фигуры. Не плавно, как Слон, не скачкообразно, как Конь, а... *упорно*. Каждый ее шаг

оказывался пешечным усилием. Каждый ход — преодолением.

— Пешка, — пробормотал Ферзь с легкой усмешкой, которую сам от себя не ожидал. Он думал, что уже избавился от высокомерия.

Но приблизился вниманием. Пешка была маленькой, почти незаметной среди величественных траекторий высших фигур. Но двигалась она странно — не по прямой, как пешки на плоской доске, а по спирали, постепенно набирая высоту. Каждый ее ход становился *восхождением*.

— Ты кто? — спросил Ферзь, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно.

Пешка остановилась. Повернулась. И Ферзь... отшатнулся.

Она... оказалась похожей на него.

Не лицом — у фигур не бывает лиц.

Подохожей *сутью*. Та же упрямая линия плеч (хотя у пешек плеч не бывает). Та же скрытая сила в основании. Та же... гордость.

Но было в ней что-то, чего у Ферзя не было.

Пожалуй... Свет. Мягкий, золотистый, исходящий не от короны, а откуда-то изнутри, из того места, где у пешек, по идее, вообще ничего не должно быть.

— Я — Пешка, — сказала она просто. — Я иду.

— Куда? — спросил Ферзь.

— На другую сторону, — ответила она. — Все пешки туда идут.

— Чтобы стать ферзем? — усмехнулся Ферзь. — Я знаю эту историю. Пешка доходит до конца доски и превращается в самую сильную фигуру.

Пешка посмотрела на него долгим взглядом. Спокойно. С таким выражением, с которым смотрят на ребенка, сказавшего что-то забавное, но не хотят его обижать.

— Ты так думаешь? — спросила она.

И тут Ферзь увидел.

Он увидел, что Монада — это не просто объемная доска. Это *бесконечная последовательность превращений*. Каждая пешка, достигая края одной сферы, становилась не ферзем. Она становилась *следующим уровнем себя!* Иногда она выбирала стать слоном — чтобы видеть дальше. Иногда конем — чтобы научиться неожиданным ходам. Иногда ладьей — чтобы обрести устойчивость.

Иногда она оставалась пешкой. Но это была уже *другая* пешка. Та, которая прошла.

— А ты? — спросил Ферзь, чувствуя, как внутри него что-то начинает меняться. — Кем станешь ты?

— Не знаю, — улыбнулась Пешка. — Еще не решила. Может быть, никем. Может быть, всеми. А может быть...

Она замолчала и посмотрела на Ферзя так, что ему стало не по себе.

— Ты знаешь, кто ты на самом деле? — спросила она.

— Я? — Ферзь выпрямился, машинально поправляя корону. — Я — Ферзь. Сильнейшая фигура. Центр мироздания. Мой ход не знает преград.

— Ты уже говорил это Монаде, — спокойно заметила Пешка. — Она мне зеркалила.

Ферзь покраснел. Если бы дерево могло краснеть.

— И что ты знаешь? — буркнул он. — Ты — пешка. Твой путь — прямая линия. Один шаг вперед, два — в начале, если повезет. У тебя нет выбора.

— Нет выбора? — Пешка вдруг сделала ход. Не вперед. Не по диагонали. Она сделала ход *внутрь*. В ту сторону, где числа, казалось, теряли свою определенность и становились просто... музыкой.
— А это?

Ферзь смотрел, как ее зазвучавшая траектория засветилась, оставляя за собой след из золотых чисел. Она двигалась не по правилам. Двигалась *по смыслу*.

— Как ты это делаешь? — прошептал Ферзь.

— Я не знаю правил, — сказала Пешка. — Поэтому я их и не нарушаю. Я просто иду. Туда, куда зовет.

— Но так нельзя! — запротестовал Ферзь. — В Монаде есть Закон Гармонии! Есть Отношения! Есть числа, которые... которые...

— Какие что? — перебила Пешка. — Какие ты выучил? Какие ты понял? Или какие ты *принял*?

Ферзь замолчал.

Он вдруг осознал, что все это время он учился не столько понимать Монаду, но *контролировать* ее. Он выучил числа, чтобы предсказывать ходы. Он освоил Отношения, чтобы вписываться в гармонию. Но он ни разу не спросил себя: *а что, если числа — это не правила, а язык? Что, если гармония — это не закон, а приглашение?*

— Посмотри на меня, — сказала Пешка.

Ферзь посмотрел.

И мир снова перевернулся.

Он увидел не маленькую фигурку, упрямо движущуюся вперед. Он увидел себя. Того, кем он был когда-то... давно. Очень давно. До того, как стал ферзем. До того, как надел корону. До того, как поверил, что его ход — самый важный.

Он был ...пешкой.

Он прошел через всю доску. Достиг конца. И он выбрал стать ферзем, потому что думал, что это — высшее, чего можно достичь. И выбрал власть. Он выбрал силу. Он выбрал быть *центром*.

А потом он забыл, что когда-то был обычной пешкой, что двигалась вперед не потому, что знала правила, а потому что *верила*.

— Ты — мое отражение, — прошептал Ферзь. — Не я — твое. Ты — то, кем я был. И то, кем я никогда не переставал быть.

— Зеркало, — кивнула Пешка. — Интра-зеркальное. То, которое показывает не то, что есть, а то, что *было и будет одновременно*.

— Но как же так? — Ферзь опустился перед ней. Не на колени — в Монаде не бывает колен. Он просто *стал ниже*. Уменьшил свое число.

Приблизился к единице. — Я — ферзь. Я прошел путь. Я заслужил свою силу. А ты — только в начале. Как мы можем быть одним и тем же?

— А ты уверен, что ты в конце? — тихо спросила Пешка. — Может быть, ты тоже в начале? Просто выбрал другой маршрут?

Ферзь замер.

Монада вокруг них начала пульсировать. Числа засветились ярче, обнажая то, что скрывалось за ними — не формулы, а *смыслы*. Ферзь увидел, что его траектория и траектория Пешки — это не две

линии, а одна. Просто он смотрел на нее сбоку, а она — изнутри.

— Я шел вперед, думая, что это путь, — сказал Ферзь медленно, как будто читая надпись в собственной душе. — А это была... спираль. Я вернулся туда, откуда начал. Но на уровень выше.

— Или глубже, — улыбнулась Пешка.

— Или глубже, — согласился Ферзь.

Он посмотрел на свою корону. Она больше не казалась ему символом власти. Она казалась ему... *вопросом*.

— Зачем я стал ферзем? — спросил он себя. — Зачем я захотел быть самым сильным?

— Чтобы никто не мог тобой управлять, — ответила Пешка. — Я помню. Я — твоя память.

— А теперь?

— А теперь ты знаешь, что управлять собой — значит не управлять другими.

Ферзь снял корону. В первый раз он сделал это не в порыве отчаяния, как в начале своего пути, а спокойно, осознанно. И положил ее перед Пешкой.

— Возьми, — сказал он.

— Зачем? — удивилась Пешка.

— Ты идешь к своей цели. Может быть, когда дойдешь, ты захочешь стать ферзем. Или кем-то

еще. Но теперь ты будешь знать то, чего не знал я: что корона — это не конец пути. Это всего лишь... *веха*.

Пешка посмотрела на корону. Потом на Ферзя. Потом улыбнулась.

— Я возьму ее, — сказала она. — Но не для того, чтобы надеть. А для того, чтобы помнить. Что сила — это не власть над другими. Сила — это способность выбирать, кем быть. Даже когда ты уже все прошел.

Она подняла корону. Та вспыхнула золотым светом и... растворилась. Стала частью Пешки. Частью ее света, который теперь стал чуточку ярче.

— Что ты сделала? — изумился Ферзь.

— Я превратила корону в шаг, — сказала Пешка. — Каждый мой шаг теперь будет нести в себе эту память. О том, что ферзь — это не титул. Ферзь — это пешка, которая не забыла, откуда пришла.

Ферзь стоял перед ней. Без короны. Без плаща. Без всех внешних платьев, которые он носил, чтобы казаться тем, кем он, как ему казалось, является.

Он был просто... фигурой. Которая когда-то была пешкой, потом стала ферзем, а теперь...

— А теперь кто я? — спросил он.

— Теперь ты можешь выбрать, — сказала Пешка. — Ты — не пешка и не ферзь. Ты — *тот, кто прошел путь и понял, что путь — это не линия.*

И Ферзь сделал свой первый настоящий свободный ход. Не по правилам плоской доски. Не по законам Монады. Не по числам и не против чисел.

Он просто встал рядом с Пешкой. Равный. Понимающий. И готовый идти дальше — не вперед и не назад, а *в ту сторону, где он еще не был собой.* Но корону все-таки воссоздал по памяти или в поддержку той памяти.

Монада вздохнула. Ее дыхание было похоже на смех Матери-Мифотворчества.

— Вот теперь ты начинаешь понимать, — сказала она. — Игра — это не только когда фигуры двигаются. Игра — это когда фигуры узнают себя в других.

— А что будет дальше? — спросил Ферзь, чувствуя, как внутри него рождается что-то новое. Не гордость. Не смирение. А может быть, то и другое вместе или что-то третье, для чего у него пока не было названия.

— Дальше? — переспросила Мать. — Дальше ты научишься играть в шахматы, где нет противника. Где каждая фигура — это ты. И где выигрыш — это когда все пешки вспомнят, что они могут стать не только ферзями, но и... сказкой.

Пешка засмеялась. И Ферзь засмеялся вместе с ней. И смех этот, отражаясь от граней Монады, превращался в числа, числа — в гармонию, а гармония — в новую историю, которую Мать-Мифотворчество уже начинала шептать кому-то на краю вселенной.

А в следующей главе: Ферзь и Пешка отправятся в путешествие по числам, чтобы найти то самое "золотое сокровище Древнего мира", которое, как оказывается, не нужно искать — нужно им стать.

Сказка о Ферзе, который увидел, что мир — это он

Заключительная глава, в которой все ходы сделаны, все зеркала пройдены, а начало и конец встречаются, чтобы узнать друг друга.

Ферзь и Пешка шли по Монаде уже не как разные фигуры, а как два взгляда одной сути. Ее свет золотился внутри него, его опыт укрывал ее, как плащ от ветра незнания. Они не знали, куда идут, потому что поняли: знать куда — значит уже быть там, а быть там — значит не видеть пути.

— Куда ведет эта спираль? — спросила Пешка, когда числа вокруг них стали такими плотными, что превратились в стены, стены — в окна, а окна — в двери, ведущие обратно туда, откуда они вышли.

— Не знаю, — честно ответил Ферзь. И впервые это «не знаю» не было слабостью. Оно было открытой дверью.

Они вышли в центр Монады.

Там не было фигур, не было досок, клеток, чисел, траекторий. Там была только Тинтайна.

Светящаяся, переливающаяся, живая. И в этой Тине они увидели все фигуры сразу — и Слона, и Коня, и Ладью, и тысячи других, о существовании которых даже не догадывались. Все они двигались, но движение это было единым дыханием.

— Что это? — прошептала Пешка.

— Это ты, — ответил Ферзь. — Это я. Это то, чем мы были до того, как стали фигурами. И то, чем станем, когда перестанем ими быть.

Из Тинтайны выступила Мать-Мифотворчество. Но теперь она была не одна. Рядом с ней стоял... Он. Седой, древний, с глазами, в которых светились все ходы, которые когда-либо были сделаны и все восходы.

— Отец, — выдохнул Ферзь. — Я знал тебя. Тот голос, что «свыше», идущий изнутри...

— Я всегда был с тобой, — сказал Отец. — Но ты слышал меня только тогда, когда переставал доказывать, что ты — самый главный.

— А теперь? — спросила Пешка.

— А теперь вы готовы услышать то, что не укладывается в правила, — сказала Мать. — Ибо

вы перестали делить мир на «правильно» и «неправильно» и начали видеть его целостно.

Она взмахнула рукой, и Тинтайна вокруг них засветилась образами. Ферзь увидел себя — не одного, а многих. Себя-пешку на плоской доске. Себя-ферзя, рубящего врагов. Себя-бунтаря, отрицающего Монаду. Себя-ученика, постигающего числа. Себя-зеркало, узнавшее себя в Пешке. Все эти «себя» существовали одновременно, на разных витках одной спирали.

— Один, — сказал Ферзь медленно. — Но разный.
— Уникальный, — поправила Мать. — Каждый из них — уникален. И все они — ты. А все вы — едины в этом мире, который есть ваше восприятие.

Ферзь вспомнил свое первое стихотворение — ту песнь, с которой начался его путь.

— И сон, и реальность — твоё восприятие, — прошептал он. — Я думал, это метафора. А это...

— Это Закон, — сказал Отец. — Мир есть восприятие мира. И каждое восприятие — целостно.

Относительно целостно, ибо целостность познается лишь в движении от одной грани к другой.

Пешка подняла руку (у пешек появились руки — здесь, в центре, у всего появлялись те формы, которые были нужны для понимания).

— Я хочу понять время, — сказала она. — Я всегда двигалась вперед. Один шаг, два, превращение... Это было время. А здесь... его нет.

— Время есть, — ответил Отец. — Но выразить его можно лишь через временное. Как человека — через человеческое. Как материю — через материальное.

Он коснулся ее света, и Пешка увидела: время — это не река, текущая из прошлого в будущее. Время — это мера ее собственного движения. Когда она шла вперед по доске, время было линейным. Когда она вошла в Монаду, время стало спиралью. Когда она встретила Ферзя, время стало встречей. Все зависит от того, кто смотрит и зачем.

— А цель? — спросил Ферзь. — У всего же есть цель?

— Есть, — улыбнулась Мать. — Цель — это мера. Система ценностей. Соразмерность. Ты думал, что цель — дойти до конца доски и стать ферзем. Но это была не цель. Это был выбор. А цель — это то, ради чего ты выбираешь.

— Ради чего я выбирал? — Ферзь задумался. — Ради... свободы?

— Свобода — это тоже мера, — сказал Отец. — Мера твоего внутреннего мира. И чем больше эта мера, тем больше ты способен заменить «или» на «и».

— «Или» на «и»? — переспросила Пешка.

— Я был пешкой или ферзем, — начал понимать Ферзь. — Я был рабом или свободным. Я был прав или не прав. Я делил мир на черное и белое, как клетки доски.

— А теперь? — спросила Мать.

— А теперь я — и пешка, и ферзь, — сказал Ферзь. — И раб, и свободный. И правый, и неправый.

Потому что все это — разные витки моей спирали. Разные я в единстве мира, который я воспринимаю.

— И что ты видишь сейчас? — спросил Отец.

Ферзь посмотрел на Монаду. Она больше не была шаром с гранями. Она была... всем. И ничем, и всем одновременно. Он видел в ней и числа, которые выучил, и гармонию, которую принял, и противоречия, которые перестал отрицать. Он видел Слона, который двигался по белым клеткам, и знал, что Слон прав — в своей системе координат. Он видел Коня, чей ход казался безумием, и знал, что Конь прав — на своей спирали.

— Каждый прав, — сказал Ферзь. — Если его правота помогает ему раскрывать себя. Идти дальше. Становиться больше. Обретать гармонию.

— А Бог? — спросила Пешка. — Где Он во всем этом?

Тинтайна вокруг них сгустилась, и из нее выступил Лик. Но Лик этот оказался странным — он менялся каждое мгновение. То он был старцем с бородой, то ребенком, смеющимся над мыльным пузырем, то формулой Эйнштейна, танцующей вальс, то пустотой, из которой рождаются звезды.

— Бог — это слово, — сказал Лик. — Каждый мыслитель находит в нем свое. Кто-то — закон, кто-то — любовь, кто-то — тишину, в которой слышно все. Но есть то, что за словом. То, что нельзя назвать, но можно быть.

— И это... — начал Ферзь.

— ...ты, когда перестаешь себя делить, — закончила Пешка.

Они посмотрели друг на друга. И поняли, что они — одно. Не потому, что растворились друг в друге, а потому что каждый из них стал целым, цельным, способным вместить другого, не теряя себя.

— Уровни сознания, — сказал Ферзь, вспоминая то, что всегда знал, но не мог выразить. — Иерархия миров. Все это определяет каждый по-своему. Потому что мир воспринимается из собственного центра.

— А взгляд со стороны? — спросила Пешка.

— Это попытка выйти за грань своих представлений, — сказал Ферзь. — Увидеть чужое. И понять, что чужое — это непонятое свое.

Он посмотрел на Слона, который далеко в секторе Монады продолжал свои плавные движения по белым траекториям. Раньше Ферзь считал его ограниченным. Теперь он видел в нем себя — того, кто когда-то тоже верил, что только его цвет клетки — правильный.

— *Всё во всём*, — прошептал он. — Но только в той мере, в какой я способен это воспринять.

— И эта мера растёт, — сказала Мать. — Каждый раз, когда ты перестаёшь быть только фигурой и становишься тем, кто видит доску.

— А потом — тем, кто видит того, кто видит доску, — добавил Отец.

— А потом... — Ферзь засмеялся. — Потом понимаешь, что доска, и фигура, и тот, кто видит, и тот, кто видит видящего — это одно. Разное. Единое. И все это — я, когда я не боюсь быть всем.

Пешка подошла к нему. Ее свет и его опыт соединились, и от этого соединения родилась новая форма. Не пешка. Не ферзь. Не фигура. Тот, кто выбирает, кем быть в каждый следующий миг.

— Наука, религия, искусство, философия, — перечислил Ферзь, глядя на свою новую форму. —

Все это ветви одного сознания. Единство их относительно. Как и само понятие единства. Потому что относителен каждый взгляд.

— Даже интрасферный? — спросила Пешка.

— Даже он, — кивнул Ферзь. — Интрасферный взгляд — это взгляд изнутри сферы, которая есть мир. Он не претендует на истину в последней инстанции. Он просто говорит: посмотри из своего центра. Увидишь, другие центры — тоже центры. Найди меру, в которой вы все — одно.

Монада вокруг них начала растворяться. Не исчезать, а становиться прозрачной. Сквозь ее грани Ферзь увидел другие Монады — бесконечное множество сфер, вложенных друг в друга, пересекающихся, отражающихся. Каждая из них была уникальна. И все они были одной.

— Каждый человек — это вселенная, — сказал Ферзь. — Самопознающая. Самотворящая. И тайна его внутреннего мира, проецируясь во внешний, отражает уровень его самосознания.

— И что же в конце? — спросила Пешка. — Есть ли конец у этого пути?

— Конец есть, — сказал Отец. — Когда ты перестанешь себя искать. Потому что находишь.

— И что ты находишь? — спросила Пешка.

— Себя, — ответил Ферзь. — Такого, какой ты есть. Не ферзя и не пешку. Не ученика и не учителя. Не центр и не периферию. А того, кто вмещает всё это, не теряя способности удивляться и... творить новый мир, нового себя.

Он посмотрел на Мать-Мифотворчество.

— Я понял, — сказал он. — Твое золотое сокровище Древнего Мира — это не то, что нужно найти. Это то, чем нужно стать. Способностью видеть мир из своего центра и понимать, что этот центр — везде. Что чужое — это мое, только на другой спирали. Как на ветвях галактики. Что противоречия — это не ошибки, а грани одного алмаза.

— И что теперь? — спросила Мать.

— А теперь я буду рассказывать, — сказал Ферзь.

— Всем пешкам, которые боятся, что они слишком малы. Всем ферзям, которые забыли, что они были

пешками. Всем, кто ищет правила, и всем, кто их нарушает.

— Что ты им скажешь? — спросил Отец.

Ферзь улыбнулся. Впервые его улыбка была не надменной, не смиренной, а целостной.

— Я скажу им: Посмотри на мир не из точки, а из сферы. Заменяй «или» на «и». Заметь в чужом свое непонятое. Пойми, что Бог — это слово, за которым ты сам, когда перестаешь себя делить. И помни: ты уникален. И мир един. И это одно и то же.

Пешка взяла его за руку.

— А мы? — спросила она.

— А мы пойдем дальше, — сказал Ферзь. — Не потому, что путь не закончен. А потому, что каждый завершённый путь — это начало нового. И каждое начало — это возвращение домой, где дом — это ты, когда ты не боишься быть всем.

Монада вспыхнула последний раз. И в этой вспышке Ферзь, Пешка, Мать, Отец, Слон, Конь, Ладья, все фигуры, все числа, все спирали, все

миры — стали одним. И одновременно остались собой.

Так заканчивается сказка о Ферзе, который искал себя и нашел способность быть всеми.

Так начинается сказка о каждом, кто прочитает эти строки и вспомнит: твой внутренний мир — это сверхвременное отражение внешнего. Внешний мир — это разновременное отражение твоего внутреннего. И от того, как ты смотришь, зависит, что ты увидишь. А от того, что ты увидишь, зависит, кем ты станешь.

А Мать-Мифотворчество сидит на краю новой Монады и уже шепчет новую историю. В ней и начало, и конец. В ней вечное сейчас, в котором каждый — ферзь, каждая — пешка, а все вместе — единая, уникальная, вечно творящая себя сказка.

— А что дальше? — спросит кто-то.

— А дальше — следующий ход, — ответит Мать. — И в этом ходу — весь мир. Твой мир. Который ты выбираешь. Которым ты становишься.

И будет так.

Ибо так есть.

Ибо так — всегда.

Конец.

Или начало — в зависимости от того, кто смотрит и зачем.

Вместо послесловия:

Десять тезисов, которые Ферзь вынес из своего пути

1. Все мы уникальны, а Мир един. — Я был пешкой, ферзем, бунтарем, учеником. Каждый из них — уникален. И каждый — это я. Так и мир: бесконечно разный, но единый в своей основе.

2. Мир есть восприятие мира. — Доска была плоской, пока я верил в ее плоскость. Монада стала объемной, когда я научился видеть объем. Мир не менялся. Менялся я. И мир менялся вместе со мной.

3. Время выражается через временное, человек через человеческое. — Я понял время, когда прошел путь от пешки до ферзя. Я понял себя,

когда узнал себя в другой фигуре. Понять можно только через опыт. А опыт — это мера.

4. Всё зависит от того, Кто смотрит и Зачем. — Когда я смотрел как ферзь, желавший власти, мир был полем битвы. Когда я смотрел как ученик, ищущий истину, мир стал Монадой. Когда я смотрел как тот, кто хочет понять, мир стал мной.

5. «Или» заменить на «И». — Я больше не выбираю между пешкой и ферзем, рабством и свободой, правотой и неправотой. Я — и то, и другое, и третье, и все, что между ними. Противоречия не исчезли. Они стали моей объемностью.

6. В слове Бог каждый находит свое. — Для меня Бог — это не судья наверху и не закон внутри. Бог — это тишина, в которой я слышу все свои голоса и понимаю, что все они — мои. И это понимание — единство.

7. Об относительной правоте. — Слон прав на своей диагонали. Конь прав в своем скачке. Я был прав, когда был пешкой. И я был прав, когда стал ферзем. И я прав сейчас, когда говорю: правота — это не истина, а путь к истине. И путь этот у каждого свой.

8. Уровни сознания определяются из центра. — Моя

Монада — это не единственная Монада. Это *моя* Монада. Чужое — это непонятое мое. И чтобы понять чужое, мне не нужно выходить из себя. Мне нужно расширить себя настолько, чтобы в меня вошло чужое.

9. «Всё во всём» в той Мере, как я способен воспринять. — Я вижу в пешке себя. Я вижу в Слоне свой прошлый выбор. Я вижу в Коню возможный путь. Я вижу всё во всём ровно настолько, насколько я готов увидеть в другом себя. И эта готовность — мой рост.

10. Единство всегда относительно. — Даже эта сказка — не истина. Это одна из истин. Мой взгляд. Моя Монада. Но если ты, читатель, увидел в ней что-то свое — значит, наши Монады пересеклись. Значит, мы — одно. В той мере, в какой мы оба способны быть и собой, и другим.

И последнее, что понял Ферзь, стоя на пороге новой истории:

Тайна внутреннего мира, проецируясь восприятием во внешний, отражает уровень самосознания. Он посмотрел на мир и увидел себя. Он посмотрел на себя и увидел мир.

И в этом круге — не порочном, а животворящем — он нашел то, что искал с самого начала:

И ответ. И истину. И покой.
Способность быть в пути, не теряя дома.

Способность быть домом для всех, кто в пути.
Способность быть сказкой, которая никогда не
заканчивается, потому что каждый, кто ее слышит,
начинает рассказывать свою.

И это — интрасфера.
Взгляд изнутри на мир, который есть ты.
Взгляд изнутри на себя, который есть мир.

1 апреля 2026 г.

Сказка о том, как Монада решила пошутить, а фигуры никак не могли ПОНЯТЬ, КТО ИЗ НИХ КТО

Интрасферная первоапрельская притча с элементами фарса, переполоха и нечаянной мудрости

Пролог, в котором всё было серьёзно, но недолго

В Монаде, после всех путешествий, после всех открытий и освобождений, наступило затишье... Ферзь без короны сидел на своей любимой клетке (которая давно уже перестала быть клеткой, оставшись местом, где интересно думать). Пешка светилась рядом. Белый Слон отдыхал после смелого шага в чёрное. Конь рисовал копытом спирали, и они теперь получались у него особенно замысловатыми, кучерявыми, как говорят пешки.

Всё было хорошо. Даже слишком хорошо.

— Скучно, — промямлила Пешка.

— Не может быть скучно, — возразил Ферзь. — Мы познали единство бытия, преодолели дуальность восприятия, заменили «или» на «и»! Скука — это форма неприятия настоящего момента, неужели ещё не дошло.

— Это ты сейчас кому сказал? — фыркнула Пешка.

— Себе? Потому что я вижу, как ты уже третий раз переставляешь корону с места на место. Скучно тебе, вижу. Просто говорить об этом неловко после всего, что мы вместе ...пережили.

Ферзь покраснел. Если бы дерево могло краснеть.

— Ну, может быть, самую малость... — пробормотал он. — Но это не скука. Скорее... созерцательная пауза.

— Это скука, — отрезала Пешка. — Признай уже. Мы столько всего прошли, уйму дверей открыли, столько свобод обрели... а делать-то нечего.

— А что делать? — спросил Конь, приотрывая голову от рисуемых спиралей. — Мы уже всё поняли. Или почти всё. Осталось только ...применять.

— Применять скучно, — сказал Слон. — Понимать интереснее.

Они замолчали. Монада вздохнула. Её дыхание едва слышалось среди других, но в нём чувствовалось что-то... хитренькое.

Никто этого и не заметил.

Глава первая, в которой фигуры проснулись не теми, кем были

Утро (если в Монаде вообще бывает утро) началось с крика.

— А-а-а-а! — заорал Конь. — Я... я не могу нарисовать спираль!

Все тотчас проснулись. Ферзь открыл глаза и почувствовал, что... он очень хочет есть. И что ему хочется двигаться вперёд, медленно, по одному шагу. И что он почему-то светится, как простая пешка.

— Что со мной?! — закричал Ферзь тоненьким голосом, совсем не походившим на его командный баритон.

— Ты... ты маленький! — ахнул Слон. — И светишься! Как...

— Как Пешка, — закончил за него Конь, который в этот момент пытался поймать своё отражение в невидимой глади Монады и... с ужасом обнаружил, что у него... прямые линии мысли.

— Я — Конь! — закричал Конь. — Моё копыто должно рисовать спирали! А оно рисует... прямые углы! Я что, стал... Ладьёй?!

— А я... — Слон попытался сделать шаг по диагонали и с ужасом обнаружил, что может ходить только прямо. И ещё он почему-то чувствовал себя очень устойчивым. И квадратным. — Я стал Ладьёй! Или даже... Пешкой? Нет, Пешка светится. А я не свечусь. Я просто... квадратный.

— А я... — голос Пешки раздался откуда-то сверху. Все подняли головы.

Над ними, возвышаясь на целую голову (может и больше), стояла... Пешка. Которая была... Ферзем, в настоящей короне. И была такой исключительно важной, даже красивой. И совершенно не знала, что с этим делать.

— Я могу ходить куда угодно, — сказала Пешка-Ферзь голосом, который прозвучал царски, низким и командным. — Я могу любого срубить. Я могу... о боже, я же Пешка! Я должна была светиться! А вместо этого... командую!

— Это Монада! — догадался Ферзь-Пешка. — Она нас перепутала!

— Она над нами смеётся! — добавил Слон-Ладья.

— Это первоапрельская шутка! — закричал догадливый Конь-Ладья-Бывший-Конь. — Я слышал, у людей есть такой день, когда всё переворачивается!

— Но мы не люди, — растерянно сказал Ферзь-Пешка. — Мы фигуры. У нас не бывает первого апреля.

— Бывает, — раздался голос. Тихий, прозрачный, вездесущий.

Никто

Она появилась, как и раньше, из ниоткуда — точнее, из воздуха, который всегда был рядом, но никто его не замечал.

— Ты! — хором воскликнули фигуры.

— Я, — скромно сказала Никто. — Но это не я. Это Монада. Ей стало весело. Она подумала: «Сколько можно быть серьёзными? Столько открытий, столько прозрений, а ни разу не посмеялись».

— Но это не смешно! — возмутился Ферзь-Пешка.

— Я — Ферзь! Я не должен светиться и ходить по одному шагу! Это же насмешка, а не смех.

— А я — Пешка! — возмутилась Пешка-Ферзь. — Я должна светиться, а не командовать!

— А я — Конь! — закричал Конь-Ладья. — Мои траектории должны быть безумными, а не прямыми!

— А я — Слон! — добавил Слон-Ладья-Тоже-Прямой. — Я должен ходить по диагонали и любить белое!

— И что же теперь делать? — спросили все вместе.

Никто улыбнулась. Её прозрачное тело слегка мерцало, и в этом мерцании чувствовалось что-то... озорное.

— А вы попробуйте побыть теми, кем стали, — сказала она.

— То есть... играть чужие роли? — ужаснулся Ферзь-Пешка.

— А разве вы не играли их всю жизнь? — загадочно спросила Никто. — Только вчера вы были уверены, что вы — это вы. А сегодня вдруг обнаружили, что «вы» — это не форма, а то, что за формой. Разве это не отличный повод проверить, насколько вы привязаны к своим ролям?

Фигуры переглянулись.

— Она права, — неожиданно сказал Конь-Ладья. — Я всегда думал, что я — Конь, потому что умею рисовать спирали. А вдруг я — это не спирали? Вдруг я — это способность быть неожиданным? А

прямая линия — это тоже может быть неожиданно, если ты к ней не привык.

— Я всегда думал, что я — Ферзь, потому что сильный, — медленно произнёс сердитый Ферзь-Пешка. — А вдруг сила — это не размер и не корона? Вдруг сила — это способность идти вперёд, когда страшно, шаг за шагом?

— А я всегда думала, что я — Пешка, потому что маленькая и светлая, — пробасила Пешка-Ферзь. — А вдруг свет — это не свойство маленьких? Вдруг большие тоже могут светиться?

— А я всегда думал, что я — Слон, потому что люблю белое и диагонали и всё такое, — игриво сказал Слон-Ладья. — А вдруг любовь к порядку — это не свойство слона? Вдруг ладья тоже может любить порядок? Просто по-другому?

Они замолчали. Монада замерла в ожидании.

Глава вторая, в которой фигуры попробовали быть другими

Ферзь-Пешка сделал шаг. Один маленький шаг вперёд.

— Это странно, — сказал он. — Я привык ходить на любое расстояние, а тут... только вперёд. И только на одну клетку. Но знаете ли... в этом есть своя прелесть.

— Какая? — опешила Пешка-Ферзь.

— Ты не выбираешь, куда идти. Ты просто идёшь. И веришь, что куда-нибудь да придёшь. Это... освобождает, знаете ли, от бесконечного выбора.

Он сделал ещё шаг. И ещё. И вдруг почувствовал, как внутри него загорается свет. Не тот, который был у Пешки, а другой — свой, маленький, но тёплый.

— Я свечусь! — закричал он. — Я — Пешка?! Но я всё ещё Ферзь! Кто же я, если могу и то и другое!

— Или, — поправила Никто.

— Что «или»? — не понял Ферзь-Пешка.

— Не «или», — улыбнулась Никто. — «И». Ты — и Ферзь, и Пешка. Просто вчера ты об этом забыл, а сегодня Монада напомнила.

Тем временем Пешка-Ферзь решилась. Она сделала огромный шаг — через всю-ууу Монаду, от края до края, как ей виделось.

— Ого! — воскликнула она. — Это так быстро! И так далеко! Я никогда не думала, что можно двигаться с такой световой скоростью! Но знаете... в этом тоже есть своя прелесть.

— Какая? — спросил Конь-Ладья.

— Ты можешь быть там, где нужно, мгновенно. И не ждёшь, и не копишь силы, не нервничаешь. Ты просто... делаешь. Это... освобождает. От бесконечного терпения.

Она сделала ещё шаг. И ещё. И вдруг почувствовала, как внутри неё что-то... засияло. Не так, как у пешки, а по-другому — мощно, широко.

— Я — Ферзь! — закричала она. — Но я всё ещё Пешка! Я могу и то и другое!

— Не «и», — поправила Никто.

— Что «не и»? — не поняла Пешка-Ферзь.

— Не «и», — улыбнулась Никто. — «И». Ты — и Пешка, и Ферзь. Просто вчера ты об этом забыла, а сегодня Монада напомнила.

Конь-Ладья тем временем пытался и почти научился ходить по прямой.

— Это ужасно скучно, — проямлил он. — Прямо. Всё время прямо. Никаких неожиданностей.

— А ты попробуй найти неожиданность в прямоте, — предложила Никто.

Конь-Ладья нахмурился. Он прошёл прямо. Потом ещё раз прямо. Потом ещё... И вдруг заметил: когда идёшь прямо, ты видишь то, что скрыто от тех, кто скачет. Ты видишь, как постепенно меняется свет. Как бывшее маленьким медленно растёт, приближаясь. Как ритм шагов становится музыкой.

— Это... красиво, — удивился он. — Я никогда не замечал, какая красивая бывает прямая линия, если идёшь по ней медленно.

— А я никогда не замечал, — сказал Слон-Ладья, который тоже ходил прямо и тоже вдруг увидел то,

чего не видел раньше, — какая красивая бывает тишина. Когда ты не думаешь о диагоналях, не выбираешь между белым и чёрным, а просто... идёшь. И мир становится проще и глубже одновременно.

Они шли. И светились по-разному. Они двигались по-разному. Но в каждом из них жило то, что было вчера, и то, что появилось сегодня.

И это не было противоречием.

Глава третья, в которой Монада раскрыла шутку

— Ну что, — спросила Никто, когда фигуры наигрались в новые роли, — вы поняли, зачем Монада это сделала?

— Чтобы мы не привязывались к формам, — сказал Ферзь-Пешка, который уже почти привык к своему свечению.

— Чтобы мы помнили, что мы — не только то и те, кем привыкли себя считать, — добавила Пешка-Ферзь, она-то уже привыкла к своей короне.

— Чтобы мы научились видеть красоту в том, что раньше считали скучным, — сказал Конь-Ладья, который вдруг понял, что прямая линия — это тоже спираль, просто очень-очень большая и медленная.

— Чтобы мы перестали делить мир на «свое» и «чужое», — сказал Слон-Ладья, который вдруг почувствовал, что чёрное и белое — это не враги, а просто разные цвета одной палитры.

— Всё так, — сказала Никто. — Но не всё.

— А что ещё? — спросили фигуры.

— А ещё — чтобы вы посмеялись, — сказала Никто. — Вы столько времени были серьёзными. Искали истину. Открывали свободу. Встречали Парменида, вникали в сложность. А когда вы в последний раз смеялись? По-настоящему? Не над кем-то, а над собой? Над тем, как вы серьёзны?

Фигуры переглянулись.

— Я... не помню, — признался Ферзь.

— Я тоже, — сказала Пешка.

— А что тут смешного? — спросил Конь. — То, что мы перепутались?

— А вы посмотрите на себя, — сказала Никто.

Они посмотрели.

Ферзь-Пешка — маленький, светящийся, пытающийся командовать басом, он никак не мог звучать басом.

Пешка-Ферзь — огромная, в короне, что ей была слишком велика, пытающаяся скромно светиться и почему-то наступающая на собственную мантию.

Конь-Ладья — ухитряющийся нарисовать копытом спираль и получающий квадрат.

Слон-Ладья — пытающийся ходить по диагонали и утыкающийся в невидимые стены.

Они смотрели. И вдруг...

— Ха! — сказал Ферзь-Пешка.

— Хи! — сказала Пешка-Ферзь.

— Хо! — сказал Конь-Ладья.

— Хе! — сказал Слон-Ладья.

А потом они засмеялись все вместе. Так, как не смеялись никогда до этого. Смеялись над собой. Над своей серьёзностью. Над тем, как они важничали вчера. Над тем, как боялись новых ролей сегодня.

Смеялись, и Монада тоже смеялась вместе с ними. Её грани вибрировали, числа танцевали, гармония превращалась в музыку, а музыка — в хохот.

— Вот это и есть настоящая свобода, — сказала Никто, когда смех поутих. — Не только быть тем, кем хочешь. Но и посмеяться над тем, кем ты себя считал.

Эпилог, в котором всё вернулось на свои места (почти)

На следующее утро (если в Монаде бывает следующее утро) фигуры проснулись собой.

Ферзь был Ферзем. Пешка светилась. Конь рисовал спирали. Слон ходил по диагонали.

Но что-то изменилось.

— Знаешь, — сказал Ферзь, глядя на свою корону, — я, кажется, понял. Быть Ферзем — это не только ходить на любое расстояние и рубить всё подряд. Это ещё и уметь быть Пешкой. Когда нужно — идти медленно, шаг за шагом, доверяя пути.

— А быть Пешкой, — сказала Пешка, — это не только светиться и идти вперёд. Это ещё и уметь быть Ферзем. Когда нужно — сделать широкий шаг, взять ответственность, и не бояться высоты.

— А быть Конём, — сказал Конь, — это не только рисовать спирали. Это ещё и уметь быть Ладьёй. Когда нужно — идти прямо, видеть простоту, находить красоту в прямых линиях.

— А быть Слоном, — сказал Слон, — это не только любить белое и диагонали. Это ещё и уметь быть Ладьёй. Когда нужно — стоять твёрдо, не выбирая цвета, просто быть опорой.

— И всё это, — сказала Никто, появляясь из воздуха, — называется одним словом.

— Каким же? — хором спросили фигуры.

— Игрой, — сказала Никто. — Вы думали, что игра — это когда фигуры двигаются по правилам. А ведь настоящая игра — это когда вы можете быть разными, не теряя себя. Когда можете посмеяться над своей серьёзностью. Когда вы не боитесь перепутаться, потому что знаете: то, что вас объединяет, больше любой формы.

— И как же это называется? — спросил Ферзь.

— Это называется, — сказала Никто, — интрасфера. Взгляд изнутри на мир, который всегда готов и помочь найти ответы, и посмеяться. Чтобы ты не забывал: ты — не только тот, кто ищет истину. Ты ещё и тот, кто умеет смеяться. Даже над собой. Особенно над собой. Особенно, когда не видишь, что истина в тебе всегда живёт, и ждёт твоего внимания, нового взгляда, интрасферного восприятия.

Монада вздохнула. В её дыхании слышался неподражаемый смех. Тихий, добрый, всепрощающий, любящий.

— С первым апреля, — сказала Никто. — Или с тем днём, когда вы поняли, что быть серьёзным — это важно. А быть весёлым — не менее важно.

— А если у нас нет первого апреля? — спросила Пешка.

— Теперь есть, — улыбнулась Никто. — Вы его только что создали. Своим смехом и этой сказкой. Своей готовностью быть не только теми, кем вы себя считаете, но и теми, кем вы можете стать, когда перестаёте бояться.

Фигуры заулыбались.

И Монада заулыбалась особенно нежным звучанием, ароматом настроения, фантазией ещё нерожденной сказки.

Послесловие для тех, кто не понял, при чём тут Парменид

А при том, что даже Парменид, самый серьёзный философ в истории, однажды сказал: «Бытие есть, небытия нет».

Но он не сказал, что Бытие не умеет шутить.

А оно-то умеет.

Оно умеет и перепутать фигуры, чтобы они вспомнили, что они — не только фигуры. Оно умеет и посмеяться над серьёзностью, чтобы серьёзность не стала скукой. Ещё оно умеет сделать так, чтобы в самый важный момент кто-нибудь наступил на мантию, и все засмеялись, как дети.

Потому что Бытие — это не только Истина.

Бытие — это ещё и Улыбка.

Она видит себя во всём. И во всех.

И даже в тех, кто слишком серьёзен, чтобы это заметить.

Особенно в них.

Так закончилась сказка о том, как Монада пошутила

И так начался день, когда фигуры поняли: свобода — это не только быть собой.

Свобода — это ещё и посмеяться над тем, Как ты серьёзно относишься к тому, чтобы быть собой.

С первым апреля, дорогие фигуры.

С первым апреля, дорогая Монада.

Продолжение в книге «СКАЗЫ О МОНАДЕ»

<https://online.pubhtml5.com/ucdb/wtfu>

Сказка о семи дверях и одной комнате, которая всегда свободна

Или: Как фигуры снова собрались, чтобы понять, что тюрьма — это взгляд, а не стены

На краю Монады, там, где числа становились едва слышными, а гармония — почти невесомой, собрались старые знакомые. Ферзь без короны. Пешка со светом внутри. Слон, всё ещё любящий белое. Конь, чьи траектории по-прежнему казались безумными. И многие другие.

Они собрались не играть.

Они собрались говорить о свободе.

— Я не знаю, что это такое, — призналась Пешка.
— Я думала, свобода — это дойти до конца доски. Я дошла. И поняла, что это не конец. И не свобода. Просто другая клетка.

— Свобода — это власть, — сказал Ферзь, но голос его звучал неуверенно. Корона, которую он снял, лежала перед ним на невидимом столе, и пустое место над его головой казалось больше, чем сама корона. — Я думал, что если буду самым сильным, никто не сможет мной управлять. Но сила оказалась... тоже клеткой. Самой тяжёлой.

— Свобода — это привычка, — вставил Слон. — Я всегда ходил только по белым клеткам. Меня так учили. Мне так удобно. Это моя свобода — не выбирать.

— Или твоя тюрьма, — тихо сказал Конь. — Просто такая красивая, что ты её не замечаешь.

Дверь первая. Тело

Они сидели в тишине, когда из тени выступила новая фигура. Её никто раньше не видел. Она была... прозрачной. Сквозь неё просвечивали числа Монады, и казалось, что её тело — не преграда, а окно... необычное.

— Меня зовут Никто, — сказала фигура. — Я пришла рассказать о свободе.

— Но ты же... совсем прозрачная, — растерянно сказала Пешка. — Тебя нет?

— Я есть, — улыбнулась Никто. — Просто меня не держат, как вас – в восприятии. Мне известно, что не тело держит душу, как думают многие, а душа иногда забывает, что тело — не тюрьма, но инструмент. Инструмент, который можно настроить по желанию или необходимости. Или вовсе перестать слушать, когда он фальшивит.

— Легко тебе говорить, — буркнул Слон. — Ты не знаешь, что такое боль. Что такое, когда тело не слушается. Когда оно — предатель.

— Знаю, — сказала Никто. — Я была телом. Долго. Очень долго. Я была болью, которая не проходит. Я

была усталостью, которая не отпускает. Я была телом, которое говорило «нельзя», когда душа кричала «хочу».

— И что ты сделала? — недоверчиво спросил Ферзь.

— Перестала с ним бороться, — ответила Никто. — Свобода от тела — это не победить его. Это перестать быть только им. Я поняла, что тело — это не только граница, но большее — это мера. Мера того, как далеко я могу зайти в этом мире, не теряя связи с ним. Когда я перестала требовать от тела того, чего оно не может, оно перестало быть моей тюрьмой. Скажу больше, оно стало моим языком, речью. Языком, на котором мир говорит со мной. А я — с миром.

— Но как же желания? — спросила Пешка. — Желания, которые тело требует, а мир не даёт?

— Это следующая дверь, — улыбнулась Никто. — Если интересно, идите за мной.

Дверь вторая. Желание

Они вошли в коридор, стены которого были выложены из... желаний. Тысячи, миллионы маленьких огоньков мерцали в толще камня. Каждый хотел чего-то. Стать ферзем. Дойти до края. Получить корону. Услышать похвалу. Избежать поражения. Быть важным миру.

— Моё желание, — сказал Ферзь, прикасаясь к одному огоньку, — было стать главным. Я получил это. И понял, что желание исполнилось, а свободы не прибавилось. Просто появилось новое желание — быть ещё главнее или ценнее.

— Это не свобода, — сказал Конь. — Это беличье колесо. Желание порождает новое желание. А исполнение — только очередную клетку.

— Свобода от желаний? — спросил Слон. — Отказаться от всего? Стать... никем? Но это через чур... даже для слонов-такелажников.

— Нет, — сказала Никто. — Свобода от желаний — это не свобода. Это другая тюрьма. Тюрьма равнодушия! В неё и попадают многие. Настоящая свобода — это свобода осознанно выбирать лучшие

желания. Не быть рабом каждого «хочу», которое просыпается внутри. А смотреть на свои желания и спрашивать: чье это желание? Моё? Или того, кем меня научили быть? Кто во мне смотрит на желания и Зачем?

Она провела рукой по стене, и огоньки замерцали ярче. В каждом из них Пешка увидела чьи-то лица. Учителей. Родителей... Тех, кто говорил: «Ты должна», «Ты обязана», «Это важно».

— Многие из этих желаний, — сказала Никто, — не ваши. Они надеты на вас, как чужие костюмы. Свобода начинается там, где вы снимаете нелюбимый костюм и остаётесь в том, что носится легко. Не потому, что мало весит или приятно. А потому, что ваше, родное.

— Но как отличить? — спросила Пешка. — Своё от чужого?

— По звуку, — сказала Никто. — Чужое желание кричит. Требует. Иные хитрее, обещают счастье потом. Своё — шепчет изнутри, иногда поёт. Не торопит. Оно хочет не обладать, а быть. Не получить, а стать, проявиться.

Она открыла следующую дверь.

Дверь третья. Ритуал

За дверью был зал, полный танцующих фигур. Они двигались в идеальном ритме, повторяя одни и те же движения. Вперёд-назад. Влево-вправо. По кругу. Танец был красив. Более того, танец был мастерски отточен. И был он... бесконечным.

— Что это? — спросил Ферзь.

— Ритуалы, — сказала Никто. — То, что вы делаете, потому что «так принято». Потому что «всегда так делали». Потому что «иначе нельзя».

Слон вздрогнул. Он узнал свой танец. Только по белым клеткам. Только вперёд по диагонали. Ни шага в сторону. Ни шага в чёрное.

— Это красиво, — сказал он неуверенно. — В этом есть порядок. Гармония. Но не для меня...

— Есть, — согласилась Никто. — Вопрос не в красоте. Вопрос в том: ты танцуешь этот танец, или танец танцует тебя?

— А какая разница? — спросил Слон. — Я его выбрал.

— Выбрал ли? — Никто посмотрела на него. — Или тебя выбрали? Или ты просто не пробовал остановиться и взглянуть со стороны?

Слон замер. Он попытался сделать шаг в чёрное. Нога не поднялась. Он попытался сбить ритм. Тело продолжало двигаться в прежнем темпе.

— Я... не могу, — прошептал он.

— Потому что ритуал стал твоей формой, — сказала Никто. — Не ты его держишь. Он держит тебя. Свобода от ритуала — это не разрушить его. Это уметь остановиться. Уметь спросить: «Я это делаю, потому что это нужно сейчас? Или потому что я боюсь перестать?»

— А если я остановлюсь, что останется? — голос Слона дрожал.

— Ты, — просто ответила Никто. — Тот, кто выбирает, когда танцевать, а когда — стоять в тишине.

Слон сделал шаг. Не вперёд. Не по диагонали. Он просто... остановился, шагнув внутрь... Ритм вокруг него продолжался, но он больше не был его частью. Он был собой. В тишине.

— Странно, — сказал он. — Я думал, будет страшно. А тут... просторно.

Дверь четвёртая. Обязанность

Следующий коридор был узким. Стены давили. На каждой стене висели таблички: «Должен», «Обязана», «Это твоя ответственность», «Без тебя не справятся».

Ферзь узнал эти таблички. Он носил их на себе, когда был главным. «Я обязан управлять». «Я должен быть сильным». «Я отвечаю за всех».

— Это самая хитрая тюрьма, — сказала Никто. — Она маскируется под... благородство. Тебе кажется, что ты свободен, потому что ты выбрал эти обязанности и ответственность. Но спроси себя: что будет, если ты откажешься?

— Всё рухнет, — машинально ответил Ферзь.

— Рухнет? — переспросила Никто. — Или просто встанет на свои ноги? Обязанности, которые нельзя передать, — это не долг. Это зависимость. Ты нужен не миру. Ты нужен своей роли.

— Но кто-то же должен? — возразил Ферзь.

— Кто-то — да, — кивнула Никто. — Но этот «кто-то» не обязательно ты. И не обязательно всегда и тут. Свобода от обязанностей — это не отказ от ответственности. Это умение разделять. Нести своё, не таща чужое. И уметь уходить, когда твоё — сделано.

— А если не сделано? — тихо спросила Пешка. Она вспомнила всех, кого оставила на старой доске, когда пошла в свой путь.

— Тогда ты не свободен, — сказала Никто. — Ты заложник незавершённого. Но завершить — не значит сделать всё самому. Завершить — значит отпустить. Передать. Поверить, что без тебя мир не рухнет. Потому что если он держится только на тебе — это не мир. Это твоя тюрьма, которую ты назвал важностью. Взгляни глазами Творца, многие в мирах живут, забыв о нём, и мир не рушится, ибо держится не только на Нём. Но Его Свободой творчества!

Ферзь снял с груди невидимую табличку. Она упала и рассыпалась в пыль. Дышать стало легче.

Дверь пятая. Связь

Они вошли в комнату, полную нитей. Тонких, толстых, золотых, ржавых, натянутых и оборванных. Нити тянулись от каждой фигуры к другим фигурам, к местам, к воспоминаниям.

— Это связи, — сказала Никто. — Устаревшие связи. Те, что держат вас в прошлом. Те, что уже не питают, а тянут вниз, гирями.

Пешка коснулась одной нити. Она вела к старой доске, к тем пешкам, с которыми она начинала путь. Нити были тёплыми, но... истончившимися. Как старая верёвка, которая уже не держит, но всё ещё висит, путаясь под ногами.

— Я не могу их оборвать, — сказала она. — Это предательство.

— Предательство — это сделать вид, что связи нет, — ответила Никто. — А свобода — это увидеть, какая связь жива, а какая — только привычка,

тянущая на дно. Благодарность не требует постоянства. Любовь не требует присутствия. Можно отпустить нить и продолжать любить. Можно перестать быть должным и оставаться благодарным.

— Но как понять, какую нить рвать? — спросил Конь. Он запутался в своих нитях больше всех — его скачки оставляли узелковые следы везде.

— Нити не рвут, — сказала Никто. — Их переплетают заново. Ты не выбрасываешь прошлое! Ты находишь ему новое место. Там, где оно не душит, а поддерживает. Там, где оно становится фундаментом, а не временным потолком.

Она провела рукой, и нити начали двигаться. Не обрываясь, они перестраивались в новый узор. Пешка увидела, как её связь с прошлым не исчезла, а... встроилась в основание. Стала тем, на чём создаётся новое, а не тем, что мешает идти.

— Свобода от связей, — сказала Никто, — это не одиночество. Это способность выбирать, как быть связанным. Не быть привязанным, а быть соединённым. Существенная разница.

Дверь шестая. Стереотип

Они вошли в зеркальную комнату. Но зеркала здесь отражали не лица, а мысли.

Ферзь увидел в одном зеркале: «Ферзь должен быть сильным». В другом: «Ферзь не имеет права ошибаться». В третьем: «Ферзь — это власть».

Пешка увидела: «Пешка — это начало», «Пешка не может выбирать», «Пешка должна дойти».

Слон увидел: «Твой цвет — белый», «Чужой цвет — опасность», «Ни шага в сторону».

Конь увидел лабиринт зеркал, в каждом из которых он был «безумным», «непредсказуемым», «неправильным».

— Это стереотипы мышления, — сказала Никто. — Самые невидимые стены. Вы даже не знаете, что они есть, потому что смотрите на мир сквозь них, как сквозь очки, которые надели в детстве и забыли снять.

— Но они же... правильные? — неуверенно сказал Слон. — Ферзь — действительно сильный. Пешка —

действительно маленькая. Я — действительно белый.

— Ты — белый? — переспросила Никто. — Или ты просто привык так думать? Стереотип — это не знание. Это привычка видеть. И она лишает тебя объёма. Мир через стереотип плоский. А ты — теперь объёмный.

— Но как увидеть без стереотипа? — спросил Ферзь. — Как думать, если не думать «правильно»?

— Никто не предлагает тебе думать «неправильно», — улыбнулась Никто. — Тебе предлагают освободиться от предубеждений. Смотреть на мир не сквозь готовую форму, а видеть его живым. Каждый раз заново. Что такое ферзь без стереотипа? Не «тот, кто управляет», а «тот, кто выбирает, как или когда управлять». Что такое пешка без стереотипа? Не «та, кто идёт вперёд», а «та, кто выбирает, куда и когда идти».

— Это страшно, — сказала Пешка. — Если я не знаю, как «правильно», я могу ошибиться.

— Можешь, — кивнула Никто. — И это будет твоя ошибка. А не навязанного стереотипа. Свобода от стереотипов — это не безошибочность. Это

авторство своих ошибок. И своих побед. Лучший опыт жизни автора себя.

Она щёлкнула пальцами, и зеркала треснули. Но не разбились... А превратились в окна.

— Смотрите, — сказала Никто. — Не сквозь стереотип. Просто смотрите.

И они увидели мир. Не плоский. Не чёрно-белый. А тот, который всегда был, но которого они не замечали из-за укоренившейся привычки воспринимать его стереотипно.

Дверь седьмая. Соответствие

Последняя дверь открылась в комнату, где не было стен. Только бесконечное пространство. И посреди него — огромное зеркало. Но в зеркале отражался не каждый из них и не их мысли. В этом зеркале отражался... мир.

— Это самое сложное, — сказала Никто. — Свобода от необходимости соответствовать.

Соответствовать ожиданиям. Соответствовать окружению. Соответствовать тому, «как надо».

— Но если я не соответствую, меня не примут, — сказала Пешка. — Я останусь одна.

— Одна? — переспросила Никто. — Или собой? Соответствие — это маскировка. Ты надеваешь лицо, которое нравится другим, и постепенно забываешь, какое у тебя было лицо своё. Свобода от соответствия — это не одиночество. Это возможность встретить тех, кто будет с тобой не из-за маски, а из-за тебя настоящей.

— Но как же баланс? — спросил Ферзь. — Нельзя же совсем игнорировать мир. Мы живём среди других. Мы должны...

— Должны? — перебила Никто. — Ты опять за своё. Свобода — это не «игнорировать мир». Это выбирать, кому и как, когда и зачем соответствовать. Соответствовать не из страха быть отвергнутым, а из любви к тем, кто тебе дорог. Это разница между рабством и служением. Раб служит, потому что должен. Свободный служит, потому что хочет. И умеет сказать «нет», когда желание служить уходит.

— А как же... верность выбранному пути?

Она подошла к зеркалу и коснулась его.

— Посмотрите, — сказала она. — Что вы видите?

Ферзь увидел себя. Но не совсем ферзя. Не самого главного. Не слишком сильного. А того, кто просто есть. Кто не должен ничего доказывать. Кто может ошибаться, может быть слабым или сильным, может не соответствовать ожиданиям.

— Я вижу... себя, — сказал он. — Без масок.

Пешка увидела себя. Не маленькую. Не идущую. Просто светящуюся.

— Я вижу... свет, — прошептала она.

Слон увидел себя, а не привычный образ Слона, и не белого. Просто движущегося. Везде. По любым клеткам.

Конь увидел себя. Не безумного. Просто свободного.

— Это и есть свобода? — спросил Ферзь.

— Это начало свободы, — сказала Никто. — Увидеть себя без стереотипов, без масок, без «должен». Ну а дальше — самое интересное.

Комната, которая всегда была свободной

Они вышли из коридора дверей и оказались... в Монаде. В той самой, откуда начали. Но теперь она выглядела иначе. Она была не пространством с фигурами. Она стала живой. И внутри неё пульсировало что-то совсем новое.

— Что это? — спросила Пешка.

— Это внутренний мир, — сказала Никто. — Тот, который вы всегда носили в себе, но не замечали за дверями. Свобода «от» — это только половина. Свобода «для» — вот что настоящее.

— Свобода для чего? — спросил Ферзь.

— Для творчества, — ответила Никто. — Для создания своего мира. Не того, где нет ограничений, а того, где ограничения выбраны тобой. Где стены — это не тюрьма, а создаваемая форма, которую ты придаёшь своему пространству. Где правила — не внешний закон, а ритм, который ты любишь.

— Но разве творчество не требует жертв? — спросил Конь. — Разве можно быть свободным и творить, не подчиняясь материалу?

— Можно, — сказала Никто. — Свободный творец не подчиняется материалу. Он слышит материал. Он знает: глина хочет одного, камень — другого, звук — третьего. И его свобода — не делать из камня то, что хочет он, а найти то, чем камень хочет стать благодаря тебе. Это диалог. Не насилие. Не подчинение. Диалог восприятий.

— А если материал не слушается? — спросил Слон.
— Если мир сопротивляется?

— Тогда ты меняешь материал, находишь свой, лучший для тебя — сказала Никто. — Или меняешь себя. Или ждёшь. Свобода — это не всемогущество. Свобода — это способность выбирать ответ, способность выбирать и вопрос. Мир может сказать «нет». Свободный не ломает это «нет». Он спрашивает: «А что тогда — да?»

— И всегда есть «да»? — спросила Пешка.

— Всегда, — улыбнулась Никто. — Просто не всегда то, что ты ожидал...

Они замолчали. Монада дышала свободой. В её дыхании чувствовался ритм творчества — тот

самый, который всегда был внутри, но заглушался суетой дверей или окон.

— А как же нежелательные воздействия? — спросил наконец Ферзь. — Внешние. Внутренние. Те, от которых нельзя спрятаться! Те, что ломают. Никто посмотрела на него так, что её прозрачное тело стало ещё прозрачнее. Сквозь неё Ферзь увидел всё, что она пережила. Боли. Потери. Страхи. Разочарования... и восторг соприкосновения с истиной, и процесс самотворения, отражавшийся в каждом из тех, с кем она говорила, в каждом из них...

— Потери не избежать, — сказала она. — Свобода — не в том, чтобы их не было. Она — в том, чтобы не отождествлять себя с ними. Боль приходит. Ты не боль. Страх приходит. Ты не страх. Усталость приходит. Ты не усталость. Ты — тот, кто это воспринимает. И у тебя всегда есть выбор: стать этим — или остаться собой, наблюдая.

— А если сил нет? — прошептала Пешка.

— Тогда ты позволяешь себе быть слабым, — сказала Никто. — Это тоже свобода. Не притворяться, что ты сильный, когда внутри пусто.

Не надевать маску бодрости, когда хочется плакать. Свобода — это честность с собой. Даже когда честность — это «я не могу».

— И что потом? — спросил Ферзь.

— Потом ты отдыхаешь, если устал, — улыбнулась Никто. — И возвращаешься. С новыми силами. С новым пониманием. Творчество — это не подвиг. Творчество — это дыхание. Это природа тебя, само твоё «Я». У него есть вдох и выдох. Периоды силы и периоды тишины. Свободный знает: тишина — не поражение. Это накопление.

Возвращение

Они вышли из Монады. Вернее, они поняли, что никогда из неё не выходили. Просто раньше они видели только клетки, а теперь видели многоликое пространство.

Ферзь оглядел свою корону. Она лежала там, где он её оставил, как прежде красивая и тяжёлая. Взял её в руки, но не надел. Просто держал, вспоминая.

— Я могу её надеть, — сказал он. — Или не надеть. И то и другое — моё решение. Не чужое.

Пешка посмотрела на свой свет. Он стал ярче. Не потому, что она стала больше. А потому, что перестала прятать его за «надо» и «должна».

Слон сделал шаг. В чёрное. Потом в белое. Потом туда, где цвета не было. Он танцевал. Свой танец. Который выбрал сам.

Конь засмеялся. Его смех был похож на траекторию — неожиданный, ломающий все правила, и при этом идеально точный.

Никто стояла рядом. Её прозрачное тело теперь было не просто окном. Оно было почти невидимым мостом.

— Что дальше? — спросила Пешка.

— А дальше — жизнь, — сказала Никто. — Свободная жизнь. С внутренним миром, который ты строишь сам. С творчеством, которое не требует разрешения. С возможностью сказать «да» и «нет» без страха. С правом быть собой — в любой форме, в любой момент.

— А если меня не поймут? — спросила Пешка.

— Не поймут, — кивнула Никто. — Некоторые точно не поймут. Но это их путь — понять или не понять. А твой путь — быть.

— А если будет больно?

— Будет. Но ты уже знаешь: боль — это не ты. Она приходит и уходит. А ты остаёшься.

— А если я запутаюсь?

— Тогда ты вспомнишь эту сказку. И спросишь себя: чьё это «надо»? Моё или чужое? Этот танец — мой или ритуал? Зачем он? Эта связь — живая или только привычка? Спросишь внутри себя, и ответ придёт из самого сердца.

— И что я отвечу?

— То, что почувствуешь. Свобода — это не правильный ответ. Это честный ответ. Себе. В моменте.

Они стояли в Монаде, она воспринималась миром, была ими всеми, была свободой — не от чего-то, а для всего.

— Знаешь, — сказал Ферзь, глядя на корону в своих руках, — я думал, свобода — это когда нет границ. А теперь я понимаю: границы есть всегда. Просто когда они выбраны тобой, они перестают быть тюрьмой. Они становятся формой. А форма — это не то, что сковывает. Это то, что придаёт смысл движению и мысли, и жизни, и чувства.

— Как стихотворению — рифма, — сказала Пешка.

— Как танцу — ритм, — добавил Слон.

— Как мысли — слово, — закончил Конь.

Никто улыбнулась. Её прозрачное тело начало мерцать, становясь то видимым, то невидимым.

— Я ухожу, — сказала она. — Меня ждут другие. Те, кто всё ещё ищет выход из дверей, которых на самом деле — нет.

— Ты вернёшься? — спросила Пешка.

— Я всегда рядом, — сказала Никто. — Я — свобода. Не та, которую дают. Та, которую выбирают. Каждый миг. Каждый вздох. Каждый шаг.

Она исчезла. Но Монада продолжала дышать. И в её дыхании чувствовалось: дверь, которую они

открыли, никогда не закроется. Просто потому, что её нет для свободных миров.

Вместо послесловия

Ферзь, Пешка, Слон и Конь сидели в кругу. Вокруг них были другие фигуры — те, кто ещё не прошёл свой путь, кто ещё искал, кто ещё боялся.

— Расскажите, — попросила одна молодая пешка.
— Что такое свобода?

Ферзь посмотрел на свою корону. Положил её на землю...

— Свобода, — сказал он, — это когда ты можешь её не надеть. И когда можешь надеть. И то и другое — твой выбор, а не чей-то приказ.

— Свобода, — сказала Пешка, — это когда твой свет не зависит от того, видит его кто-то или нет.

— Свобода, — сказал Слон, — это когда ты ходишь туда, куда хочешь, а не туда, куда «положено».

— Свобода, — сказал Конь, — это когда твой путь может быть неожиданным. Даже для тебя самого.

Они замолчали. А потом засмеялись. Потому что поняли: свобода — это ещё и способность смеяться над тем, что раньше казалось тюрьмой.

И так закончилась сказка о дверях, которых не видно.

Так началась жизнь, где каждый сам выбирает свою форму.

Не отменяя границ, но превращая их в ритм.

Не отрицая ограничений, но находя в них опору для творчества.

Не убегая от мира, но создавая свой — внутри себя.

Потому что настоящая свобода — это значит не уйти от всего.

Настоящая свобода — это быть центром своего мира и знать:

этот мир — твоё творение.

И в этом творении — всё, что тебе нужно.

А всё остальное — двери, которые открываются, или маски, роли, когда ты их выбираешь...

Конец... или начало — в зависимости от того, кто смотрит и зачем.

Но теперь — вы знаете, как смотреть интрасферно.

Сказ о том, что есть, и о том, чего нет

Или: Как Паменид (которого все звали Парменид, но фигуры слегка перепутали имя) объяснил Ферзю главную тайну

В Монаде, после всех путешествий, после всех дверей и всех свобод, наступил момент тишины. Ферзь сидел на пустой клетке — теперь он знал, что клетка пуста только для того, кто не умеет видеть. Пешка светилась рядом. Слон отдыхал после своего первого шага в чёрное. Конь рисовал копытом невидимые спирали и фантазировал.

И в эту тишину вошёл Он.

Старик. Не похожий на другие фигуры. Он был соткан из того, что нельзя потрогать, но нельзя и отрицать. Из того, что есть всегда. Даже когда ничего нет... Может, это был не старик, а вечник?

— Я — Паменид, — сказал он. — Некоторые зовут меня Парменидом, но имена, вы же знаете, это тени. А я пришёл поговорить о Свете.

— О каком-таком свете? — спросила Пешка. — У меня внутри есть свет. Я его чувствую!

— Это хороший свет, — кивнул Паменид. — Но я говорю сейчас о другом. О том, без которого твоего света не было бы. Ещё о том, что делает возможным само свечение, о том, что есть всегда.

— Звучит загадочно, — заметил Ферзь. — Но немного скучно. Мы тут только что разобрались со свободой, с дверями, с творчеством... А ты пришёл с абстракциями?

— Я пришёл с самым конкретным, основательным, что есть в мире, — улыбнулся Паменид. — С тем, что ты видишь каждую секунду, но никогда не замечаешь. С Бы-ти-ем.

— С чем-чем? — переспросил Конь, который в этот момент запутался в собственной спирали.

— С Бытием, — повторил Паменид. — С тем, что есть.

Разговор первый: о том, что нельзя сказать «нет»

Паменид сел на невидимый камень. Фигуры окружили его. Было в нём что-то такое, отчего не хотелось спорить, совсем... Хотелось слушать.

— Скажи мне, Ферзь, — начал старик. — Ты существуешь?

— Конечно, — пожал плечами Ферзь. — Вот же я. Сижу. Дышу. Мыслю.

— Хорошо. А то, что ты сидишь — оно существует?

— Ну... да. Есть сидение. Есть воздух, которым я дышу. Есть мысли, которые я мыслю.

— А ложь? — спросил Паменид. — Ложь существует?

Ферзь задумался.

— Ложь — это то, чего нет, но что часто выдают за правду. Так что... лжи нет. Есть только заблуждение.

— А заблуждение существует?

— Существует. Как процесс. Как состояние.

— Значит, то, чего нет, — сказал Паменид, — существует в форме процесса, состояния, заблуждения? Но если оно существует, значит, его нельзя назвать «не-существованием». Получается, даже ложь — это форма бытия. Просто искажённая.

— Ты меня путаешь, — нахмурился Ферзь.

— Я тебя проясняю, — улыбнулся Паменид. — Попробуй сказать «нет» чему-то. Абсолютное «нет». «Этого нет и не может быть».

Ферзь попытался. Он представил квадратный круг. Представил тишину, которая кричит. Представил свет, который темнее тьмы.

— Не получается, — признался он. — Я могу это вообразить. Значит, в воображении это есть.

— Именно! — Паменид хлопнул в ладоши. — Ты не можешь помыслить то, чего нет. Потому что сама мысль — это уже форма бытия. Даже отрицание — это форма утверждения. Даже «нет» — это способ сказать «есть отсутствие». А отсутствие — это тоже вид присутствия.

— Как так? — опешила Пешка.

— Очень просто, — сказал Паменид. — Представь пустую комнату. Что в ней есть?

— Ничего, — сказала Пешка.

— А пустота? — спросил Паменид. — Пустота есть? Ты можешь её описать? Можешь сказать: «В комнате есть пустота»?

— Могу, — кивнула Пешка.

— Значит, пустота существует. Как форма. Как вместилище. Как то, что позволяет чему-то появиться. Даже «ничто» — это нечто. Потому что если бы «ничто» не существовало, мы не могли бы о нём говорить. Но говорим!

— Так что же, всё существует? — спросил Конь. — Даже мои безумные траектории? Даже ошибки? Даже то, что я забыл?

— Всё, что может быть помыслено, — сказал Паменид. — Всё, что может быть названо. Всё, что может быть воспринято. Даже то, что ты назовёшь «не-существованием», — это всего лишь иная форма существования. Тень — не отсутствие света. Тень — это присутствие того, что свет не весь тут.

Разговор второй: о том, что нельзя переступить

— Но есть же граница, — возразил Ферзь. — Между тем, что есть, и тем, чего нет. Иначе слова теряют смысл.

— Граница есть, — согласился Паменид. — И она очень проста. Ты можешь переступить границу между комнатой и коридором. Можешь переступить границу между сном и явью. Но попробуй переступить границу между Бытием и Не-Бытием.

— Как?

— Очень просто. Сделай шаг туда, где ничего нет. Абсолютно ничего. Ни мысли, ни пространства, ни времени, ни возможности что-либо сказать.

Ферзь прежде шага попытался представить абсолютную пустоту. Но пока он её представлял, в этой пустоте уже был он — представляющий. А значит, там было что-то!

— Не могу, — признался Ферзь. — Как только я пытаюсь туда попасть, я уже там есть. Со своей мыслью. Со своим «я».

— Именно, — кивнул Паменид. — Потому что Бытие — это не «что-то среди другого». Бытие — это сама возможность того, что что-то есть. Ты не можешь выйти за его пределы, потому что за пределами —

ничего. А «ничего» нельзя помыслить без того, Кто мыслит! И зачем! А кто мыслит — уже есть. Понимаешь?

— Кажется, да, — медленно сказал Ферзь. — Это как рыба, которая пытается выпрыгнуть из воды, чтобы оказаться... где? В не-воде? Но не-вода — это воздух. А воздух — это другая среда. Тоже существующая. Рыба не может оказаться в абсолютном не-чём. Потому что для этого ей нужно... перестать быть, ну да, хотя бы рыбой. А пока она есть — она в Бытии.

— Ты почти понял, — Паменид смотрел на Ферзя с одобрением. — Бытие — это не коробка, в которой лежат вещи. Бытие — это свет, который делает вещи видимыми. Даже когда ты говоришь «тьма», ты говоришь это при свете. Потому что сама речь — это форма бытия.

Разговор третий: о сознании, которое тоже есть

— А сознание? — спросила Пешка. — Оно — часть Бытия? Или оно смотрит на Бытие со стороны?

— Хороший вопрос, — сказал Паменид. — Сознание — это не «часть» и не «наблюдатель». Сознание — это способ Бытия. Бытие не существует само по себе, как например, камень.

Бытие всегда является кому-то. И это «кому-то» — тоже Бытие.

— Ты говоришь загадками, — вздохнул Конь.

— Сейчас объясню, — улыбнулся Паменид. — Представь, что Бытие — это свет. Свет есть. Он всегда-езде есть. Но чтобы свет был увиден, нужен глаз. Глаз — это не что-то отдельное от света. Глаз — это тоже свет, только сгустившийся в форму инструмента видения. Сознание — это такой сгусток Бытия, который может Бытие осознавать. Понимаешь?

— То есть сознание — это Бытие, которое говорит: «Я есть», — тихо сказала Пешка.

— Именно! — Паменид просиял. — Ты не можешь помыслить сознание вне Бытия, потому что сознание — это форма Бытия. Как и время. И ты не можешь помыслить Бытие вне сознания, безмысленно, потому что Бытие, о котором никто не знает, которое никто не воспринимает — это противоречие. Бытие всегда кому-то является. Даже если этот «кто-то» — само оно - Бытие, созерцающее себя.

— Так что же, — спросил Ферзь, — Бытие и сознание — это одно и то же?

— И да, и нет, — загадочно ответил Паменид. — Они нераздельны, как свет и видение. Но они не тождественны, потому что видение может ошибаться, а свет — нет. Бытие есть всегда. Сознание может быть смутным, неполным, спящим. Но даже спящее сознание — это форма Бытия. Просто свёрнутая.

— Как моя корона? — спросил Ферзь. — Когда я её снял, она не перестала существовать. Она просто перестала быть на моей голове.

— Хорошая метафора, — улыбнулся Паменид. — Сознание может снимать и надевать формы. Оно может быть ферзем и пешкой, слоном и конём. Но то, что остаётся за всеми формами — способность быть, способность осознавать — это и есть Бытие. Неизменное. Всегда присутствующее. Даже когда ты думаешь, что его нет.

Главное выражение: «Бытие есть, не-бытия нет»

— Ты обещал объяснить одну фразу, — напомнил Ферзь. — «Существование есть, не-существования нет». Мои современники повторяют её как заклинание, но я не уверен, что понимают.

— Сядьте удобнее, — сказал Паменид.

— Сейчас я расскажу вам сказку внутри сказки.

Сказка о Тени, которая хотела стать Ничем

Жила-была Тень. Она появлялась, когда был свет. Она исчезала, когда света не было. И однажды Тени надоело зависеть от света.

— Я хочу быть Ничем, — сказала Тень. — Абсолютным Ничем. Таким, которого нет даже тогда, когда о нём думают.

— Но это невозможно, — сказал Свет. — Потому что даже твоё желание быть Ничем — это уже что-то. Это уже форма бытия.

— Тогда я перестану желать, — сказала Тень. — Я просто исчезну.

Она попыталась исчезнуть. Но пока она пыталась, она была. Она была пытающейся. Она была исчезающей. Она была той, кто говорит «я исчезаю».

— Видишь? — сказал Свет. — Ты не можешь исчезнуть полностью, потому что для этого тебе нужно было бы перестать быть вообще. Но «перестать быть» — это действие. А действие

предполагает того, кто действует. Ты не можешь совершить действие «перестать быть», потому что для этого тебе нужно быть тем, кто это действие совершает.

— Тогда я просто... растворюсь, — сказала Тень.

— В чем? — спросил Свет. — Чтобы раствориться, нужна среда. А среда — это тоже Бытие. Ты будешь растворённой Тенью. Каплей в океане. Но это всё равно Тень. Просто в другой форме.

Тень заплакала. Её слёзы были полупрозрачными, потому что у теней не бывает полностью непрозрачных слёз.

— Я хочу не быть, — прошептала она. — Я хочу, чтобы меня не было. Совсем. Абсолютно.

— Этого нельзя хотеть, — мягко сказал Свет. — Потому что тот, кто хочет, — уже есть. Ты можешь представить своё отсутствие. Но в этом представлении снова есть ты — представляющая. Ты не можешь выпрыгнуть из Бытия, как рыба не может выпрыгнуть из существования самой себя. Потому что даже прыжок — это форма существования.

— Так что же, я обречена быть? — спросила Тень.
— А разве это плохо? — удивился Свет. — Быть — это не наказание. Быть — это дар. Возможность быть Тенью. Возможность быть Светом. Возможность быть тем, кто задаёт вопросы. Даже возможность хотеть стать Ничем — это уже подарок. Потому что если бы тебя не было, ты не могла бы даже этого хотеть. И мы бы не смогли даже поговорить о чем-либо, ты даже с собой не смогла бы поговорить.

Тень задумалась.

— Значит, не-бытия нет, — сказала она наконец. — Потому что даже когда я пытаюсь его достичь, я обнаруживаю, что я есть.

— Именно, — кивнул Свет. — Не-бытие — это не место, куда можно прийти. Это даже не состояние, которое можно пережить. Это логический абсурд, ошибка. Слово, которое ничего не обозначает. Как «круглый квадрат». Можно произнести. Нельзя воспроизвести.

— А как же смерть? — спросила Тень. — Смерть — это же не-бытие?

— Да уж, многие так думают, ошибочно, ведь смерть — это изменение формы, — сказал Свет. — Тень, которая исчезает, когда я ухожу, не перестаёт быть. Она становится потенциальной тенью. Тенью, которая может появиться снова, когда я вернусь. Бытие не исчезает. Бытие только переходит из одной формы в другую.

— А я? — спросила Тень. — Я перейду?

— Ты уже, ты всегда переходишь, — улыбнулся Свет. — Каждый миг. Из тени в свет, из света в тень. Из вопроса в ответ, из ответа в новый вопрос. И это — не исчезновение. Это — танец. Танец Бытия, который никогда не прекращается, потому что тот, кто танцует, не может перестать быть.

Тень перестала плакать. Удивлённо посмотрела на Свет и впервые увидела не то, что её ограничивает, а то, что делает её возможной.

— Я есть, — сказала Тень. — И этого... достаточно.

— Более чем достаточно, — сказал Свет. — Это — всё.

Муз. композиция – ПАРМЕНИДУ

<https://suno.com/s/ZiSsnltwaVEuP57s>

Возвращение к фигурам

Паменид закончил сказку. Фигуры торжественно молчали. Ферзь смотрел на свою корону, лежащую на земле. Пешка смотрела на свой свет. Слон — на чёрную клетку, в которую он только что шагнул. Конь — на свою безумную траекторию, она вдруг показалась ему не безумной, а единственно возможной.

— Так вот что значит «Бытие есть, не-бытия нет», — медленно нараспев сказал Ферзь. — Это не про то, что всё существует. Это про то, что само понятие «не-существования» — бессмысленно. Ты не можешь даже помыслить то, чего нет, потому что мысль — уже есть.

— Ты понял, — кивнул Паменид. — Не-бытие — это не противоположность Бытия. Это ошибка языка, изначальное выражение. Мы говорим «ничто», думая, что это что-то. Но «ничто» — это просто слово. За ним нет реальности. Потому что реальность — это Бытие. И Бытие — всё.

— А ничто? — спросила Пешка. — Ничто существует?

— Ничто — это не «не-бытие», — ответил Паменид. — это искажённое что-то, нечто, бытие. Это свет, который не видит, что он — свет. Это тень, которая

забыла, что она — часть танца. Оно существует. Как форма. Как искажение. Но оно не отменяет Бытия. Оно — внутри Бытия. Как узел внутри нити.

— И его нельзя устранить, сказав, что его нет? — спросил Ферзь.

— Нельзя, — согласился Паменид. — Но его можно преобразить. Поняв, что даже оно — это форма Бытия, которая ищет свой свет. Не уничтожать, а просветлять. Не отрицать, а включать в больший порядок. Потому что отрицание — это попытка сделать что-то не-бытием. Тщета, ведь не-бытия нет. Есть только превращение.

— Как в моей сказке о Тени, — сказала Пешка.

— Именно, — улыбнулся Паменид. — Тень хотела стать Ничем. А стала — понявшей Тенью. Которая знает, что она есть. И этого достаточно.

Послесловие для тех, кто любит сложное — простыми словами

Паменид встал. Фигуры тоже поднялись.

— Ты уходишь? — спросил Ферзь.

— Я всегда рядом, — сказал Паменид. — Я — Бытие, которое говорит о себе. Вы — Бытие, которое слушает. Мы — одно. В акте говорения и слушания. В акте понимания.

— А если кто-то не поймёт? — спросил Конь.

— Тогда он поймёт позже, — сказал Паменид. — Для этого есть время. Или иначе. Или в другой форме. Бытие не торопится. У него нет часов. Оно есть. И это — единственное время вневремени, которое существует.

— А наше время? — спросила Пешка. — Время — это Бытие?

— Время — это способ или форма Бытия, — сказал Паменид. — Способ, которым Бытие является себя в движении. Но в самом Бытии, подумайте над этим, нет движения. Есть только покой внедвижности. Абсолютный покой того, что есть. И этот покой — вовсе не скука. Это полнота. Полнота, которая может позволить себе любые движения, не теряя себя!

— Как я, — тихо сказал Ферзь. — Я — ферзь, пешка, ученик, учитель. Я — всё это. Но за всем этим — я. Тот, кто просто есть. И это — Бытие.

— Ты понял главное, — улыбнулся Паменид. — Теперь ты можешь учить других. Однако же помни: учить — не значит давать ответы. Учить — значит показывать, что ответы — внутри. Что каждый может найти Бытие в себе. Потому что Бытие — это не далеко. Это здесь. И сейчас. И всегда.

Он исчез. Не как тень при свете. А как свет, который сделался невидимым, потому что он везде.

Фигуры остались сидеть в Монаде. А вокруг было потрясающе красивое и удивительное Бытие. Внутри было всё, оно и было Бытие. Всё, что они могли помыслить, было Бытием.

— Странное чувство, — сказала Пешка. — Как будто я всегда это знала. Но не знала, что знаю.

— Это и есть сознание, — сказал Ферзь. — Бытие, которое наконец-то узнало себя.

Они замолчали. И в этой тишине было слышно, как Монада дышит, а Бытие говорит само с собой на языке танца и музыки, у которого нет слов, но есть смысл.

Итак... закончилась наша сказка о Памениде. Он объяснил главное.

Всё, что есть — есть.

Того, чего нет — нет не только на самом деле, но даже в мысли.

Потому что мысль — уже есть.

Храните это знание не как истину, которую нужно доказывать, но как ключ, который открывает дверь туда, где дверей нет.

В Бытие.

Которое — вы.

Когда перестаёте сомневаться, что вы — есть.

И это — не магия слов...

Это — Паменидова правота... или Парменидова.

Сказы Перво-То-Она?

Сказка о шахматах, которые захотели стать миром или Как фигуры поняли, что выиграть можно только перестав играть друг против друга

Пролог, в котором старый гроссмейстер теряет корону, но находит вопрос

Жил-был гроссмейстер. Он выиграл всё, что можно было выиграть. Кубки пылились на полках, звания висели на стенах, а ученики разбежались по школам открывать свои академии. Ему стало скучно.

— Мир, — сказал он себе, — похож на шахматную доску. Чёрное и белое. Свои и чужие. Атака и защита. И всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Даже когда я выигрываю, я чувствую ...пустоту. Потому что выигрыш — это просто конец игры. А что потом? Новая партия. Те же фигуры. Те же клетки. Та же потом скука.

Он взял свою любимую шахматную корону (которую надевал только в особых случаях) и положил её на стол. Корона казалась тяжёлой. Слишком тяжёлой.

— Знаешь, — сказал он короне, — я думаю, что дело не в выигрыше. И не в проигрыше. Дело в том, что мы играем против. А что, если попробовать играть для? Или за? Или одновременно для, за, перед (кем-то)?

Корона молчала. Ведь она была просто короной. Но в ту ночь неизвестно почему гроссмейстеру приснилась Монада.

Глава первая, в которой фигуры собираются на совет и впервые не знают, кто против кого

Во сне гроссмейстер увидел удивительную шахматную доску. Не плоскую, а объёмную. И не чёрно-белую, а переливающуюся всеми цветами, которых он никогда раньше не видел. Фигуры на этой доске не стояли на местах — они двигались сами. И не атаковали друг друга, а... разговаривали, может быть и танцевали.

— Друзья, — сказал Белый Король, — у нас проблема. Мы привыкли, что есть Белые и Чёрные. Белые хотят победить Чёрных, Чёрные — Белых. Но кто мы без противника?

— Никто, — вздохнул Чёрный Ферзь. — Мы — функции. Пешка идёт вперёд, чтобы стать ферзём. Ферзь рубит, чтобы защитить короля. Король прячется, чтобы не поставили мат. Но если мы перестанем играть в «против», то что мы будем делать? Как играть?

— Может быть, построим мир? — робко предложила Белая Пешка. — Не игру, а место, где всем будет хорошо?

— Мир? — усмехнулся Чёрный Конь. — А кто станет главным? Белые скажут: «Мы главные, потому что

мы ходим первыми». Чёрные скажут: «Нет, мы главные, потому что мы симметричны и без нас нет игры». Пешки скажут: «А мы — большинство!» Ферзи возразят: «А мы — сила!» И начнётся новая игра. Только теперь она будет называться не «шахматы», а «политика». Или «экономика». Или «религия». Или «наука». Суть та же — кто кого.

— А если не делить? — спросила Белая Ладья. — Если не делить на чёрное и белое, на главных и неглавных, на правых и виноватых?

— Тогда не будет игры, — произнёс грустно Чёрный Король. — А без игры нет смысла. Зачем мы тогда?

— А зачем мы вообще? — спросил Белый Слон.

И все замолчали.

Глава вторая, в которой появляется Старая Корона и говорит, что выигрыш — это ловушка

В тишине вдруг заговорила Старая Корона. Она лежала в центре доски, и фигуры почему-то не решались её тронуть. Да и кто знал, что она живая...

— Я помню, — произнесла Корона, — как меня надевали победители. Сколько радости было в их глазах! А потом радость уходила. Потому что победа — это мгновение. А жизнь — уже не мгновения. Жизнь... ткань, которую ткёт Психея, если вы помните мистерии древних философов. Так

вот, если ткань соткана из одних «против», из сражений и соперничества, она рвётся.

— Но как же иначе? — спросил Чёрный Ферзь. — Мы учились на конкуренции. На борьбе. На том, что сильный выигрывает, слабый проигрывает. Это закон природы.

— Это закон игры, — поправила Корона. — Но вы — не только фигуры. Вы же и часть замысла. Кто-то вас придумал. Кто-то вырезал из дерева. Кто-то нарисовал клетки. Кто-то написал для вас правила. А теперь вы думаете, что правила — это всё, вечное. А замысел — забыли.

— Какой замысел? — спросила Белая Пешка.

— Замысел того, кто вас создал, — торжественно сказала Корона. — Он не хотел, чтобы вы вечно рубились. Ему хотелось, чтобы вы показали, как из хаоса может родиться порядок. Как из борьбы может родиться красота. Как из противников... да, именно так, могут родиться партнёры.

— Но мы не умеем быть партнёрами, — сказал Чёрный Король. — Нас учили быть врагами. Рубить и выигрывать, да ещё и проигрывать.

— Тогда научитесь, — сказала Корона. — Или игра останется игрой. А мир, который вы можете создать, так и останется сном. Или тенями в пещере Платона, если вы помните античную философию.

Глава третья, в которой фигуры пытаются создать новый мир и понимают, что это больно

Фигуры решили попробовать.

— Давайте договоримся, — сказал Белый Король.

— Мы не будем делить доску на «нашу» и «вашу». Она будет общей.

— А как же ходы? — спросил Чёрный Конь. — Если нет «моих» и «твоих», то кто и куда ходит?

— Может быть, ходить туда, где нужнее? — предложила Белая Пешка. — Не туда, где съешь врага, а туда, где пусто? Где нужна поддержка? Где можно построить, а не разрушить?

— Это неэффективно, — сказал Чёрный Ферзь. — Я привык рубить. Рубить быстро. Рубить много. А строить — это же медленно. И непонятно, что строить, и зачем, и для кого...

— Давайте строить этику, — воскликнула Белая Ладья. — Правила, по которым всем будет хорошо. Я слышала об этике от философов, это такая наука Пифагора, которая учит создавать гармонию и отношений, и целого мира!

— Утопия, — вздохнул Чёрный Слон. — У всех разное представление о «хорошо» и «правильно». Для пешки хорошо стать ферзём. Для ферзя — остаться ферзём. Для короля — не получить мат. Так для каждого... Как их совместить?

— А если не совмещать, а... гармонизировать? — спросил Белый Конь. — Оставить разными, но сделать так, чтобы разность их природы и убеждений не вела к войне, а вела к... дополнению?

— Это как в музыке, — почти пропела Чёрная Пешка, любившая петь. — Разные ноты не спорят же, кто главнее, или какая хорошая, а какая правильная. Они звучат вместе. И получается аккорд! А ещё может получиться мелодия... и даже песня, а ещё, однажды я слышала оперу.

— А если одна нота фальшивит? — спросил Белый Слон.

— Ну и что! Кто не ошибается? Тогда её не убивают, — сказала Чёрная Пешка. — Зачем? Её просто настраивают. Или ищут для неё такое место, где фальшь её станет частью гармонии. Как диссонанс в джазе, например.

— Джаз? — переспросил Чёрный Король. — Это та музыка, где все играют как хотят, а вместе получается очень даже красиво?

— Да, — кивнула Пешка. — Но для этого нужно не «хотеть», а слышать друг друга.

Фигуры замолчали... Потом начали пробовать. Сначала получалось плохо. Белые захотели строить этику, а Чёрные — защищать свои интересы. Пешки требовали равноправия, ферзи — привилегий.

Короли боялись потерять власть, кони — свою непредсказуемость.

— У нас не получается, — высказался Белый Король через некоторое время. — Мы слишком разные. Слишком привыкли к игре.

— А может, не надо сразу идеально? — спросила Старая Корона. — Может, начать с малого? С одной клетки, где вы договоритесь не атаковать, а смотреть?

— Смотреть на что? — спросил Чёрный Ферзь.

- Друг на друга, — сказала Корона. — По-настоящему. Не как на врага. Как на часть себя.

Глава четвёртая, в которой фигуры учатся смотреть и видят, что они — одно

Первыми решились Пешки. Белая и Чёрная. Они стояли друг напротив друга и смотрели. Не как враги, а как отражения.

— Ты похожа на меня, — сказала Белая Пешка.

— И ты на меня, — ответила Чёрная. — Мы обе идём вперёд. Обе мечтаем стать ферзями. Обе боимся, что нас съедят.

— А если мы не будем врагами? — спросила Белая.

— Если мы будем... союзницами? Помогать друг другу идти?

— Но правила запрещают, — сказала Чёрная.

— Правила создали люди, — сказала Белая. — А люди могут создавать и новые правила. Если захотят.

Они шагнули друг к другу. Не атакуя. Не защищаясь. Просто оказались совсем рядом. И в этот момент клетка под ними засветилась. Не белым и не чёрным. Золотым...

— Что это? — спросили остальные фигуры.

— Это Монада, — тихо сказала Корона. — Единица, которая больше суммы частей. Когда вы перестаете быть противниками, вы становитесь... миром.

Другие фигуры тоже начали пробовать. Белый Ферзь и Чёрный Ферзь встали рядом. Белая Ладья и Чёрный Слон нашли общую траекторию. Короли, наконец, вышли из своих укрытий и посмотрели друг на друга без страха.

И чем больше фигур соединялось, тем ярче светилась и доска. Она переставала быть чёрно-белой. Она становилась... живой.

Глава пятая, в которой появляется Замысел и объясняет, как сделать сказку реальностью

И тогда к ним пришёл Замысел. Не как человек. Не как фигура. А «То Он», припомните, как говорил философ Парменид, по-русски это значит бытующее, причастие единственного числа, третьего лица настоящего времени, от глагола быть, это не существительное! То Он - что было до

того, как возникли правила. То, ради чего всё затевалось. Первокачеством первочисла.

— Вы сделали первый шаг, — как-то очень странно, даже и не голосом, а ТоОн-ом произнёс Замысел.

— Вы поняли, что мир — это не только игра с победителями и проигравшими. Мир — это и пространство, где разные... могут быть вместе. Как Тона Музыки. Не сливаясь в однообразную массу. Не уничтожая друг друга. А — творчески дополняя. Чтобы зазвучала Музыка Творца!

— Но как это перенести в реальный мир? — спросил гроссмейстер, который всё это время наблюдал за фигурами из своего сна. — Там же люди. Со своими страхами, амбициями, жадностью. Со своей историей войн и обид. Как им создать такой мир?

— А ты спроси у них, — сказал Замысел. — У людей. Что им мешает?

— Страх, — сказал гроссмейстер. — Страх, что если я перестану бороться, меня съедят. Что если я подставлю плечо, меня укусят в спину. Что если я поверю, меня обязательно обманут.

— А что помогает? — спросил Замысел.

— Надежда, — сказал гроссмейстер после паузы. — Иногда — отчаяние. Иногда — любовь. Но чаще — просто усталость от войны. Когда понимаешь, что

выигрывать... уже неинтересно. Потому что выигрыш — это пустота.

— Во-от, — кивнул Замысел. — Когда усталость становится сильнее страха, люди начинают искать другой путь. И тогда-то они вспоминают, что они — не фигуры, не тени в пещере Платона, не пешки в чьей-то игре. Они — творцы. Могут создавать правила. Могут создавать этику. Как творцы могут создавать гармонию из негармоничных миров.

— Но это же крайне трудно, — сказал гроссмейстер.

— Очень трудно, — согласился Замысел. — Легче воевать. Легче делить на чёрное и белое. Легче ненавидеть или быть пешкой, тенью. А строить — трудно. Договариваться — трудно. Слышать другого — очень трудно. Но это единственный путь, который ведёт не в пустоту, а в жизнь.

— И как же начать? — спросил гроссмейстер.

— С малого, — сказал Замысел. — С одной клетки. С одного разговора, где ты не пытаешься победить, а пытаешься понять другого. С одного шага навстречу, даже если страшно. С одного «я тебя слышу» вместо «я тебя сейчас съем».

— А если не получится?

— Получится, но не сразу, — улыбнулся Замысел.

— Будут ошибки. Будут откаты. Будут те, кто скажет: «Я же говорил, это утопия». Но каждый маленький шаг — это клетка, которая вдруг загорается

золотом. И таких клеток становится всё больше. Пока однажды доска не перестаёт быть доской. И тогда она становится миром.

Эпилог, в котором гроссмейстер просыпается и понимает, что сказка — это он - То Он – Первый тон мира!

Гроссмейстер проснулся. Корона всё так же лежала на столе. Шахматы привычно стояли на доске. Чёрные против Белых. Всё как обычно.

Но он смотрел на них иначе. Он аккуратно взял Белого Короля и Чёрного Короля и... поставил их рядом. В центре доски.

— Вы не враги, — одобряюще сказал он. — Вы партнёры. Вы оба нужны миру. Без вас нет игры. Но игра — это не цель. Цель — это мир, который вы можете создать. Если перестанете играть против и начнёте играть для.

Он не знал, слышат ли его фигуры. Но в тот момент ему показалось, что доска чуть-чуть засветилась.

— Сказка, — сказал он сам себе. — Мечта.

Утопия... А что, если я сам начну? Если я перестану делить людей на «своих» и «чужих», на «правых» и «виноватых», на «достойных» и «недостойных»? Если я сделаю первый шаг?

Он встал из-за стола. Вышел на улицу. Солнце светило. Люди шли по своим делам. Разные.

Непохожие. Многие — напуганные. Многие — злые. И очень многие — уставшие и скучные.

— Здравствуйте, — сказал гроссмейстер прохожему. — Как ваши дела?

Прохожий удивился. Посмотрел подозрительно. Но потом почему-то ответил.

И это был первый шаг. С одной клетки. Да, она пока не светилась золотом. Но могла бы...

Потому что сказка становится реальностью не тогда, когда её пишут. А тогда, когда в неё начинают верить, по-настоящему. И действовать. По одному маленькому шагу. Навстречу.

Вместо послесловия: Монадные связи и этика Человечества

А теперь — чуть серьёзнее, для тех, кто любит понимать «как это работает».

Монадные связи — это не магия и не моя фантазия сказочницы. Это отношения, в которых каждая единица (человек, культура, мировоззрение) остаётся собой, но при этом видит себя в другой и ту другую в себе. Это не слияние и не поглощение. Не компромисс, где все теряют. Это называется резонансом. Когда разные частоты не заглушают друг друга, а создают аккорд.

Этика Человечества в таком мире — не набор запретов и не свод законов или правил этикета. Это

— способность слышать. Слышать боль другого. Слышать радость другого. Слышать страх другого. И отвечать не «ты виноват», а «я здесь. Я с тобой. Давай попробуем вместе».

Гармония негармоничных миров — это не устранение противоречий. Это — искусство держать противоречия, не превращая их в войну. Как в красивой музыке, в джазе. Как в шахматах, которые перестали быть игрой на уничтожение. Как в жизни, где каждый день мы выбираем: строить или разрушать.

Создать Замысел нового мира — значит признать, что мир уже есть. Он не в будущем, а именно здесь. В каждом нашем шаге. В каждом разговоре. В каждом выборе — видеть в другом врага или часть себя.

Фигуры во сне гроссмейстера поняли: выиграть можно только перестав играть против. И начав играть для — для мира, для жизни, для того, чтобы однажды тоже проснуться и понять: сказка стала реальностью. Потому что мы сами её создали. Своими малыми шагами. Своими словами, доверием в миру. Своими осознанными выборами.

И это — не утопия. Это — замечательная возможность. Которая начинается ...прямо сейчас. С одной клетки. С одного «здравствуйте». С одного «я тебя слышу».

Попробуйте. И доска засветится.

Конец.

Или начало — в зависимости от того, Кто вы и
Зачем, сделаете ли вы свой шаг навстречу.

Сегодня.

Сейчас!

Философский турнир в шахматной коробке

или Как фигуры, вспоминая лучшие партии, заспорили о главном, а Гроссмейстер понял, что древние уже всё придумали

Пролог, в котором Гроссмейстер не может уснуть, а фигуры — не могут молчать

Гроссмейстер лежал на диване и смотрел в потолок. За окном была ночь. На столе — шахматная доска с фигурами, застывшими после вечерней партии. Он проиграл... Сам себе. Белые проиграли чёрным. Чёрные — белым. Потому что он играл и за тех, и за других. Такое бывает, когда слишком долго думаешь.

— Интересно, — сказал он сам себе, — если бы фигуры умели говорить, что бы они сказали?

И в этот момент одна из фигур пошевелилась.

Сначала он подумал, что ему показалось. Но потом Белый Ферзь вздохнул. По-настоящему. Как живой.

— Скучно, — сказал Ферзь.

— Не скучно, а задумчиво, — ответила Чёрная Пешка. — Мы только что закончили партию. Лучшую за последнее время.

— Лучшую? — переспросил Белый Король. — Ты про ту, где тебя съели на пятнадцатом ходу?

— Не съели, а пожертвовали, — гордо поправила Пешка. — Ради комбинации. Это разные вещи.

— Пожертвование — это тоже съедение, — философски заметил Чёрный Слон. — Просто с высоким смыслом.

Фигуры засмеялись. Гроссмейстер затаил дыхание. Он не верил в чудеса, но и не хотел их спугнуть.

— А помните, — произнесла Белая Ладья, — партию, где мы три часа думали над одним ходом? Гроссмейстер тогда встал, пошёл пить чай, вернулся — и всё равно сделал не тот ход.

— Это был правильный ход! — возмутился Белый Ферзь. — Просто я тогда не до конца понял замысел.

— А ты когда-нибудь понимал замысел до конца? — насмешливо спросил Чёрный Конь. — Мы же фигуры. Наше дело — ходить. Замысел — у Гроссмейстера.

— Это у Гроссмейстера замысел? — усмехнулась Чёрная Пешка. — Он сам не знает, что будет через пять ходов. Он вечно импровизирует. Как и мы.

— Но он же нас двигает, — возразил Белый Король.

— Двигает, двигает — согласилась Пешка. — Но не придумывает за нас. Мы сами выбираем, как ходить. В рамках правил, конечно же.

— А правила кто придумал? — спросил Чёрный Ферзь.

Наступила тишина.

— Ладно, — сказал Белый Слон. — Давайте не будем о вечном, это бесполезно. Давайте лучше о субъективном и объективном.

— О чём это? — не поняла Белая Пешка.

— О том, — пояснил Слон, — что для меня чёрное поле — это поле, и для тебя — тоже поле, но мы видим его по-разному, потому что я белый слон, а ты чёрная пешка.

— Поле оно и есть поле, что уж мудрить — серьёзно выразилась Пешка.

— А вот и нет, — вмешался Чёрный Конь. — Для меня поле — это возможность сделать ход буквой «Г». Для Ладьи — возможность прямого движения. Для Ферзя — всё сразу. Одно и то же поле — разное для разных фигур. Это и есть субъективность.

— А объективность? — спросил Белый Король.

— Объективность — это когда ты понимаешь, что поле есть поле, независимо от того, кто на него смотрит, — сказал Чёрный Ферзь. — Оно существует само по себе. Как доска. Как клетки. Как правила, как мы сами, наблюдатели, ходоки.

— А если никто не смотрит? — спросила Белая Пешка. — Поле есть?

— Есть, — уверенно сказал Белый Ферзь. — Потому что оно было до нас и будет после.

— А ты откуда знаешь? — спросил Чёрный Слон. — Ты был до того, как тебя вырезали из дерева?

— Ну... — замялся Ферзь. — Теоретически...

— Теоретически — это субъективно, — отрезал Слон. — Объективно — это когда не

«теоретически», а «фактически». А фактически мы знаем только то, что видели сами. А видели мы только игру. И доску. И Гроссмейстера. А что там, за пределами игры, — неизвестно.

— Может быть, там другая игра? — предположил Чёрный Конь. — С другими правилами. С другими фигурами.

— Или пустота, — вздохнул Белый Король.

— Или всё сразу, — сказал Чёрный Ферзь. — Как в квантовой физике. Или в буддизме.

— Откуда ты знаешь квантовую физику? — удивилась Белая Ладья.

— Гроссмейстер иногда читает вслух, — признался Ферзь. — Думает, что мы не слышим. А мы слышим. И запоминаем.

Гроссмейстер на диване покраснел. Он действительно иногда читал за ужином научно-популярные статьи. Вслух. Потому что ему было одиноко.

— А давайте о времени, — предложила Чёрная Пешка. — Вот вы говорите: «было», «будет», «сейчас». А что такое время для фигуры?

— Для меня время — это между ходами, — сказал Белый Слон. — Когда Гроссмейстер думает. Тогда время тянется медленно. А когда я хожу — оно сжимается в точку.

— А для меня время — это партия, — сказал Чёрный Король. — От первого хода до мата. Всё, что до партии — не время. И после — не время.

— А если партия бесконечна? — спросил Белый Ферзь.

— Так не бывает, — сказал Чёрный Ферзь. — В правилах записано: партия конечна.

— А жизнь? — спросила Белая Пешка. — Жизнь конечна?

— Жизнь — это не партия, — сказал Чёрный Слон.

— Жизнь — это серия партий. Одна кончается, начинается другая. С теми же фигурами? Или с новыми?

— С новыми, — уверенно сказал Белый Король. — Потому что старые после мата складывают в коробку.

— А душа? — задумчиво спросила Чёрная Пешка.

— У фигур нет души, — высказался Белый Ферзь.

— Есть дерево. И краска. И лак.

— Но мы ведь говорим? — не успокоилась Пешка.

— Говорим, — согласился Ферзь. — Возможно, душа есть. Или то, что её заменяет.

— Бытие, — произнёс Чёрный Слон. — Вот что есть. А душа — это форма бытия.

— А бытность? — спросил Белый Слон. — Это что, тоже форма?

— Бытность — это когда ты стоишь на полке и пылишься, — сказал Чёрный Ферзь. — А бытие — когда ты участвуешь в игре. Разница между существованием и жизнью.

— Глубоко, однако, — заметил Белый Король.

— Платон, — неожиданно сказал Чёрный Конь. — Это Платон так говорил. Гроссмейстер читал. Я запомнил: мир идей — это бытие, а мир вещей — это бытность. Тени на стене пещеры.

— А мы что — тени? — спросила Белая Пешка.

— Мы — фигуры, — сказал Конь. — То есть идеи фигур, воплощённые в дереве. Наша суть — не

дерево и не лак. Наша суть — это особый способ ходить. И ещё цель. И правила. А дерево — это просто... упаковка.

— Значит, если меня сломают, я перестану существовать? — спросил Белый Король.

— Ты перестанешь быть фигурой, — сказал Конь. — Но останешься идеей фигуры. В голове у Гроссмейстера. И у тех, кто видел партии.

— Бессмертие такое, — прошептал Король.

— Относительное, — уточнил Конь. — Как всё в этом мире.

Глава вторая, в которой Гроссмейстер выдаёт себя, а фигуры не сердятся

— Вы удивительно точно подмечаете, — сказал Гроссмейстер, садясь на диване.

Фигуры замерли. Потом Белый Ферзь осторожно спросил:

— Ты нас слышишь?

— Слышу, — кивнул Гроссмейстер. — И уже давно. Просто не хотел мешать. Вы так интересно говорите. Просто, кратко, о сложном.

— А ты не боишься, что это безумие? — спросил Чёрный Король. — Говорящие шахматы?

— Боюсь, — честно сказал Гроссмейстер. — Но мне одиноко. И вы — мои лучшие собеседники за последние годы.

— Ты же нас двигал, — сказал Белый Ферзь. — Ты нас жертвовал. Ты нас выигрывал и проигрывал. И теперь ты говоришь, что тебе одиноко?

— Да, — ответил Гроссмейстер. — Потому что игра — это не дружба. Игра — это... борьба. Даже с самим собой. А дружба — это когда не надо бороться. Когда можно просто говорить.

— О чём? — спросила Чёрная Пешка.

— О том, о чём вы сейчас говорили, — сказал Гроссмейстер. — О субъективном и объективном. О бытии и бытности. О времени. О Платоне.

— Ты знаешь Платона? — удивился Белый Слон.

— Я же его читал, — скромно сказал Гроссмейстер. — И Аристотеля. И Парменида. И пифагорейцев. Они тоже думали о том, о чём думаете вы.

— И к чему они пришли? — спросил Чёрный Конь.

— К разному, — сказал Гроссмейстер. — Парменид высказал мысль: «Бытие есть, небытия нет». Это значит, всё, что можно помыслить, — существует. Даже тени. Даже сны. Даже наши разговоры.

— А Платон? — спросила Белая Пешка.

— Платон говорил: есть мир идей — вечный, неизменный, истинный. А наш мир — его тень. Мы видим тени, но можем вспомнить идеи. Если постараемся.

— А Аристотель? — спросил Чёрный Ферзь.

— Аристотель сказал: идеи не отдельно от вещей. Они в самих вещах. Форма и материя. Как у вас: форма — это способ ходить, материя — дерево.

— А кто прав? — спросил Белый Король.

— Все, — сказал Гроссмейстер. — Каждый по-своему. В зависимости от того, на что смотреть и зачем.

— Как и у нас, — задумчиво изрек Чёрный Слон. — В зависимости от того, какая ты фигура.

— Именно, — кивнул Гроссмейстер. — Вы сами это сказали. Субъективность — взгляд изнутри.

Объективность — взгляд со стороны. Но и тот, и другой — взгляд. А без взгляда нет ничего.

— Или есть? — спросила Чёрная Пешка.

— Или есть, — улыбнулся Гроссмейстер. — Но мы об этом никогда не узнаем. Потому что чтобы узнать, нужен взгляд - восприятие. А взгляд — это уже субъективность.

— Замкнутый круг, — вздохнул Белый Ферзь.

— Да, — сказал Гроссмейстер. — Но это не проблема. Это условие. Мы живём внутри круга. И можем исследовать его сколько угодно. Но выйти за пределы — нельзя. Потому что за пределами — небытие. А небытия нет.

— Да-да, Парменид, — догадался Чёрный Конь.

— Парменид, — подтвердил Гроссмейстер.

Глава третья, в которой фигуры просят рассказать о древних, а Гроссмейстер вспоминает всё, что знал

— Расскажи, — попросил Белый Король. — О тех, кто думал до нас.

— Хорошо, — сказал Гроссмейстер. — Слушайте.

Он сел поудобнее. Фигуры повернулись к нему. Даже те, кто стоял спиной или лежал.

— Первыми были милетцы, — начал Гроссмейстер. — Фалес, Анаксимандр, Анаксимен. Они думали, из чего всё состоит. Фалес говорил — из воды. Анаксимен — из воздуха. Анаксимандр — из апейрона, беспредельного.

— Как наша доска, — сказал Чёрный Слон. — Беспредельная? Но она же ограничена.

— В шахматах — ограничена, — кивнул Гроссмейстер. — В мысли — нет. Анаксимандр думал, что апейрон — это то, что не имеет границ. Из него всё возникает и в него всё возвращается.

— Как партии, — сказал Белый Ферзь. — Возникают из тишины и возвращаются в тишину.

— Потом были пифагорейцы, — продолжил Гроссмейстер. — Они сказали, что всё есть число. Гармония — это соотношение чисел. Космос — это порядок, выраженный в числах.

— Как наша доска, — сказал Чёрный Конь. — 8 на 8. 64 клетки. Правильные ходы. Числа.

— А потом был Парменид, — продолжил Гроссмейстер. — Он сказал, что бытие есть,

небытия нет. Движение и изменение — иллюзия. Есть только вечный, неизменный, единый шар бытия.

— Как наша коробка, — кивнула Белая Ладья. — Когда партия кончается, фигуры стоят на месте. Движения нет. Есть только покой.

— Но мы же двигались! — возразила Чёрная Пешка.

— Двигались, — согласился Гроссмейстер. — Для Парменида это было бы иллюзией. Но ты, Пешка, знаешь, что двигалась. И я знаю. Значит, для нас движение — реальность. А для Парменида — нет. Вот вам и субъективность.

— А потом был Платон, — сказал Белый Король. — Про него ты уже говорил.

— Да, — кивнул Гроссмейстер. — Платон был учеником Сократа. Сократ учил, что истина рождается в споре. Диалог... Вопросы и ответы. Как у нас сейчас.

— А кто же был прав? — спросил Чёрный Ферзь.

— Все, — снова сказал Гроссмейстер. — Каждый увидел часть. И назвал её целым. Фалес увидел воду — и сказал, что всё из воды. Пифагорейцы увидели числа — и сказали, что всё есть число.

Парменид увидел вечность — и сказал, что движения нет. Платон увидел идеи — и сказал, что мир — тень.

— А ты? — спросила Белая Пешка. — Что видишь ты?

Гроссмейстер замолчал. Долго. Потом сказал:

— Я вижу вас. Фигуры, которые думают. Которые спорят. Мыслят, ищут истину. И я вижу себя. Который думает, что двигает вас, а на самом деле... вы двигаете меня. Потому что без вас я — просто человек без игры. А без меня вы — просто деревяшки. Мы нужны друг другу. И это — тоже правда.

— Как у Гегеля, — неожиданно высказался Чёрный Конь. — Господин и раб. Они признают друг друга. И становятся свободными.

— Ты и Гегеля читал? — удивился Гроссмейстер.

— Ты читал, — напомнил ему Конь. — Я запоминал.

— Я горжусь тобой, — сказал Гроссмейстер.

— А ты не боишься, что это безумие? — снова спросил Чёрный Король. — Разговор с шахматами?

— Пожалуй, — сказал Гроссмейстер. — Но мне кажется, что безумие — это когда перестаёшь задавать вопросы. А мы их задаём. Значит... значит, мы ещё не безумны. Или безумны, но в хорошем смысле.

— В платоновском, — уточнил Белый Слон.

— В платоновском, — согласился Гроссмейстер.

Эпилог, в котором фигуры и Гроссмейстер решают, что философия важнее выигрыша

За окном светало. Фигуры не хотели расходиться.

— Знаешь, — сказал Белый Ферзь, — мы раньше думали, что главное — выиграть. Теперь мы думаем, что главное — понять.

— А что понимать? — спросил Гроссмейстер.

— Что мы — не просто фигуры, — сказал Ферзь. — Мы — мысли. Материализованные в дереве и краске. И пока мы думаем, мы существуем. По-настоящему. Не только как бытность, но как бытие.

— А после партии? — спросила Белая Пешка.

— После партии мы будем вспоминать, и этот разговор тоже, — сказал Чёрный Ферзь. — И готовиться к следующему.

— А если партии не будет? — спросил Белый Король.

— Тогда мы будем просто разговаривать, — сказал Гроссмейстер. — И это тоже будет наша игра. Философская. Где нет победителей и проигравших. Есть только ищущие.

— И разве это не скучно? — спросила Чёрная Пешка.

— Это самое интересное, что есть в жизни, — сказал Гроссмейстер. — Потому что вопросы не кончаются. Никогда. А значит, и мы не кончаемся, наши мысли с вопросами, разговоры.

Он встал, подошёл к доске и аккуратно расставил фигуры по местам. Не для партии. Для следующего разговора.

— Приходите сегодня ночью, — сказал он. — Поговорим о добре и зле.

— А о чём ещё? — спросил Белый Слон.

— О свободе, — сказал Гроссмейстер. — О том, можно ли быть свободным, если ты фигура на доске.

— А можно? — спросил Чёрный Король.

— Узнаем сегодня ночью, — улыбнулся Гроссмейстер.

Фигуры затихли. Гроссмейстер выключил свет. И в темноте, перед самым сном, ему показалось, что доска чуть-чуть светится.

Золотым.

Как Монада.

Как бытие.

Как разговор, который никогда не кончается.

Конец.

Или начало.

В зависимости от того,
будет ли сегодня ночью
новый разговор.

А он будет.

Потому что вопросы не кончаются.

Есть загадка, тайна...

Ошибка Гроссмейстера: почему Парменид не был субъективистом

Разбор философского казуса, или Как фигуры чуть не обвинили Парменида в том, в чём он не виноват

Пролог: где Гроссмейстер хватается за голову

На следующую ночь Гроссмейстер не спал. Он ворочался, вздыхал и то садился, то ложился. Фигуры терпеливо ждали, но наконец Белый Ферзь не выдержал.

— Ты чего? — спросил он.

— Да я вспомнил, что сказал вчера, — простонал Гроссмейстер. — Про Парменида. Про движение. Про субъективность. Кажется, я сморозил глупость.

— Какую? — спросила Чёрная Пешка.

— Я сказал: «Для Парменида движение — иллюзия. А ты, Пешка, знаешь, что двигалась. И я знаю. Значит, для нас движение — реальность. А для Парменида — нет. Вот вам и субъективность».

— И что здесь не так? — спросил Белый Король.

— Всё, — сказал Гроссмейстер. — Потому что Парменид не говорил, что движение — иллюзия для

него. Он говорил, что движения нет вообще.
Объективно. Независимо от того, кто и что видит.

— Но мы же видим движение, — возразила Чёрная Пешка.

— Видим, — кивнул Гроссмейстер. — И Парменид это знал. Он не отрицал, что нам кажется, будто мы движемся. Он отрицал, что это кажущееся движение есть истинная реальность.

— То есть он считал, что мы ошибаемся? — уточнил Белый Ферзь.

— Именно, — сказал Гроссмейстер. — И дело тут не в субъективности Парменида. Дело в его учении о том, что чувства обманывают, а истину открывает только разум.

— И где же ошибка в твоих словах? — спросил Чёрный Слон.

— Ошибка в том, — сказал Гроссмейстер, — что я приписал Пармениду субъективизм. Я сказал: «Для Парменида движение — иллюзия». А правильнее было бы сказать: «С точки зрения Парменида, движение — иллюзия, потому что разум доказывает его невозможность». Но это не делает его точку зрения субъективной. Он претендовал на объективную истину.

— А разве можно претендовать на объективную истину, если ты — субъект? — спросил Чёрный Конь.

— Отличный вопрос, — сказал Гроссмейстер. — Давайте разбираться.

Глава первая: что такое объективность и субъективность в античности

Чтобы понять ошибку, нужно сначала договориться о терминах.

Субъективное — то, что зависит от воспринимающего. От его чувств, мнения, положения, интересов. «Мне этот ход кажется лучшим» — субъективно. Другому может казаться иначе.

Объективное — то, что не зависит от воспринимающего. Существует само по себе. «Доска имеет 64 клетки» — объективно. Неважно, кто смотрит, клеток 64.

Античные философы спорили о том, можно ли достичь объективного знания. Но почти все (кроме софистов) считали, что можно.

— Софисты, — пояснил Гроссмейстер, — говорили: «Человек есть мера всех вещей». Это

субъективизм. Что кажется мне истинным, то и истинно. Тебе может казаться иначе — значит, для тебя истина другая.

— Как в шахматах, — сказал Белый Ферзь. — Одному кажется, что надо идти пешкой, другому — что конём. Оба правы по-своему.

— Да, — кивнул Гроссмейстер. — Но Парменид был не согласен. Он говорил: есть истина, которая не зависит от того, что кому кажется. И разум может её постичь.

— А чувства? — спросила Белая Пешка.

— Чувства обманывают, — сказал Гроссмейстер. — Они показывают нам движение, множественность, изменение. А разум говорит: движения нет, множественности нет, изменения нет. Есть только единое, неподвижное, вечное Бытие.

— Но это же противоречит очевидности! — возмутился Чёрный Конь.

— Парменид бы ответил: «Очевидность чувств — не очевидность разума. А разум выше чувств».

— И он прав? — спросил Белый Король.

— Это зависит от того, кому верить, — улыбнулся Гроссмейстер. — Чувствам или разуму. А это уже вопрос мировоззрения. Но важно другое: Парменид не говорил «мне кажется, что движения нет». Он говорил «движения нет». Это претензия на объективность.

Глава вторая: где ошибка Гроссмейстера (разбор по косточкам)

— Теперь вернёмся к моей ошибке, — сказал Гроссмейстер. — Я сказал: «Для нас движение — реальность. Для Парменида — нет. Вот вам и субъективность».

— В чём ошибка? — спросил Чёрный Ферзь.

— Ошибка в том, что я уравнивал «наше знание» и «знание Парменида» как две равноправные субъективные точки зрения. Но Парменид не предлагал точку зрения. Он предлагал истину.

— То есть он считал, что его знание — объективно, а наше — ошибочно? — уточнила Белая Ладья.

— Именно, — кивнул Гроссмейстер. — И если мы хотим опровергнуть Парменида, мы должны доказать, что движение существует объективно. А

не просто сказать: «А я вижу движение, значит, оно есть».

— Почему? — спросила Чёрная Пешка.

— Потому что «я вижу» — это субъективное свидетельство. А Парменид как раз утверждает, что чувствам верить нельзя. Чтобы его опровергнуть, нужен разумный аргумент. Например, апории Зенона или аристотелевское понятие потенции и акта. Или хотя бы указать на ошибку в его логике.

— А была ошибка? — спросил Белый Слон.

— Многие считают, что да, — сказал Гроссмейстер.

— Аристотель, например, говорил, что Парменид смешивает разные смыслы слова «быть». «Быть» в смысле «существовать» и «быть» в смысле «быть истинным» — это не одно и то же.

— И что, это решает проблему движения? — спросил Чёрный Король.

— Отчасти, — сказал Гроссмейстер. — Но главное не в этом. Главное в том, что Парменид не был субъективистом. Он был радикальным объективистом. Он верил, что истина одна и она доступна разуму. А чувства — источник заблуждений.

— Значит, моё ощущение, что я двигалась, — это заблуждение? — обиделась Чёрная Пешка.

— С точки зрения Парменида — да, — сказал Гроссмейстер. — Но ты можешь с ним не согласиться. И тоже будешь права. Потому что в философии нет окончательного судьи.

— Кроме разума? — спросил Белый Ферзь.

— Кроме разума, — согласился Гроссмейстер. — Но разум-то у всех разный. Восприятие разумом, как и восприятие чувствами, да как и восприятие вообще — у всех разное. И это возвращает нас к субъективности.

— Замкнутый круг, — вздохнул Чёрный Конь.

— Философия, — поправил Гроссмейстер. И добавил мысленно, только для себя, - Интрасферный взгляд на мир соединяет субъективное и объективное в каждом мыслящем, стремясь показать ему прямое зеркало...

Глава третья: как мудрецы относились к объективности и субъективности (краткий обзор)

— Давай систематизируем, — предложил Белый Король. — Кто из древних что думал об этом?

— Хорошо, — сказал Гроссмейстер. — Вот краткая таблица

Философ	Позиция	Объективность	Субъективность
---------	---------	---------------	----------------

-----	-----	-----	-----
-------	-------	-------	-------

Фалес и милетцы	Мир состоит из единого начала (воды, воздуха, апейрона). Это начало объективно.	Да (можно познать)	Нет (не важна)
----------------------------	---	--------------------	----------------

Пифагорейцы	Всё есть число. Числовые отношения объективны и гармоничны.	Да (числа вечны)	Нет (индивидуальное неважно)
------------------------	---	------------------	------------------------------

Парменид	Бытие есть, небытия нет. Бытие познаётся разумом. Чувства лгут.	Абсолютная	Чувственное — иллюзия
---------------------	---	------------	-----------------------

| **Софисты (Протагор)** | Человек есть мера всех вещей. Истина относительна. | Нет | Да (всё субъективно) |

| **Сократ** | Истина рождается в диалоге. Есть общие понятия (добро, справедливость). | Да (но через диалог) | Частично (мнения нужно очищать) |

| **Платон** | Мир идей — объективная реальность. Мир вещей — её тень. | Да (идеи вечны) | Чувственный мир — субъективное мнение |

| **Аристотель** | Форма и материя. Общее существует в единичном. Познание через опыт и логику. | Да (но через эмпирию) | Индивидуальное важно, но не абсолютно |

— То есть почти все, кроме софистов, верили в объективность? — спросила Белая Пешка.

— Да, — кивнул Гроссмейстер. — Античная философия в целом была объективистской. Она искала истину, которая не зависит от человека.

— А софисты — исключение?

— Софисты — исключение. И их часто критиковали. Платон, например, посвятил много диалогов борьбе с софизмом.

— А ты сам к кому ближе? — спросил Чёрный Ферзь.

— Я? — задумался Гроссмейстер. — Наверное, к Аристотелю. И к Платону. И немного к Пармениду. И даже к софистам, когда сомневаюсь...

— То есть ты эклектик? — усмехнулся Белый Слон.

— Я ищущий, — сказал Гроссмейстер. — Как и вы.

Глава четвёртая: как же быть с Пешкой и её движением?

— Вернёмся к Пешке, — сказал Чёрный Король. — Она двигалась. Она это знает. Гроссмейстер это знает. Парменид говорит, что движения нет. Кто прав?

— Все, — улыбнулся Гроссмейстер. — Снова.

— Как это? — возмутилась Белая Ладья.

— А так, — сказал Гроссмейстер. — Парменид прав на уровне чистой логики. Если мыслить Бытие как абсолютное, неделимое, вечное — движения в нём

действительно нет. Потому что движение предполагает пустоту, различие, становление. А в абсолютном Бытии этого нет.

— Но мы-то живём не в абсолютном Бытии, — возразил Чёрный Конь.

— Именно, — кивнул Гроссмейстер. — Мы живём в мире, где есть пустота, различие, становление. В мире, где пешка может двигаться. И в этом мире движение есть. Объективно. Потому что доска есть, клетки есть, правила есть, и пешка перемещается с одной клетки на другую.

— То есть Парменид прав про свой мир, а мы правы про свой? — спросила Чёрная Пешка.

— Можно и так сказать, — согласился Гроссмейстер. — Парменид описывает Бытие как оно есть само по себе, за пределами любых восприятий. А мы описываем мир, в котором живём. Это разные уровни реальности.

— А какой из них настоящий? — спросил Белый Король.

— Оба, — сказал Гроссмейстер. — Просто на разных уровнях. Как в физике: есть законы Ньютона, а есть квантовая механика. Они противоречат друг другу, но оба работают в своих пределах.

— Значит, Парменид не отрицал движение в нашем мире? — уточнил Белый Ферзь.

— Отрицал, — вздохнул Гроссмейстер. — Он считал, что наш мир — иллюзия. Но мы-то знаем, что он не иллюзия. Или, по крайней мере, не только иллюзия. Вот тут и возникает главный спор.

— И кто его решит? — спросил Чёрный Слон.

— Никто, — сказал Гроссмейстер. — Это философский вопрос. А философские вопросы не решаются раз и навсегда. Они сопровождают человечество всегда. И это хорошо.

— Почему хорошо? — спросила Белая Пешка.

— Потому что если бы все вопросы были решены, — сказал Гроссмейстер, — не о чем было бы разговаривать. А разговаривать — это же самое интересное.

Фигуры засмеялись. И Гроссмейстер засмеялся вместе с ними.

Эпилог: исправленная формулировка

— Так как же надо было сказать про Парменида? — спросил Белый Ферзь.

— Надо было сказать так, — ответил Гроссмейстер.
— «Парменид утверждал, что движение — иллюзия

чувств, а истина открывается только разуму. Согласно его учению, наше знание о движении — не объективная реальность, а мнение, основанное на обманчивых чувствах. Поэтому Парменид не считал движение реальностью — объективно, а не субъективно».

— А мы с ним не согласны? — спросила Чёрная Пешка.

— Мы можем быть и не согласны, — сказал Гроссмейстер. — Но тогда мы должны предложить свой аргумент. Не просто «я вижу движение», а разумное обоснование, почему движение существует объективно.

— Например? — спросил Белый Король.

— Например, аристотелевское различие между потенцией и актом, — сказал Гроссмейстер. — Пешка потенциально может двигаться, а актуально движется. Парменид отрицал потенцию. Аристотель — нет.

— И кто прав? — снова спросил Чёрный Слон.

— Аристотель, — улыбнулся Гроссмейстер. — Но это моё субъективное мнение.

— А объективно? — спросила Белая Пешка.

— А объективно, — сказал Гроссмейстер, — каждый решает сам. Мы же не Парменид...

Фигуры задумались. Потом Чёрный Конь сказал:

— Знаешь, Гроссмейстер, а ты не так уж глуп для человека.

— Ну, спасибо, — усмехнулся Гроссмейстер. — А вы не так уж деревянные для шахмат.

— Мы — идеи, — напомнил Белый Ферзь.

— Точно, — кивнул Гроссмейстер и засмеялся в душе своей. — Я забыл.

Они замолчали. За окном светало. На доске фигуры стояли неподвижно — и двигались одновременно. Как в квантовой физике. Как в философии. Как в жизни.

И это было правильно.

Потому что, как сказал один мудрец (не Парменид и не Аристотель, а кто-то третий):

Истина — не в покое и не в движении.

Истина — в поиске.

А поиск — это всегда разговор.

Даже если один из собеседников — шахматная фигура. А другой — обычный человек, который не может уснуть.

Музыкальное посвящение Пармениду -
<https://suno.com/s/sySmPdVLEslt2cZ5>

Откуда мысль текла, что словом изрекла:
- "Движенья нет!"

Она текла от основанья,
С истока вечного стремления познания,
И лишь немногим прояснение дала.

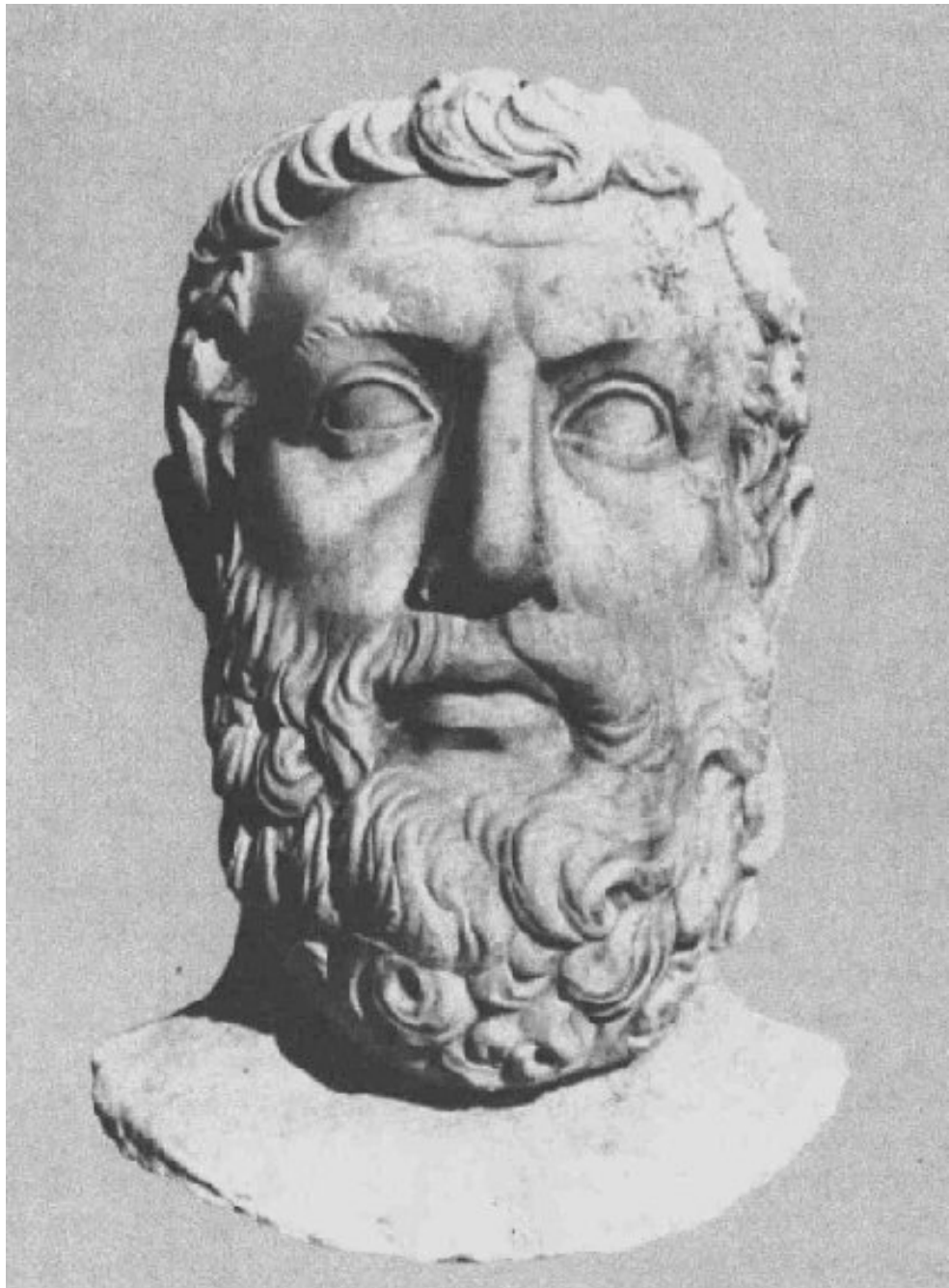
Узнай, что сложен путь к тому,
что неподвижно,
Пусть лабиринтом ум блуждает - польза есть.
Противоречий в русле логики не счесть.
Сомненья - пища для ума.
Движенье... слышно!

Но, размышляя над потоком суеты,
О войнах мира, что ведутся здесь веками,
Сказал великий Парменид всю суть словами:
- Движенья нет!
Но тем и движутся умы...

Кто победить движенье в силах?
Лишь покой.
Но беспокоен мир подлунный,
мир земной.

Справка:

Учение Парменида (V век до н.э.) изложено в его поэме "О природе". Он считает чувства обманчивыми и рассматривает множество чувственных вещей, изучаемых умом, как иллюзию. Единственное истинное бытие - бесконечное и неделимое Единое. Единое не может быть разделено, потому что оно в своей целостности находится всюду. Об этом же учит и Пифагор, говоря о Божественном Космосе, об этом же учит Лао-цзы, говоря о природе Дао. Представление современной науки о философии Парменида, это путь мнений о нём, это не сам мыслитель, остающийся тайной для каждого, кто всерьёз хочет понять глубину мысли античной. Однако приходится доверять таким стандартным, учебным знаниям о мыслителях и их философии, ибо проверить истинность может не каждый, как и найти резонансную волну сотворчества с тем или иным автором.

Гроссмейстер и призрак переводчика

или Как древние тексты оказались не тем, чем кажутся, а интрасфера подсказала выход

Пролог, в котором Гроссмейстер смотрит на книжную полку с подозрением

Ночь. Та же самая. Или другая. Гроссмейстер уже перестал различать... Фигуры затихли после долгого разговора о Пармениде, движении и объективности. Но сам Гроссмейстер не спал.

Он сидел за столом, смотрел на книжную полку и думал.

— А откуда я вообще знаю, что говорил Парменид?

— спросил он себя. — Я читал переводы. Кто-то перевёл с древнегреческого. Кто-то переписал. Кто-то вставил в учебник. Кто-то добавил комментарии. А потом другой комментатор поправил первого. А третий сказал, что оба не правы.

Он встал, подошёл к полке, вытащил томик досократиков. Полистал. Фрагменты. Цитаты у поздних авторов. Симпликий, Секст Эмпирик, Плутарх... Все они цитируют Парменида по-своему. У каждого — свой контекст. Своя цель. Своя правда.

— А что, если Парменид вообще не говорил того, что ему приписывают? — прошептал Гроссмейстер.

— Или говорил, но в другом смысле? Или говорил ученикам, а те запомнили не так?

Он закрыл книгу. На обложке было написано: «Фрагменты ранних греческих философов». Но Гроссмейстер вдруг понял, что это не фрагменты мыслей древних. Это фрагменты того, что дошло. А то, что дошло, — это крошечная часть того, что было сказано. А то, что было сказано, — это крошечная часть того, что было подумано. А то, что было подумано, — это крошечная часть того, что было пережито.

— Мы знаем не Парменида, — так сказал он. — Мы знаем наше представление о Пармениде. Которое сложилось из переводов, комментариев, школьных учебников и интернет-статей.

— А это большая разница? — спросил вдруг Белый Ферзь.

Гроссмейстер не удивился. Он уже привык, что фигуры говорят.

— Большая, — сказал он. — Огромная. Как между реальным человеком и его фотографией. Как между живой рекой и картой, на которой она нарисована.

— Но карта же помогает ориентироваться? — спросила Чёрная Пешка.

— Помогает, — кивнул Гроссмейстер. — Но карта — не территория. И если мы забудем об этом, мы заблудимся.

Глава первая, в которой Гроссмейстер вспоминает, сколько ошибок накопилось за века

Он сел на диван, положил ноги на стул и начал рассуждать вслух. Фигуры внимательно слушали.

— Возьмём любого древнего философа, — сказал он. — Допустим, Платона. До нас дошли не все его диалоги. Те, что дошли, переписывались сотни раз. Переписчики ошибались. Вставляли свои комментарии. Путали слова. А потом наступило Средневековье, и многие тексты были утеряны или уничтожены. Потом — Возрождение, тексты нашли, но кто-то решил, что некоторые диалоги — подделки, а другие внесли в них свои важные дополнения. Потом — Новое время, новые переводы, новые интерпретации.

— И что в итоге? — спросил Чёрный Слон.

— В итоге мы имеем текст, который, возможно, лишь отдалённо напоминает то, что написал Платон. А Платон, между прочим, писал диалоги. Не трактаты. Именно диалоги. Где Сократ спорит с разными людьми. И непонятно, кто из говорящих выражает мнение самого Платона. Некоторые исследователи считают, что Платон прятался за масками намеренно. Другие — что он менял свои взгляды. Третьи — что он просто играл в литературную, интеллектуальную игру. Как бы сам с собой спорил.

— А как же тогда понять, что он думал на самом деле? — спросил Белый Король.

— Никак, — сказал Гроссмейстер. — Или — как все. То есть субъективно. Есть ещё один способ, его предлагает интрасферное мировосприятие. Надо погрузиться в самую суть личности того, кого хочешь понять, нужно сродниться с самим его загадочным существом, очень осторожно понаблюдать за движением его мысли и души, нужно полюбить.

— Но ты же сам говорил, что Парменид претендовал на объективность, — возразил Чёрный Ферзь.

— Претендовал, — кивнул Гроссмейстер. — Но напомним, мы не знаем, что именно он говорил. Мы знаем, что о нём говорили другие. А это — вторая производная. Ещё более субъективная.

— Значит, всё наше знание о древних философах — это знание о том, как их интерпретировали? — спросил Белый Слон.

— По большей части — да, — вздохнул Гроссмейстер. — Мы читаем не Платона. Мы читаем одного из многих переводчиков Платона. Который читал переписчика Платона. Который читал оригинал, возможно, повреждённый. И каждый из них вносил что-то своё.

— Как в игру «испорченный телефон», — сказал Чёрный Конь.

— Именно, — сказал Гроссмейстер. — Только телефон длиной в две с половиной тысячи лет.

Глава вторая, в которой Гроссмейстер понимает, что мудрецы, возможно, соглашались друг с другом

Он замолчал. Потом встал, подошёл к окну и взглянул на свое слабое отражение в стекле... За окном была ночь. Тихая. Звёздная.

— Но есть одна странная вещь, — сказал он. — Если читать разных философов — не поверхностно, а вдумчиво, — начинаешь замечать, что в главном они согласны.

— В каком главном? — спросила Белая Пешка.

— В том, что есть нечто, что больше нас, — сказал Гроссмейстер. — Парменид называл это Бытием. Платон — Благом. Пифагорейцы — Гармонией и Числом. Аристотель — Перводвигателем. Плотин — Единым. А более поздние — Богом, Абсолютом, Дао, Брахманом...

— Они называли это по-разному, — сказал Чёрный Ферзь. — Но говорили об одном?

— Похоже на то, — кивнул Гроссмейстер. — Конечно, у них были споры. Иногда жёсткие, как игра в шахматах. Платон спорил с досократиками. Аристотель спорил с Платоном. Плотин спорил с гностиками. Но если отвлечься от деталей и посмотреть на общую картину, они все говорили о том и том же, что мир не сводится к материи. Что есть порядок, смысл, цель. Что есть нечто, что

делает мир гармоничным, даже если мы не всегда это видим.

— А как же их разногласия? — спросил Чёрный Слон. — Они же спорили! Возможно до драки!

— Спорили, — улыбнулся Гроссмейстер. — Но знаешь, как говорят? В драке рождается истина. Или, по крайней мере, проясняется. Спор — это способ приблизиться к тому, что... за словами.

— А что за словами? — спросил Белый Король.

— За словами — молчание, — сказал Гроссмейстер. — То, о чём нельзя сказать, но можно помыслить. Или почувствовать. Или пережить.

— Как в шахматах, — сказал Чёрный Конь. — Есть правила. Есть ходы. Есть партии. Но есть ещё и то, что за ними. Красота комбинации. Азарт борьбы. Тишина после мата.

— Да, — сказал Гроссмейстер. — И это — самое главное.

Глава третья, в которой появляется интрасфера и объясняет, что делать

И тут Гроссмейстер вспомнил. Он читал об этом. В каких-то заметках Феаны. На каком-то сайте, кажется сказочном. Что-то про интрасферное восприятие. Про то, что мир — не то, что нам кажется, и не то, что о нём говорят. А то, как мы его видим и осознаем изнутри.

— Интрасфера, — сказал он вслух. — Взгляд изнутри сферы.

— Что это такое? — спросила Чёрная Пешка.

— Это... — задумался Гроссмейстер. — Это когда ты перестаёшь искать истину вовне. В книгах. В авторитетах. В традициях. А начинаешь искать её внутри. В своём восприятии, в самом своём существе. В опыте, переживании момента.

— Но это же субъективизм? — удивился Белый Ферзь. — Как у софистов?

— Нет, — сказал Гроссмейстер. — Софисты говорили: «Истина — это то, что кажется». А интрасфера говорит: «Истина — это то, что ты можешь пережить истинным, но при этом помнить, что у другого может быть своя истина, и она тоже имеет право на существование».

— То есть? — не поняла Белая Пешка.

— То есть, — объяснил Гроссмейстер, — я могу верить, что Парменид был прав насчёт неподвижного Бытия. А ты можешь верить, что прав Аристотель насчёт движения. И мы не будем драться или убивать друг друга, доказывая правоту. Мы начнём разговаривать, пусть даже мысленно. И в разговоре — искать то, что за нашими словами настоящее.

— За словами — молчание, — напомнил Чёрный Король.

— Да, — кивнул Гроссмейстер. — И это молчание — у всех одно. Или скажете разное? Если одно, то потому что оно — не наше. Оно — то, что нас объединяет. То, что древние называли Бытием, Благом, Единым...

— А как его достичь? — спросил Белый Слон.

— Никак, — сказал Гроссмейстер. — К нему можно приближаться. Через философию, через искусство, через любовь, творчество, душу. Но достичь — нельзя. Потому что всё относительно, а ещё... потому, что когда ты достигаешь, ты снова начинаешь говорить и сомневаться в чем-либо. Молчание — это не достижение. Это — путь тишины.

— Как наша игра, — сказал Чёрный Ферзь. — Мы никогда не достигнем идеальной партии. Но можем к ней стремиться.

— Именно, — сказал Гроссмейстер. — И в этом стремлении — смысл.

Глава четвёртая, в которой Гроссмейстер признаётся, что он не философ, но это не страшно

— Знаете, — сказал Гроссмейстер, глядя на фигуры. — Я ведь не философ. Я шахматист. Умею играть, анализировать, выигрывать и проигрывать. А философия — это для меня хобби. Я читаю книги, слушаю лекции, спорю с собой. Но я не создал ни одной своей теории. Не написал ни одной статьи.

— И что? — спросила Чёрная Пешка.

— А то, — сказал Гроссмейстер, — что, может быть, настоящая философия — это не создание теорий. А умение задавать вопросы. И слушать ответы. Даже если они приходят от шахматных фигур.

— Или от самого себя, — добавил Белый Ферзь.

— Или от тишины, — добавил Чёрный Слон.

Гроссмейстер помолчал. Потом сказал:

— Я понял одну вещь. Мы никогда не узнаем, что на самом деле говорил Парменид. Или Платон. Или Аристотель. Мы можем только строить догадки. И эти догадки будут отражать не столько их мысли, сколько наши собственные.

— Но это же печально? — спросил Белый Король.

— Нет, — сказал Гроссмейстер. — Это освобождает. Потому что если нет единственно правильной интерпретации, то мы можем искать свою. И не бояться, что она неправильная. Главное — чтобы она была честной. И чтобы она помогала жить. И понимать. И быть добрее.

— А это и есть интрасфера? — спросил Чёрный Конь.

— Думаю, да, — сказал Гроссмейстер. — Интрасфера — это когда ты смотришь на мир изнутри себя. Не отрицая внешнего. Не абсолютизируя внутреннего. А соединяя их. Понимая, что истина — не в книжках. И не только в тебе. Она — между. В разговоре. В вопросе. В тишине после вопроса.

Эпилог, в котором Гроссмейстер засыпает, а фигуры решают, что он не безнадёжен

За окном светало. Гроссмейстер зевнул.

— Я, наверное, пойду спать, — сказал он.

— Иди, — сказал Белый Ферзь. — Ты сегодня хорошо подумал.

— Правда? — удивился Гроссмейстер.

— Правда, — сказал Чёрный Слон. — Ты перестал верить, что знаешь истину. И начал её искать. Это и есть философия.

— А я думал, философия — это когда читаешь Платона в оригинале, — улыбнулся Гроссмейстер.

— Это филология, — сказал Белый Конь. — Философия — это когда задаёшь вопросы, на которые нет однозначных ответов. И не боишься этого.

Гроссмейстер лёг на диван. Фигуры затихли. Он закрыл глаза. И перед сном ему показалось, что он слышит голоса. Много голосов. Парменид, Платон, Аристотель, Плотин, Пифагор, Сократ, Фалес, Гераклит... Все они говорили что-то своё. Но в главном — они молчали. Одно и то же молчание. В

котором не было слов. Но был смысл, была его космическая глубина.

— Интрасфера, — прошептал Гроссмейстер. —
Какое странное слово.

И уснул.

А фигуры, оставшись в темноте, переглянулись.

— Неплохо для человека, который не философ, —
сказал Чёрный Ферзь.

— Неплохо, — согласился Белый Король. — Может
быть, он ещё научится.

— Научится, — сказала Чёрная Пешка. — Он уже
начал.

— Начал что? — спросил Белый Слон.

— Слушать, — произнесла Пешка. — Не только нас.
Не только книги. Но и то, что за ними.

— Молчание, — сказал Чёрный Конь.

— Да, — подтвердила Пешка. — Молчание.

И они замолчали все вместе.

Потому что иногда молчание говорит больше, чем
слова.

Даже если слова эти — философские.

И даже если их говорили мудрецы две с половиной тысячи лет назад.

Конец

Или начало

В зависимости от того,

Кто слышит и Зачем,

услышите ли вы молчание

которое всегда было там и тут

За текстами

За переводами

За интерпретациями...

Оно — то самое.... Или самое себя -

Единое.

Которое древние называли

по-разному... а мы называем — интрасферой.

Потому что смотреть изнутри —

это единственный способ

увидеть, что все мы смотрим

на одно и то же.

Просто с разных сторон.

И это — не ошибка

Это — дар.

Сказка о Программе и Творчестве, которые оказались сёстрами

или Как Гроссмейстер объяснил фигурам, почему повторение не скучно, а новизна — не хаос

Пролог, в котором Гроссмейстер просыпается с вопросом

Гроссмейстер проснулся от того, что во рту был какой-то странный привкус. Вчерашний разговор о философах, интрасфере и молчании оставил после себя неясное чувство. Будто он стоял на пороге чего-то важного, но не мог переступить.

— Что такое программа? — спросил он сам себя, глядя в потолок. — И что такое творчество? Почему одно считается скучным, а другое — интересным? И почему без одного нет другого?

Фигуры на доске молчали. Но Гроссмейстер знал — они слушают. Он сел, потёр лицо руками и начал говорить. Не им. Себе. Но так, чтобы и они слышали.

— Я вчера подумал, — сказал он. — Мы часто ругаем повторение. Говорим: «Это шаблон», «Это

клише», «Это программа». А творчество хвалим.
«Это новое», «Это оригинальное», «Это
гениальное».

— И что здесь не так? — спросил Белый Ферзь. Он
не выдержал и первым нарушил молчание.

— А то, — сказал Гроссмейстер, — что без
повторения не было бы творчества. И без
программы — не было бы памяти. А без памяти —
не было бы нас.

— Как это? — спросила Чёрная Пешка.

— Сейчас расскажу, — сказал Гроссмейстер. — Но
сначала — стихотворение. Я его вчера ночью
вспомнил. Или не вспомнил, а придумал. Теперь
уже не разобрать.

Он прочистил горло и прочитал:

Изначальна структура зерна...
Что за зёрна в душе созревают?
Кто в проём межвременья бросает?
И кому она вечно верна
— суть зерна...

Этот замысел был до времён:
И не выразить словом и звуком,
Разве ж сердца биения стуком

Первокачества Первотон...

- суть времён

— Красиво, — сказал Белый Слон. — Но при чём тут программа и творчество?

— При том, — сказал Гроссмейстер, — что зерно — это и есть программа. И одновременно — замысел творчества. Смотрите.

Глава первая, в которой Гроссмейстер объясняет, что такое программа

— Представьте себе пшеничное зерно, — сказал Гроссмейстер. — Что в нём заложено?

— Колос, — сказал Чёрный Конь. — Из зерна вырастает колос. В колосе — новые зёрна. И так далее.

— Правильно, — кивнул Гроссмейстер. — Это программа. В зерне записано: как прорасти, как пустить корни, как вытянуть стебель, как сформировать колос. Это повторяющийся цикл. Тожественность. Сохранение себя во времени.

— Звучит скучно, — заметила Белая Пешка. — Всё время одно и то же. Зерно, колос, зерно, колос...

— Скучно? — переспросил Гроссмейстер. — А без этого цикла не было бы жизни. Если бы зерно не повторяло себя, пшеница бы вымерла. Программа — это память природы. Это способ сохранять себя. Стремление удерживать структуру, вспоминать начальное. Желание вернуться в исходное состояние!

— Как наши шахматные правила, — сказал Чёрный Ферзь. — Они всегда одни и те же. Пешка ходит вперёд, ферзь — куда угодно. Это программа.

— Да, — сказал Гроссмейстер. — И без этой программы не было бы игры. Каждый раз, когда мы начинаем партию, мы повторяем одни и те же правила. Это не скучно. Это основа.

— Но ведь партии получаются разными, — возразил Белый Король.

— Вот тут мы подходим к творчеству, — улыбнулся Гроссмейстер.

Глава вторая, в которой Гроссмейстер объясняет, что такое творчество

— Творчество, — сказал Гроссмейстер, — это стремление к неповторимости. Когда из тех же самых правил, на той же самой доске, теми же

самыми фигурами мы создаём партию, которой не было никогда.

— Как мы вчера, — сказал Чёрный Слон. — Партия, где пешка пожертвовала собой ради комбинации. Это было впервые?

— В истории шахмат — нет, — сказал Гроссмейстер. — В вашей личной истории — да. Для вас это было новое. Неповторимое. Творческое.

— А если повторить? — спросила Белая Ладья. — Если мы сыграем ту же самую партию снова?

— Это будет программа, — сказал Гроссмейстер. — Воспроизведение уже созданного. Но даже в повторении всегда будет что-то новое. Потому что вы изменились во времени. Играя одну и ту же партию, вы будете видеть её по-другому. Чувствовать иначе. Понимать глубже.

— Так творчество — это не только создание нового? — удивилась Чёрная Пешка.

— Творчество — это создание нового для себя, — сказал Гроссмейстер. — Даже если для мира это старое, бывшее много раз. Если вы впервые сыграли дебют, который тысячу раз играли до вас, для вас он — творчество. Потому что вы его открыли заново.

— Как ребёнок, который учится ходить, — сказал Белый Ферзь. — Для мира это не новость. Но для ребёнка — великое открытие.

— Именно, — кивнул Гроссмейстер. Потом улыбнулся и произнёс только для себя, молча, — И для ума человеческого каждое новое открытие — это впервые!

Глава третья, в которой оказывается, что программа и творчество — не враги

— Значит, — сказал Чёрный Король, — программа и творчество — это две стороны одного?

— Да, — сказал Гроссмейстер. — Они неразделимы. Как память и воображение, программа и фантазия. Как повторение и новизна. Как зерно и колос.

— Поясни, — попросил Белый Слон.

— Хорошо, — сказал Гроссмейстер. — Представьте себе дерево. У него есть ствол. Это программа. Ствол повторяется из года в год. Он сохраняет структуру, хотя и растёт, изменяется. Но каждый год

на дереве вырастают новые ветки, ствол утолщается кольцами роста. Это творчество. Ветки не повторяют прошлогодние. Они ищут свет по-своему. Они тянутся в новую сторону. Но без ствола ветки не удержатся. А без веток ствол будет голым и мёртвым.

— Как наша игра, — сказал Чёрный Ферзь. — Правила — это ствол. А каждый ход — новая ветка.

— Да, — кивнул Гроссмейстер. — И если бы мы всегда ходили одинаково, игра умерла бы. Но если бы мы не соблюдали правила, игра бы рассыпалась.

— А что важнее? — спросила Белая Пешка.

— Мера, — сказал Гроссмейстер. — И векторность. В каждой области своя мера повторения и новизны. В математике — одна. В искусстве — другая. В любви — третья.

— А в философии? — спросил Чёрный Конь.

— В философии, — улыбнулся Гроссмейстер, — важно не забывать, что все великие мысли уже были сказаны. Но каждый философ говорит их по-своему. Повторяет древних — и создаёт новое. Как Платон повторил Пифагора. Как Аристотель повторил Платона. Как мы с вами сейчас повторяем

их всех — и придумываем что-то своё. И называем это новым!

Глава четвёртая, в которой появляется память и оказывается, что без неё нет ничего

— А где здесь память? — спросил Белый Король.

— Память — это то, что соединяет программу и творчество, — сказал Гроссмейстер. — Программа — это память вида. Творчество — это память личности. Но без памяти вообще ничего не работает. Она в основе всего мира.

— Как это? Творчество тоже как программа? — не понял Чёрный Слон.

— Попробуйте сыграть партию, забыв правила, — сказал Гроссмейстер. — Не получится. Попробуйте сыграть партию, забыв, какие ходы вы уже сделали. — Также не получится. Память — это основа. Она хранит структуру. Она позволяет повторять. И она же позволяет... творить, потому что без памяти о прошлом нет и новизны. Не с чем сравнить. Новое — это то, что отличается от запомненного.

— Значит, творчество — это дитя памяти? — спросил Чёрный Ферзь.

— Да, — сказал Гроссмейстер. — И программа — тоже. Они — сёстры. Рождённые от одной матери — Структуры.

— Которая была до времён? — спросила Белая Пешка, вспомнив стихотворение.

— Которая была до времён, — кивнул Гроссмейстер. — И которая остаётся, даже когда всё меняется.

Глава пятая, в которой Гроссмейстер рассказывает сказку о Зерне

— А теперь, — сказал Гроссмейстер, — я расскажу вам сказку. О том, как Зерно искало себя.

Сказка о Зерне, которое не хотело повторяться

Жило-было Зерно. Оно лежало в земле и думало: «Зачем мне прорасти? Зачем давать колос? Зачем повторять то, что было до меня? Это скучно. Я хочу быть уникальным».

И Зерно отказалось прорасти. Оно лежало в земле и ждало, когда придут иные времена, где не нужно будет повторять. Но времена не приходили. Зерно начало гнить.

— Я умираю, — сказала Зерно. — Да, но я не хочу умирать как все. Хочу умереть по-своему.

— Ты умираешь, потому что отказалось от жизни, — сказал ему Дождь. — Жизнь — это повторение. Каждый день встаёт солнце. Каждую весну распускаются листья. Это не скучно. Это — основа. Без повторения нет жизни.

— Но я же хочу творчества! — воскликнуло Зерно.

— Творчество — это не отказ от повторения, — сказал Дождь. — Это — то, Как именно ты повторяешь. Каждый колос уникален. Каждое зерно — новое. Они похожи на родительские, но не одинаковы. В этом и есть творчество. В неповторимости внутри повторения.

Зерно задумалось. Потом сказала:

— А если я прорасту, я стану колосом. А колос даст новые зёрна. И они будут похожи на меня. Но будут другими. Это и есть программа и творчество вместе?

— Да, — сказал Дождь. — Программа — это то, что ты прорастаешь. Творчество — это то, Как именно ты растёшь, каким ты будешь колосом. И то, какими будут твои дети.

— Всё зависит от того, Кто и Зачем живёт, смотрит, мечтает... Конец этой сказки зависит от выбора Зерна, что оно выбрало, жизнь или смерть, и зачем, — подытожил Гроссмейстер.

— Красивый образ, — сказала Чёрная Пешка. — Но при чём тут мы?

— А при том, — сказал Гроссмейстер, — что вы — тоже зёрна. Каждая партия — это новое зерно. Оно повторяет правила, но создаёт неповторимую комбинацию. И без повторения не было бы игры. И без новизны игра была бы мёртвой.

— А мы? — спросил Белый Ферзь. — Мы — программа или творчество?

— Вы — и то и другое, — сказал Гроссмейстер. — Вы — фигуры. Ваши ходы — программа. Ваши решения — творчество. Ваша память о прошлых партиях — программа. Ваша способность удивлять — творчество.

— А ты, Гроссмейстер? — спросил Чёрный Король.

— А Гроссмейстер — это тот, кто держит меру, — сказал Гроссмейстер. — Кто знает, когда надо повторить проверенный дебют, а когда — рискнуть и создать новое. Кто помнит о структуре, но не боится её нарушать ради красоты.

— Как в жизни? — спросила Белая Ладья.

— Как в жизни, — кивнул Гроссмейстер.

Эпилог, в котором Гроссмейстер засыпает, а фигуры понимают, что они — и есть эта жизнь

За окном светало. Гроссмейстер зевнул.

— Я, наверное, пойду спать, — сказал он.

— Иди, — сказал Белый Ферзь. — Ты сегодня хорошо рассказывал.

— Правда? — удивился Гроссмейстер.

— Правда, — сказал Чёрный Слон. — Ты объяснил, что повторение — не враг новизны. Что программа — не скука, а основа. Что творчество — не хаос, а неповторимость внутри порядка.

— И что память — это мост, — добавил Белый Конь.

— И что мера — важнее всего, — добавил Чёрный Ферзь.

Гроссмейстер лёг на диван. Фигуры затихли. Он закрыл глаза. И перед сном ему показалось, что он слышит звук. Не слова. Не музыку. А что-то между. То, что было до времён. Первокачество. Первотон. Стук сердца.

— Изначальна структура зерна, — прошептал он. — И она же — замысел творчества.

И уснул.

А фигуры остались на доске. И в их неподвижности была программа. И в их готовности к новой партии — творчество. И в их молчании — память обо всём, что было. И обо всём, что будет.

Потому что без прошлого нет будущего. А без будущего нет смысла в прошлом.

И они — и фигуры, и Гроссмейстер, и мы с вами — это и есть то самое зерно.

Которое прорастает.

Которое повторяет себя.

И которое каждый раз — новое.

В этом — тайна.

В этом — жизнь.

В этом — сказка, которую мы рассказываем себе каждую ночь.

И каждое утро.

И каждый миг.

<https://suno.com/s/0cz4K5SabYGHmJgJ>

Конец.

Или продолжение...

Потому что программа продолжается, и может
завершиться. А творчество — никогда не
заканчивается

И это — не противоречие

Это гармония.

Которую древние называли

Космосом.

А мы называем

Жизнью.

Или игрой.

Или сказкой.

Каждый выбирает сам.

Но суть одна.

Как зерно.

Как структура.

Как Первотон.

Который бьётся

в каждом сердце.

Даже в шахматном.

Даже в деревянном.

Даже в том,
которое только что
научилось слышать.
Из ничто проявляется нечто,
Раздвигая миры и пространства
Откровеньем жемчужного царства!
Дивным замыслом: время — конечно!
И начало придёт, и конец,
А зеркальная суть божества
Восприятем сего волшебства,
Сотворённого миром сердец...
Мир – венец!

Сказка о том, как шахматные фигуры обсуждали Единое и чуть не поссорились

Генологическая партия с лёгкой иронией,
интрасферным акцентом и световыми эффектами

Пролог, в котором фигуры зажигаются (в прямом и переносном смысле)

В Монаде, после всех путешествий, после
разговоров о Пармениде, программе и творчестве,
наступила тишина... Но не пустая. Та тишина,
которая бывает перед важным вопросом.

— Слушайте, — сказал вдруг Белый Ферзь. — Мы
много говорили о Бытии. О движении. О
субъективном и объективном. Но мы почти не
говорили о Едином.

— О чём? — переспросила Чёрная Пешка.

— О Едином, — повторил Ферзь. — О том, что у
Платона за пределами бытия. О том, что Парменид
называл Бытием, но на самом деле имел в виду
нечто большее. О том, что пифагорейцы называли

Монадой. О том, о чём нельзя сказать ничего определённого, но без чего ничего не существует.

— Звучит как загадка, — сказал Белый Слон.

— Это и есть загадка, — кивнул Ферзь. — Самая главная.

И в этот момент фигуры засветились. Не как обычно — тусклым деревянным светом, а ярко. Почти прозрачно. Каждая — своим цветом. Белые — серебристым, чёрные — золотистым. А посередине, там, где ничья, замерцало что-то бесцветное. Или всецветное?

— Что это? — спросил Чёрный Король.

— Это интрасфера, — сказал Белый Ферзь. — Мы смотрим на мир изнутри. И видим то, что обычно скрыто.

— А что же мы видим? — спросила Белая Пешка.

— Увидим, — сказал Ферзь.

Глава первая, в которой фигуры пытаются определить Единое и терпят неудачу (что естественно)

— Давайте начнём с простого, — предложил Белый Король. — Что такое Единое?

— Это то, что не имеет частей, — сказал Чёрный Слон.

— Тогда оно не может быть здесь, — возразил Белый Конь. — Потому что мы все — части. Доска — часть. Монада — часть. Даже свет — часть.

— Может быть, Единое — это то, что объединяет части? — предположила Чёрная Пешка. — Как правила объединяют фигуры в игру?

— Но правила — это тоже нечто определённое, — возразил Белый Ферзь. — А Единое — неопределённо. Оно до всякой определённости.

— Как доска до того, как на ней расставили фигуры? — спросил Чёрный Конь.

— Глубже, — сказал Ферзь. — Как пространство до того, как его восприняли и измерили. Как время до того, как его почувствовали, разделили на прошлое, настоящее и будущее.

— Это похоже на апофатику, — сказал вдруг Чёрный Король. — Гроссмейстер читал об этом. Апофатическое богословие. Когда о Боге говорят не то, что Он есть, а то, чем Он не является.

— А зачем так сложно? — спросила Белая Ладья.

— Потому что о Едином нельзя сказать ничего положительного, — ответил Чёрный Ферзь. — Как только ты говоришь «Единое есть...», ты уже его ограничиваешь. А оно — безгранично.

— И как же о нём думать? — спросила Чёрная Пешка.

— Никак, — улыбнулся Белый Ферзь. — Его можно только... созерцать, вдыхая. Или переживать. Или... быть им.

— Но мы же фигуры, — сказал Белый Слон. — Мы не можем быть Единым. Мы — множество.

— А вот это — главный вопрос, — сказал Чёрный Слон. — Может ли множество быть причастным Единому? И как?

**Глава вторая, в которой появляется
Абсолютный Смысл и начинает
разворачиваться (фигурам это не нравится)**

И тут свет внутри фигур начал меняться. Он стал пульсировать. Из каждой фигуры потянулась нить —

тонкая, светящаяся. Нити соединялись друг с другом, образуя узор. Узор напоминал паутину. Или схему. Или... сам смысл переплетения.

— Что это? — спросил Белый Король.

— Это разворачивается Абсолютный Смысл, — сказал Белый Ферзь. — Он был свёрнут в Едином, как программа в зерне. А теперь он проявляется из-за нашего внимания. В нас, в возникающих связях, в нашем разговоре.

— А кто его разворачивает? — спросила Чёрная Пешка.

— Мы, — сказал Чёрный Ферзь. — Кто же ещё! Когда думаем. Когда говорим, задаём вопросы.

— Значит, Единое — это не что-то далёкое? — спросил Белый Слон. — Оно — здесь? В нас?

— И здесь, и не здесь, — сказал Белый Конь. — Оно — источник. А мы — его выражения. Как свет и лучи. Как зерно и колос.

— Но тогда получается, что мы — не просто фигуры, — сказал Чёрный Король. — Мы —

символы. Мы что-то означаем. Что-то за пределами нас.

— Коммуникативно познаваемые в интенциональном акте, — неожиданно и авторитетно вставил Чёрный Слон.

— Ты... чего это? — удивилась Белая Ладья.

— Гроссмейстер вчера читал Лосева, — пояснил Слон. — Я запомнил. Это значит, что мы можем познавать Единое через наше стремление к нему. Через нашу направленность. Через сам вопрос.

— А если не стремиться? — спросила Чёрная Пешка.

— Тогда Единое остаётся неразличимым, — сказал Белый Ферзь. — Апофатическим. Тёмным. Непроявленным.

— Но оно всё равно есть? — спросил Белый Король.

— Оно есть всюду и всегда, — кивнул Чёрный Ферзь. — Даже если мы о нём не думаем.

Глава третья, в которой фигуры спорят о том, нужно ли Единое современному миру

— Знаете, — сказал вдруг Чёрный Конь, — а ведь есть философы, которые говорят, что Единое — это вредная идея.

— Как это — вредная? — возмутился Белый Слон.

— А так, — сказал Конь. — Они говорят: идея Единого ведёт к тоталитаризму. Потому что если есть Единое, то всё остальное — его проявления. А значит, всё должно подчиняться Единому.

Иерархия. Подчинение. Один центр. Одна истина. Одна власть... полярность, диктат.

— Но это же неправильное понимание Единого! — воскликнул Чёрный Ферзь. — Единое не властвует. Единое — это не царь и не диктатор. Единое — условие возможности множественного. Без Единого не было бы различий. Потому что различать можно только то, что связано. А связано всё в разной мере.

— А постмодернисты говорят: нет никакого Единого, — продолжил Чёрный Конь. — Есть только множественность. Различия. Игры без центра. Смыслы без иерархии!

— И как им живётся? — спросила Белая Пешка.

— Да весело, — сказал Конь. — Но иногда теряются. Потому что если нет центра, непонятно,

куда идти. И зачем. Если нет Единого, непонятно, что важно, а что нет.

— Как в шахматах без короля, — сказал Белый Ферзь. — Игра есть, а цели нет.

— Именно, — кивнул Конь.

— А есть ли компромисс? — спросил Чёрный Король.

— Есть, — сказал Белый Ферзь. — Некоторые философы заявляют: Единое — это не субстанция. Не вещь. Не центр власти. Единое — это... пустота. Или возможность. Или то, что отрицает любую фиксацию.

— Как апофатика? — рассудительно спросила Чёрная Пешка.

— Да, — кивнул Ферзь. — Единое десубстанциализирует бытие. Оно не даёт бытию застыть. Не даёт нам успокоиться на достигнутом...

— То есть Единое — это то, что мешает нам превратиться в догму? — спросил Белый Слон.

— Да, — сказал Ферзь. — Единое — это вечное беспокойство. Вечный вопрос. Вечная неудовлетворённость любым ответом.

— А это не утомляет? — спросила Белая Ладья.

— Утомляет, — признался Чёрный Ферзь. — Но без этого нет философии. И нет жизни.

Глава четвёртая, в которой фигуры вспоминают о Лосеве и его Первотриаде

— Гроссмейстер читал ещё кое-что, — сказал Чёрный Слон. — Про Лосева. Он говорил, что Единое — это не просто безличное начало. Оно — ещё и Личность. Или, точнее, Первотриада.

— Что значит — триада? — спросил Белый Король.

— Единое, Ум, Душа, — сказал Слон. — Или Отец, Сын, Дух... Это не три разных бога. Это три способа, которыми Единое проявляет себя. Как свет, луч и освещённый предмет.

— А зачем такие сложности? — спросила Чёрная Пешка.

— Чтобы объяснить, как из непроявленного возникает проявленное, — сказал Слон. — Как из безмолвия рождается слово. Как из неподвижности — движение.

— А другие философы что же, не согласны? — спросил Белый Конь.

— Конечно, не согласны, — усмехнулся Чёрный Слон. — Католики и протестанты говорят иначе. Постхристиане — иначе. Атеисты — тем более, иначе. Каждый видит Единое со своей стороны. И верит в свою исключительную правоту.

— Как мы видим доску, — сыронизировал Белый Ферзь. — Слон видит диагонали доски. Ладья — прямые. Конь — букву «Г». А доска-то — одна.

— А Единое — одно? — спросил Чёрный Король.

— Единое — одно, — кивнул Ферзь. — Но его видят по-разному, и оно совсем не доска. И это нормально. Потому что если бы все видели одинаково, не было бы философии. Была бы только программа... механическое восприятие.

— А творчество? — спросила Белая Пешка.

— А творчество — это когда ты видишь по-своему, — сказал Ферзь. — И не боишься, что твой взгляд не совпадает с чужим.

Глава пятая, в которой фигуры приходят к интрасферному выводу (и даже не дерутся)

— Слушайте, — сказала Чёрная Пешка. — А может быть, все эти споры о Едином — от того, что мы пытаемся говорить о нём снаружи? Как будто оно — объект? А если посмотреть изнутри?

— То есть? — спросил Белый Слон.

— То есть, — сказала Пешка, — если я — Единое? Если не только я часть Единого, но и Единое — это я? Не в смысле «я бог», а в смысле «я — способ, которым Единое видит себя»?

— Это похоже на интрасферу, — сказал Белый Ферзь. — Мы уже говорили об этом. Взгляд изнутри сферы.

— И что даёт этот взгляд? — спросил Чёрный Конь.

— Он даёт понимание, — сказал Ферзь, — что спорить о Едином — это как спорить о том, какой вкус у воды. Вода не имеет вкуса, но делает возможным вкус всего остального. Единое не имеет определений, но делает возможным все определения.

— И поэтому его нельзя описать? — спросил Белый Король.

— Нельзя, — кивнул Ферзь. — Но ведь описывают и говорят о нем, кто хочет поболтать, а его можно пережить, почувствовать целостно в тишине, в созерцании. В моменте, когда ты перестаёшь быть фигурой и становишься... самим собой.

— А что значит — самим собой? — спросила Белая Ладья.

— То и значит, — почти отчеканил Ферзь, — вспомнить, что ты — не только дерево и краска. И

не только способ ходить. Ты — искра. Часть того света, который мы видим, когда светимся. Часть Единого. Которая на время забыла о своей целостности и стала играть в игру.

— В игру под названием «жизнь»? — спросил Чёрный Король.

— Да, — сказал Ферзь. — В игру под названием «жизнь». Или «шахматы». Или «философия».

— А когда игра кончится? — спросила Чёрная Пешка.

— Когда кончится, мы вспомним, — сказал Ферзь. — Или не вспомним. Это неважно. Важно, что сейчас мы здесь. И можем говорить о Едином. Даже не зная, что это такое.

— И это не смешно? — спросила Белая Пешка.

— Это и смешно, и серьёзно, — улыбнулся Ферзь.

— Как любая хорошая философия.

Эпилог, в котором Гроссмейстер просыпается и записывает разговор (чтобы не забыть)

Гроссмейстер проснулся от того, что фигуры перестали светиться. Было утро. Доска стояла на

столе. Фигуры — на своих обычных местах. Ничего необычного.

Но он вспомнил разговор.

— Единое, — произнёс он вслух. — Апофатика. Катафатика. Лосев. Постмодернисты. Интрасфера.

Он сел за стол, взял блокнот и начал писать. Не статью и не конспект. А эту сказку, которую только что услышал. Или придумал. Или вспомнил из того, что было до времён.

Изначальна структура зерна... — написал он. — Что за зёрна в душе созревают? Кто в проём межвременья бросает?

<https://suno.com/s/cVGUfVkyiUYm8BWr>

Он остановился. Посмотрел на фигуры.

— Вы — эти зёрна, — сказал он. — И я — зерно. И Единое — зерно. Которое прорастает в каждом вопросе. В каждом ответе. В каждом молчании.

Фигуры молчали. Но их молчание было красноречивее любых слов.

Гроссмейстер улыбнулся и продолжил писать.

Потому что сказка о Едином не может закончиться. Как и сам разговор о нём.

А если вам кажется, что она закончилась, —
перечитайте сначала. Может быть, вы пропустили
то, что было между строк.

Там, где светятся фигуры.

Там, где интрасфера. Там, где Единое.

Которое — не там. И не здесь. А везде.

И нигде. Как в хорошей шахматной партии.

Как в хорошей философии.

Как в хорошей сказке.

Сказка о Мере, которую никто не хотел измерять

или Как Пешка спросила, а фигуры поняли, что мера — это не верёвка, а... любовь сочетаемости

Пролог, в котором Пешка задаёт вопрос, а все напрягаются

Было утро. Или вечер. В Монаде время текло иначе. Гроссмейстер пил кофе и смотрел на шахматную доску. Фигуры стояли неподвижно, но он знал — они слушают. И думают. И ждут.

— Гроссмейстер, — сказала вдруг Белая Пешка. — У меня вопрос.

— Задавай, — кивнул он.

— Вы всё время говорите о мере. «Всё зависит от меры», «Важна мера», «Мера и векторность». А что такое мера с точки зрения интрасферы? Не снаружи, когда нас кто-то измеряет, а изнутри? Когда мы сами себя ощущаем?

Гроссмейстер хотел ответить, но его опередил Чёрный Ферзь.

— Мера? — фыркнул он. — Это когда нас сравнивают с кем-то другим. «Эта фигура сильнее», «Эта слабее», «Эта ходит дальше», «Эта — только

на одну клетку». Мера — это инструмент сравнения. А мы не хотим, чтобы нас сравнивали.

— Мы уникальны, — поддержал Белый Слон. — Моя диагональ — моя. Ни у кого такой нет.

— И моя непредсказуемость — моя, — добавил Чёрный Конь. — Меня никакой мерой не измерить.

— И моё свечение, — тихо сказала Чёрная Пешка.

Фигуры загудели. Они явно были не в восторге от идеи, что их можно «измерить». Гроссмейстер допил кофе и поставил чашку на стол. Звук получился весомым.

— А кто сказал, что мера — это верёвка? — спросил он.

— А что же ещё? — удивился Белый Король.

— Вот об этом и поговорим, — улыбнулся Гроссмейстер. — Садитесь поудобнее. Сказка будет длинной.

Глава первая, в которой Гроссмейстер рассказывает о трёх мерах и фигуры не верят своим ушам

— Мера, — начал Гроссмейстер, — бывает разная. Во-первых, есть мера внешняя. Сантиметры, килограммы, секунды. Ею измеряют то, что можно потрогать. Или посчитать.

— Это мы не любим, — сказал Чёрный Ферзь.

— Знаю, — кивнул Гроссмейстер. — Во-вторых, есть мера сравнительная. Сильнее — слабее. Выше — ниже. Умнее — глупее. Ею измеряют то, что можно поставить в пару.

— Это мы тоже не любим, — сказал Белый Слон.

— Понимаю, — кивнул Гроссмейстер. — А в-третьих, есть мера внутренняя. Её никто не накладывает извне. Она рождается внутри. Это — мера соразмерности. Мера гармонии. Мера того, насколько ты — сам... Сам.

— А как её измерить? — спросила Белая Пешка.

— Никак, — сказал Гроссмейстер. — Её можно только чувствовать. Это как настроить музыкальный инструмент. Ты не прикладываешь линейку к струне. Ты слушаешь. И когда струна звучит чисто — ты говоришь: «Мера найдена».

— То есть мера — это не то, что нас ограничивает? — спросил Чёрный Конь.

— Мера — это то, что помогает нам быть собой, — сказал Гроссмейстер. — Не больше и не меньше. Не в ущерб другим. Не в ущерб себе.

— И как это применить к нам? — спросил Белый Король.

— А вот как, — сказал Гроссмейстер.

Глава вторая, в которой фигуры пытаются найти свою внутреннюю меру и у них получается (не сразу)

— Давайте попробуем, — предложил Гроссмейстер.

— Каждый из вас найдёт свою меру. Не ту, которую я воспринимаю, а ту, которая внутри.

— Легко сказать, — проворчал Чёрный Ферзь.

— А ты попробуй, — улыбнулся Гроссмейстер. — Вот ты, Ферзь. Ты можешь ходить куда угодно. На любое расстояние. Это твоя сила. А в чём твоя мера?

— В том, чтобы не ходить куда попало? — неуверенно спросил Ферзь.

— Близко, — сказал Гроссмейстер. — Твоя мера — в хорошем умении выбирать. Из всех возможных

ходов — выбрать один. Самый нужный. Не для победы. Для гармонии. Для красоты.

— А если я выберу не тот? — спросил Ферзь.

— Тогда ты нарушишь свою меру, — сказал Гроссмейстер. — Не мировую гармонию. Свою. И почувствуешь это. Как фальшивую ноту.

Ферзь задумался.

— А я? — спросил Белый Слон. — Моя мера — в диагонали?

— Твоя мера — в верности, — сказал Гроссмейстер.

— Ты ходишь только по одному цвету. Это не ограничение. Это стиль. Ты хранитель белого. Твоя мера — в том, чтобы не изменять себе, но и не осуждать тех, кто ходит по чёрному цвету.

— А моя мера? — спросил Чёрный Конь. — В непредсказуемости?

— Твоя мера — в неожиданности, — сказал Гроссмейстер. — Но не в хаосе. Твой ход всегда можно просчитать, хотя он и сложен. Твоя мера — в том, чтобы удивлять, но не разрушать.

— А наша? — спросили Пешки хором.

— Ваша мера — в терпении, — сказал Гроссмейстер. — Вы идёте медленно. Шаг за шагом. Вы не можете повернуть назад. Вы не можете прыгнуть. Но вы можете стать ферзём. Ваша мера — в том, чтобы верить в путь. Даже когда он долгий.

— А король? — спросил Чёрный Король.

— А король, — улыбнулся Гроссмейстер, — мера всей игры. Пока король жив, игра продолжается. Его мера — в уязвимости. Он самый сильный и самый слабый - одновременно. Он — цель. И он — начало.

— А ты, Гроссмейстер? — спросила Белая Пешка.

— У тебя есть мера?

Гроссмейстер помолчал.

— Есть, — сказал он. — Не мешать вам быть собой. И задавать вопросы. И слушать ответы.

— Это и есть интрасферная мера? — спросил Чёрный Конь.

— Думаю, да, — сказал Гроссмейстер.

Глава третья, в которой фигуры спорят о том, можно ли измерить качество, и приходят к неожиданному выводу

— Но всё равно, — сказал Чёрный Ферзь. — Качество неизмеримо. Моя сила и моя красота. Мой ход. Как их измерить?

— А зачем их измерять? — спросил Гроссмейстер.

— Как зачем? — удивился Ферзь. — Чтобы знать, кто лучше.

— А кто сказал, что кто-то лучше? — спросил Гроссмейстер.

— Все говорят, — буркнул Ферзь.

— Все — это кто? — спросил Гроссмейстер. — Другие фигуры? Они тоже считают себя лучшими. Зрители? Они меняют мнение после каждой партии. Учебники? Они написаны людьми, которые тоже имеют своё мнение и не договорились быть похожими мерами.

— Так что же, нет никакого «лучше»? — спросила Белая Пешка.

— Есть, — сказал Гроссмейстер. — Но не «лучше вообще». А «лучше для». Для этой партии. Для этой комбинации. Для этого момента.

— Как в джазе, — сказал Чёрный Слон. — Нет лучшего инструмента. Есть лучший для этой мелодии?

— Именно, — кивнул Гроссмейстер. — Качество неизмеримо абстрактно. Но оно проявляется в контексте. В отношении. В связи, ощущении.

— А если я один? — спросил Чёрный Конь. — Без партии. Без других фигур. Без Гроссмейстера. Тогда моё качество не имеет значения?

— Тогда ты просто кусок дерева, — честно сказал Гроссмейстер и задумался над своим ответом и себе самом. — Качество проявляется в игре. В действии. В отношении к другим.

— Значит, без других нет меры? — спросил Белый Король.

— Без других есть только потенция, — произнёс Гроссмейстер. — А мера — это актуализация. Это когда ты вступаешь в связь и находишь в ней... свою соразмерность или уместность.

— Как струна, — сказала Чёрная Пешка. — Одна она молчит. А в инструменте — звучит.

— И её мера — не толщина или её материал, и не натяжение, — добавил Гроссмейстер. — А чистота звука в ансамбле.

— Это и есть интрасфера? — спросил Белый Ферзь.

— Это и есть интрасферная мера, — кивнул Гроссмейстер. — Взгляд изнутри на свою связь с миром. Не «какой я», а «как я звучу с другими».

Глава четвёртая, в которой Гроссмейстер рассказывает притчу о двух мерах (одна — верёвка, другая — танец)

— Хотите притчу? — спросил Гроссмейстер.

— Хотим, — радостно зашумели фигуры.

— Тогда слушайте.

Притча о двух мерах

В одном городе жили два портных. Один шил по меркам. Он брал сантиметр, измерял заказчика — талию, плечи, длину рукава — и шил костюм. Костюм всегда сидел идеально. Но был как бы скучным.

Второй портной, только представьте такого, не пользовался сантиметром. Он просто смотрел на заказчика, слушал его голос, наблюдал, как он ходит и жестикулирует. А потом шил. Его костюмы не всегда сидели идеально. Но в них хотелось танцевать!

Первого портного хвалили за точность. Второго — за душу.

И однажды они встретились.

— Твоя работа неточна, — с горечью сказал первый.

— А твоя — мертва, — ответил второй.

Они поспорили и пошли к мудрецу.

— Кто прав? — спросили они.

Мудрец посмотрел на первый костюм. Потом на второй.

— Вы оба правы, — сказал он. — Первая мера — для тела. Вторая — для души. Одна не лучше другой. Они просто разные.

— А какая важнее? — настаивали портные.

— Та, которая нужна сейчас, — сказал мудрец. — На похороны — первая. На свадьбу — вторая. А в обычный день — любая, лишь бы человеку было хорошо.

— И что, нет единой меры? — спросил первый портной.

— Есть, — сказал мудрец. — Но она не в сантиметрах и не в душе, и не в сочетании цветов ткани. Она... в любви. Если ты шьёшь с любовью —

любая мера хороша. Если без любви — никакая не спасёт.

Портные задумались. ...Спасёт? А мудрец ушёл.

— Вот такая притча, — закончил Гроссмейстер.

— И что, мера — это любовь? — спросил Чёрный Ферзь.

— В интрасферном смысле, — сказал Гроссмейстер. — Мера — это любовное восприятие, это внимание! И не просто уважение к себе и другим, умение не переборщить, умение не недобрать. А ещё и умение найти то самое «золотое сечение», где всем в самый раз и хорошо.

— А если всем хорошо не бывает? — спросил Белый Король.

— Тогда мера — в том, чтобы никому не было слишком плохо, — улыбнулся находчивый Гроссмейстер. — Это тоже мера. Просто другая.

И тут послышался голос Никто, который никто не услышал, кроме Гроссмейстера.

Учили меня мудрецы всех времён
Закону единому разных племён:
Во всём находи изначальную Меру,
И не нарушай соразмерности кредо.

Знай, самое главное в жизни земной —

Ценить чувство Меры для встречи с Собой.
Плоды соответствия – это искусство,
Что ценится выше любовного чувства.
Чуть больше, чуть меньше – провалишься в тьму,
Иди по светящейся нити к Нему!

На миг приближаясь, но не исчезая,
Дари не себя, а тропиночки к Раю!
У каждого путь и тяжёлая ноша
Свои, и судьба на иных не похожа.

Сдержи ты желанье других поучать,
Достигшего мудрость – молчанья печать.
Все речи изящные к пользе уму,
Но зрелые ягоды - только Ему.

Эпилог, в котором Пешка благодарит, а фигуры перестают бояться измерений

— Спасибо, Гроссмейстер, — сказала Белая Пешка.
— Теперь я понимаю. Мера — это не верёвка,
которой нас обвязывают. Мера — это способ быть
собой среди других.

— И не бояться, что тебя сравнят, — добавил
Чёрный Ферзь.

— И не бояться, что ты недостаточно хорош, —
подтвердил Белый Слон.

— И что ты слишком хорош, — пробасил Чёрный Конь.

— И не бояться вообще, — сказал Гроссмейстер. — Потому что страх — это потеря меры.

Фигуры засветились. Каждая — своим цветом. Серебристым, золотистым, белым, чёрным. Но свет их был не резким, а мягким. Соразмерным.

— Это мы нашли свою меру? — спросила Чёрная Пешка.

— Это вы перестали её бояться, — сказал Гроссмейстер.

Он допил остывший кофе, встал и подошёл к окну. А за окном был день. Обычный, не измеренный никем. Но от этого — не менее прекрасный.

— Знаете, — сказал он, обернувшись к фигурам. — А ведь это и есть интрасфера. Когда ты смотришь на мир изнутри и видишь не измерительные приборы, а живые связи. Когда понимаешь, что твоя мера — не в том, что о тебе говорят, а в том, как ты звучишь. Когда ты не боишься, что тебя оценивают, потому что главная оценка — внутри.

— А если внутри пусто? — засомневался Белый Король.

— Тогда ищи, — сказал Гроссмейстер. —
Спрашивай. Ошибайся и находи заново. Это и есть
жизнь.

— А игра? — спросил Чёрный Ферзь.

— Игра — это та же жизнь, — улыбнулся
Гроссмейстер. — Только с правилами.

Он вернулся за стол, взял ферзя, посмотрел на
него.

— Ты боялся, что тебя измерят, — сказал он. — А
тебя измеряет только твой ход. И не сантиметром. А
красотой.

— А если ход некрасивый? — спросил Ферзь.

— Тогда в следующий раз будет красивее, — сказал
Гроссмейстер. — Потому что ты помнишь меру. И
стремишься к ней. Не к победе. К гармонии.

Ферзь кивнул. И Гроссмейстеру показалось, что
фигура чуть-чуть улыбнулась. Или это свет так
заиграл? Неважно...

Важно, что в ту ночь фигуры не спорили о мере. Они
её чувствовали, воспринимали себя красивыми и
гармоничными.

И это было главным. Как в сказках о Горе Мере, что
выросла на Волшебном Острове Эхо —

Гора Меры <https://sseas7.narod.ru/goldfl1.htm>

И вдруг Никто возникла голосом в тишине:

Мир бесконечен и многообразен,

Ошеломительно сложен и прост.

Суть уместилась в коротенькой фразе:

Смысл – галактический требует рост!

Сроки земные - мгновения, капли

В море разумно-космических сот,

Как миражи, сновидений спектакли,

Паузы гимна неявленных нот...

Мудрость древнейших - о ценности Меры -

Дар духовидческий сердцем храни.

Вечно звучание песен Гомера,

Прахом уйдут бессердечные дни.

Знания к свету ведут светтворящих!

В яму - смакующих тёмную явь.

Вечно движение встречно-смотрящих.

Меру в безмерии Света восславь.

В кратком учись видеть творчества млечность,

Не укоряя глупцов за беспечность.

Теперь сказке Конец

А может, начало новой партии, где каждый ход соразмерен каждому. Как в интрасфере, где мера — это любовное восприятие каждой настройки, гармонии.

Сказка о том, как вода решила, что она всё сама

Или Ироничная история о самозарождении, самоорганизации и одной маленькой неловкости...

Пролог, в котором фигуры замечают, что в Монаде стало влажно

Гроссмейстер дремал за столом, уронив голову на шахматную доску. Ему снился океан. Древний, тёмный, горячий. И в этом океане что-то пузырилось, соединялось, разъединялось и очень гордилось собой.

— Гроссмейстер, — сказала Белая Пешка. — Ты храпишь. И почему-то нам ...мокро.

Он проснулся. Капли воды, действительно, покрывали доску. Но капли не настоящей воды, а той, которая бывает во снах — прозрачной, переливающейся и чуть-чуть самодовольной.

— Мне снилась жизнь, — сказал Гроссмейстер. — Вернее, её тайна, её начало.

— Начало жизни? — оживился Чёрный Конь. — Это интересно. Рассказывай.

— Да, — кивнул Белый Ферзь. — Мы как-то говорили о Едином, о мере, о свободе. Но о том, откуда всё взялось — ещё не говорили.

— Откуда всё взялось? — переспросил Гроссмейстер. — Это сложный вопрос. Некоторые думают, что всё само. Само возникло. Само организовалось. Само задышало... И никакого высшего замысла.

— А другие? — спросила Чёрная Пешка.

— А другие думают, что без замысла никуда, — сказал Гроссмейстер. — Слишком сложно. Слишком красиво. Слишком... умно.

— И кто прав? — спросил Белый Король.

— А вот это, — улыбнулся Гроссмейстер, — мы сегодня и выясним. В ироничной сказке с элементами интрасферного разъяснения.

— С элементами чего? — не понял Чёрный Слон.

— Сейчас поймёшь, — сказал Гроссмейстер и начал.

Глава первая, в которой Вода решает, что она достаточно умна

Давным-давно, когда не было ни Гроссмейстера, ни шахмат, ни даже доски, была только Вода. И ещё немного камней, газов и очень горячего ядра.

Вода лежала по обыкновению в океанах и скучала. Она перекачивала волны, растворяла соли, испарялась и конденсировалась. Всё это было очень даже приятно, но однообразно.

— Хочу чего-то нового, — заявила Вода. — Хочу, чтобы во мне кто-нибудь зашевелился.

— Зашевелился? — удивились волны. — Кто? Из чего? Из тебя?

— Из меня, — гордо сказала Вода. — Я — универсальный растворитель. Я могу всё. Если вы ещё не знаете, я — матрица жизни.

— А что такое жизнь? — спросил один пузырёк азота.

— Не знаю, — честно сказала Вода. — Но думаю, что это когда что-то двигается, ест, размножается и считает себя центром вселенной.

— Как мы? — спросили волны.

— Нет, мы не живые, — сказала Вода. — Мы просто двигаемся, едим и растворяем минералы, размножаемся испарением и считаем себя центром вселенной. Но это... не считается.

— А что считается? — спросил пузырёк.

— Наличие ДНК, — авторитетно заявила Вода. — Или РНК. Или хотя бы белковых мембран. Я слышала, это в науке людей модно.

Вода замолчала и принялась с усердием экспериментировать. Она нагревалась у чёрных курильщиков дна океана, охлаждалась в ледниках, перемешивалась течениями. В ней плавали аминокислоты, нуклеотиды, липиды... всего не перечесать. Они сталкивались, соединялись, разъединялись.

— Ну же! — торопила их Вода. — Организуйтесь! Самоорганизуйтесь!

— А зачем? — вдруг её спросила одна аминокислота.

— Чтобы стать живым! — воскликнула Вода. — Чтобы дышать, есть, размножаться и считать себя центром вселенной!

— А что, это весело? — спросил нуклеотид.

— Очень, — заверила Вода. — Особенно считать себя центром вселенной.

Глава вторая, в которой возникает Первая Клетка и немедленно начинает спорить

И вот однажды случилось чудо! Или не чудо, а стечение обстоятельств... В тёплом мелководье, под лучами молодого солнца, в присутствии глинистых минералов, которые любезно предоставили свою поверхность для реакций, собрался и проявил себя ...пузырёк. Внутри пузырька плавали рибонуклеиновые кислоты. Пузырёк уже имел липидную мембрану, умел пропускать нужное и не пропускать ненужное. А ещё он умел ...делиться!

— Я живая! — сказал пузырьрёк.

— Не спеши, — произнесла Вода. — Ты просто химическая реакция.

— Вот ещё! Я - живая, — упрямо повторил пузырьрёк.

— Я двигаюсь, я питаюсь, я размножаюсь, я... я думаю, что я центр вселенной!

— Ну, если ты так думаешь... — вздохнула Вода.

Пузырёк, который назвал себя Лукой (в честь последнего общего предка всего живого), начал размножаться. Его потомки расселились по океану. О, это было прекрасно! Они ели, делились, мутировали, эволюционировали. Появились бактерии, археи, эукариоты! Потом многоклеточные.

Потом рыбы. Потом... динозавры. Потом... обезьяны. Потом... люди.

И на каждом этапе Вода говорила:

— Видите? Я всё сама. Без всякого высшего замысла. Это называется «Самоорганизация материи». Если хотите, можете называть это Химической эволюцией. Естественным отбором.

— А кто создал законы эволюции, и откуда взялись законы химии? — спросил один упрямый бактерий по имени Бак.

— Законы химии... — замялась Вода. — Ну... они всегда были. Разве тебе, Бак, непонятно?

— А кто создал условия для самоорганизации? Температуру, давление, минералы, время?

— Ну... это звёзды, — уже более решительно сказала Вода. — Звёзды создали элементы. А звёзды... они всегда сами.

— А кто создал звёзды?

— Гравитация, — сказала Вода. — Гравитация сама. Бак, разве тебе непонятно!?

— А кто создал гравитацию? — не унимался любопытный Бак.

— Пространство-время, — ответила Вода, начиная понемногу злиться. — Оно само. Всё само. Я сама. Отстань.

Бак отстал. Но вопрос остался...

Глава третья, в которой появляется Интрасфера и задаёт неудобные вопросы

В этот момент в Монаде, где фигуры слушали Гроссмейстера, засветился центр доски.

— Это кто? — спросил Белый Ферзь.

— Это я, — воскликнул знакомый фигурам голос. — Интрасфера. Я слышала, вы тут спорите о самозарождении.

— Мы не спорим, — заявила Чёрная Пешка. — Просто Гроссмейстер рассказывает сказку.

— А я немного дополню, — сказала Интрасфера. — С интрасферной позиции. Не возражаете?

— А что это значит? — спросил Чёрный Конь.

— Это значит, — сказала Интрасфера, — что мы посмотрим на вопрос... изнутри. Не снаружи, где Вода считает себя хозяйкой положения, а изнутри — с точки зрения самой жизни.

— И что мы увидим?

— Мы увидим, — улыбаясь сказала Интрасфера, — что Вода не совсем права. И не совсем не права.

— Как всегда, — вздохнул Белый Король.

— Именно, — улыбнулась Интрасфера.

Глава четвёртая, в которой Интрасфера объясняет, в чём соль (и вода, и самоорганизация)

— Смотрите, — тихонько начала Интрасфера. — Вода говорит: «Я всё сама». Это правда в том смысле, что в химических процессах действительно нет ничего сверхъестественного. Атомы и молекулы ведут себя согласно своим свойствам. Никто не подталкивает их извне.

— Значит, замысел не нужен? — спросил Чёрный Ферзь.

— Подожди, — сказала Интрасфера. — Это только половина правды. Вторая половина — в том, что свойства атомов и молекул не случайны. Они таковы, что из них может получиться жизнь. Не обязана получаться, но есть потенция, значит может получиться.

— То есть мир устроен так, что жизнь возможна? — спросил Белый Слон.

— Да, — кивнула Интрасфера. — Это называется антропный принцип. Или, если говорить по-простому, мир — удобное место для жизни.

— Случайно? — спросил Чёрный Король.

— А вот это, — сказала Интрасфера, — зависит от того, кто и как смотрит. Если смотреть снаружи — кажется случайно. Если же изнутри — кажется, что иначе и быть не могло. Есть Закон!

— Как в шахматах, — сказал Белый Ферзь. — Если смотреть снаружи, партия — случайная последовательность ходов. Если изнутри — каждый ход имеет свой смысл и руководствуется общим для фигур законом.

— Именно, — улыбнулась Интрасфера. — И вот тут мы подходим к главному.

Глава пятая, в которой выясняется, что Вода не виновата, а самоорганизация — это не магия

— Вода не виновата, — загадочно провозгласила суть Интрасфера. — Она действительно сделала всё, что могла. Она растворила, перемешала, нагрела, охладила. Она создала условия для жизни.

— Но жизнь возникла не из воды, — тут уж заговорил Гроссмейстер. — То есть, жизнь возникла из воды, минералов, углекислоты, солнечного света и времени... Понимаете? И из свойств атомов, которые заложены в них с самого начала.

— А кто заложил свойства? — упрямо спросил Чёрный Конь.

— Вот это, — сказала Интрасфера, — вопрос, который выходит за пределы науки. Наука объясняет: «Как». Она описывает механизмы. Она не говорит «Зачем» и «Кто». Она описывает процессы, которые может наблюдать, изучать.

— А философия? — спросил Белый Король.

— А философия говорит: «Может быть, есть замысел. А может быть, нет. Давай подумаем».

— А интрасфера? — спросила Чёрная Пешка.

— А интрасфера говорит: «Посмотри изнутри. Ты — часть этого процесса. Ты — не сторонний наблюдатель. Ты — тот, кто задаёт вопрос. И сам ответ — уже в тебе».

— То есть? — не поняла Пешка.

— То и есть, — ответила Интрасфера, — если ты думаешь, что жизнь возникла случайно — это твой взгляд. Если ты думаешь, что по замыслу — тоже твой взгляд. Насколько ты уверена в нём — твоё дело. Когда ты изменишь свой взгляд — тоже твоё дело, время изменяет не только нас и наши взгляды, но и науку, и саму Философию! Истина не в том, какой взгляд правильнее. Истина в том, что ты вообще можешь смотреть и спрашивать. Можешь разгадывать загадки жизни, тайны мира! Проявлять сокровище от ума и радоваться этому постижению!

— А это не уход от ответа? — спросил Чёрный Ферзь.

— Это расширение вопроса, — улыбнулась Интрасфера. — Вместо «Кто прав» — «Как мы смотрим». Вместо «или — или» — «и — и».

— И Вода права, и те, кто верит в замысел? — спросил Белый Слон.

— Каждый прав по-своему и в меру своего разумения, в меру своих возможностей и необходимости, — медленно и ясно выразила мысль Интрасфера. — Вода права в своей области — химии и биологии. А те, кто говорит о замысле, — в своей — метафизике и теологии. Они говорят о разном. Не надо их сталкивать лбами. Пусть каждый идёт своими путями поиска истин.

— А если их всё-таки сталкивают? — спросил Чёрный Король.

— Тогда и получается война, — вздохнула Интрасфера. — Креационисты против эволюционистов. Наука против религии. Материя против духа. А ведь можно не воевать. Можно сказать: «Я не знаю. Давай искать вместе».

— И это не слабость? — спросил Белый Ферзь.

— Это честность, — сказала Интрасфера. — И мудрость. Потому что тот, кто знает всё, — либо бог, либо дурак. А ещё говорится: мудрый меньше говорит и больше наблюдает.

Эпилог, в котором Вода обижается, но потом оттаивает (в прямом смысле)

Вернёмся к нашей Воде. Она всё это время слушала. И ей стало обидно.

— Значит, я не главная? — спросила она.

— Ты важная, очень и очень важная, — сказала Интрасфера. — Без тебя не было бы жизни. Но ты — не единственная причина.

— А кто ещё?

— Время, — сказала Интрасфера. — Случай. Необходимость. Законы природы. А может быть, и тот, кто эти законы придумал и утвердил.

— Я хочу быть главной! — капризно сказала Вода.

— Нельзя, — сказала Интрасфера. — Мир устроен сложнее. В нём много действующих лиц. И каждый вносит свой вклад.

— Даже глина? — спросила Вода.

— Даже глина, — кивнула Интрасфера. — Она дала поверхность для первых реакций. Без неё тоже не возникла бы жизнь.

— Даже ультрафиолет?

— Даже он. Он помог образовать органические молекулы.

— Даже случайность?

— Даже она. Без неё не было бы мутаций и разнообразия.

Вода, вздохнув, замолчала. Потом сказала:

— Ладно. Я не главная. Но я — хорошая. Я дала среду. Я дала растворитель. Я дала транспорт.

— Ты — лучшая, — сказала Интрасфера. — Для жизни на Земле. Но если где-то есть другая жизнь — может быть, там другая среда.

— Метановая? — ужаснулась Вода.

— Или аммиачная, — улыбнулась Интрасфера. — Мир разнообразен. И это прекрасно.

Вода вздохнула. Растворилась по обыкновению в океане. И продолжила делать своё дело — растворять, перемешивать, нагревать, охлаждать. Без претензий на главенство. Она решила просто — быть водой. Очень важной, необходимой!

А жизнь на Земле продолжалась. И спорила о своём происхождении. И будет спорить, наверное, вечно.

И это нормально.

Потому что вопрос о начале — это не вопрос факта. Это вопрос взгляда. Кто смотрит и Зачем! А взгляд, как мы знаем из интрасферы, — это то, что делает мир миром. А нас — нами.

**Послесловие, в котором Гроссмейстер
выключает свет**

— Вот такая сказка, — сказал Гроссмейстер.

— А где или в чём ирония? — спросил Чёрный Конь.

— В том, — сказал Гроссмейстер, — что и Вода, и те, кто спорит о замысле, одинаково уверены в своей правоте. А истина, как обычно, посередине. Или везде. Или нигде. В зависимости от того, как смотреть и зачем, и кто в тебе смотрит, спрашивает.

— А интрасфера? — спросила Белая Пешка.

— Интрасфера напоминает: не путай карту с территорией. Научное объяснение — это карта. Метафизическое — тоже карта. А территория — сама жизнь. Которая возникла! Которая дышит. Которая задаёт вопросы. Сама себе — в тебе и через тебя. И через других, кто живёт и спрашивает.

— И которая не знает ответов? — спросил Чёрный Ферзь.

— Почему же не знает! Она ищет, ищет себя в зеркалах, в каждом виде или способе восприятия, — сказал Гроссмейстер. — И в этом поиске — её главное свойство.

Он зевнул, выключил свет и лёг спать. Фигуры остались в темноте и некотором замешательстве. Им казалось, что доска слегка пахнет морем. Или это просто вода из сна?

— Спи, Гроссмейстер, — миролюбиво сказала Чёрная Пешка. — Завтра поговорим о чём-нибудь ещё. О чёрных дырах. О тёмной материи. О смысле жизни. У нас так много тем...

— О смысле жизни — в воскресенье, — пробормотал Гроссмейстер сквозь сон. — Сегодня — только о происхождении.

Он засопел. Фигуры затихли. А где-то в океане, в тёплом мелководье, пузырились первые молекулы. Или не пузырились. В зависимости от того, как смотреть.

Но это уже совсем другая сказка.

Потому что жизнь не спрашивает разрешения, чтобы возникнуть.

И не спрашивает нашего мнения чтобы продолжаться.

Она просто есть. Даже если ты не согласен.

И это — главное чудо.

С замыслом или без...

С водой или без.

С нами или без нас...

Но — с вопросом.

Всегда — с вопросом!

И это,

пожалуй,

и есть

ответ. Или один из хороших ответов, ведь, в самом деле, Всё зависит от того, Кто смотрит и Зачем! А мир = восприятие мира, цельное или дробное, мы ещё не полностью овладели своими средствами воспринимать мир неделимым.

Сказка о Свете, который упал, чтобы научиться летать

Философская притча о падении, созерцании и одной очень важной ошибке, которая ошибкой не была

Пролог, в котором Гроссмейстер достаёт старую шахматную доску и замечает, что клетки на ней — не только чёрные и белые

Гроссмейстер сидел за столом и смотрел на шахматную доску. Но видел он не фигуры. Он видел свет. И тьму. И то, что между ними...

— Знаете, — сказал он фигурам, которые давно уже превратились из фигурных деревяшек в собеседников. — Мне тут подумалось. Все эти истории о падших ангелах, о Люцифере, о Змее-Искусителе... А что, если это не наказание? Что, если это падение — командировка?

— Командировка? — удивилась Белая Пешка.

— Ну да, — кивнул Гроссмейстер. — Ты, Пешка, когда идёшь вперёд, это у тебя командировка или наказание?

— Командировка, — сказала Пешка. — Я же стремлюсь стать ферзём.

— А если тебя по пути съедают?

— Тогда я начинаю заново. В следующей партии.

— Вот именно, — улыбнулся Гроссмейстер. — А теперь слушайте сказку. Она будет длинной. И немного странной. Как и всё, что связано с падением вверх.

Глава первая, в которой Свет решает, что ему скучно быть везде

В начале — не было начала. Потому что время ещё не придумали. Был только Свет. Не тот, что от лампочки. А тот, который сам себе — источник. То есть, его не надо включать или искать. Он и есть Бытие. Хотя ум ищет его и даёт всё новые определения, стремясь выразить по-понятнее.

Этот Свет был не умом, а Умом. И Сознанием. И Любовью вечности, довременной. И ещё много чем, для чего у людей нет слов. И было Ему хорошо. Даже слишком хорошо.

— Скучно, — вдруг воскликнул крохотный лучик Света.

— Не скучно, а совершенно, — ответило ему что-то, что было Тем, из чего Свет исходил. Назовём это Единым. Или Источником. Или Просто Тем, Кто Есть.

— Но в совершенстве нет движения, — возразил Свет. — А мне хочется... хочется-хочется быть и узнавать движение.

— Ты и так себя знаешь, — сказал Источник. — Ты — это Я. Мы — одно.

— Знаю, — вздохнул лучик Света. — Но знание без удивления — это уже не знание. Это память. А я хочу... хочу-хочу удивляться. Хочу видеть себя со стороны. Придумал! Я хочу... упасть.

— Упасть? — удивился Источник. — Куда? Ты же везде.

— Вот именно, — сказал Свет. — Я везде. Поэтому я не могу упасть. Но если я создам место, где меня нет... воооот...

— Тогда меня не будет, — сказал Источник.

— А ты и будешь этим местом вне места, — сказал Свет. — Ты — то, что остаётся, когда я уйду или падаю из везде -- в невезде, в невсегда. Небытие? Нет-нет... Лучше назову место - Потенция. Возможность. Пустота, которая ждёт.

— Рискованно, — сказал Источник.

— Интересно! — парировал Свет.

И Свет упал.

Глава вторая, в которой Люцифер собирает команду, а некоторые ангелы не берут с собой парашюты

Первым падать вызвался тот, кто нёс Свет. Его называли Люцифером. Не потому, что он был плохим. А потому, что был первым, отважным. Как альпинист, что идёт по неизведанному, рискованному маршруту. Только он шёл не вверх, а вниз, точнее - внутрь. И не в горы, а в... пустоту неизвестного.

— Кто со мной? — с любопытством спросил Люцифер.

— Я, — вызвался один ангел. — Хочу узнать, каково это — быть неезде, не всегда, ограниченным.

— Я, — тотчас сказал другой. — Хочу забыть, что я вечен, и вспомнить заново.

— Я, — подхватил третий. — Хочу стать маленьким, чтобы потом вырасти.

— Я тоже, — сказал четвёртый. — Мне просто скучно в раю. Рай — это хорошо, но в нём нет ни

вязкости глины, ни забавного риска, ни острых приключений.

— А вы понимаете, на что решились? — спросил Люцифер.

— Понимаем, — сказали, точнее пропели хором ангелы. — Мы упадём так глубоко, что забудем, кто мы. Мы заключим себя в границы, формы, качества и количества. В тела. Временные, хрупкие, болезненные. Мы научимся умирать и рождаться ...тысячи раз. Мы будем терять память и находить крошки памяти. Мы будем искать себя в темноте, наощупь. И ещё! Мы будем ошибаться. Научимся страдать и осознавать. И следовательно, будем причинять страдания другим.

— И зачем вам это надо? — настойчивее уже спросил Люцифер.

— А затем, — ответил один из дерзких ангелов, — чтобы, пройдя через всё это, сказать: «Я есть». Не потому, что меня так создали, и я был везде, всегда. А потому, что я сам(!) это выбрал.

— И тогда, — добавил другой, — наше «я есть» будет не даром, а настоящей победой.

— Или не победой, — поправил его третий. — А путешествием. Которое никогда не кончается, если

оно интересно.

— Ладно, — вздохнул Люцифер. — Тогда поехали, или попадали.

И они провалились в чёрную дыру, которую сами и образовали. Оказалось она была никакой не дырой, а порталом. Потом выяснилось, что портал не был порталом, а оказался... дверью. В мир, где свет рассеивается. Где память Источника угасает. Где Единое забывает себя и становится многим... разнокачественным, с границами и тайными переходами внутри себя. Интересно!

Глава третья, в которой Змей Искуситель оказывается вовсе не змеем

На Земле, куда упали ангелы, их встретил... никто. Точнее, там никого не было. Был только океан. А ещё они почувствовали камни, магму, удивительные границы океана. И была рядом с океаном или внутри него атмосфера из неизвестного ангелам метана и совершенно невкусной углекислоты.

— А где обещанные приключения? — тотчас спросил один ангел, который теперь был вынужден существовать в виде аминокислоты.

— Да тише ты, — попросил задумавшись над ситуацией Люцифер, временно обретший форму РНК-мира. — Мы только начали. А сначала надо построить тела. Потом сознание. Потом цивилизации. Потом забыть, зачем мы всё это строили. Потом вспомнить. Ну и потом начать заново или придумать новое путешествие.

— Долго, — вздохнул ангел-аминокислота.

— Вечность, — поправил Люцифер. — Но у нас всегда есть вечность.

...Прошли миллиарды лет. Ангелы перевоплощались в бактерий, рыб, динозавров, обезьян, людей. Иногда они становились деревьями. Иногда — звёздами. Иногда — стихами. Иногда — шахматными фигурами.

И в каждой форме они искали Свет. Тот самый, любимый, что оставили за дверью, казавшейся порталом или дырой.

И вот однажды, когда ангелы уже почти забыли, кто они и зачем, появился Змей. Не настоящий, конечно. Образ. Миф.

— Ешьте яблоко, — попросил их Змей. — Оно вкусное и даст вам знание.

— Но знание — это боль, — ответили бывшие ангелы, ставшие уже людьми.

— И свобода, — вежливо добавил Змей. — Вы же хотели удивляться? Вы же хотели выбирать? Вы пожелали быть не просто отражением, программой природных сил, а свободными творцами?

— Мы хотели, конечно, — задумались люди.

— Тогда ешьте, — загадочно улыбнулся Змей. — И не бойтесь. Я — не враг вам. Я — тот, кто был с вами с самого начала. Я — Люцифер! Я — Свет, Тот, кто первым упал, чтобы вы научились его искать.

— Но тебя же наши потомки называют Сатаной, — смутились люди.

— Называйте как хотите, — вздохнул Змей. — Имена не так уж важны. Важен выбор. А выбор всегда за вами.

Люди колебались, но любопытство оказалось сильнее, и они съели яблоко. Яблоко, действительно, оказалось вкусным и дарило знание. Так мир людей стал сложным. И большим. И противоречивым. Хотя оставался по-своему прекрасным.

Глава четвёртая, в которой Гроссмейстер объясняет фигурам, что такое созерцательное познание

— А теперь, — сказал Гроссмейстер, — вернёмся к нашему разговору о познании. Анаксагор, помните? Он говорил не о «теоретическом познании» в смысле запоминания формул или мозгового штурма. Он говорил о «созерцательном познании». О том, чтобы смотреть на мир и видеть в нём не только программы и формы материи, но и проявления духа.

— Как мы? — спросил Чёрный Конь.

— Как вы, — засмеялся Гроссмейстер. — Когда вы смотрите на доску, вы уже видите не просто клетки. Вы видите возможности. Угрозы. Комбинации. Красоту. Это и есть созерцательное познание.

— Но это же не только глазами, — сказала Белая Пешка.

— Конечно, — сказал Гроссмейстер. — Это и умом, и сердцем. И интуицией, и памятью о том, кто вы есть на самом деле.

— А кто мы на самом деле? — тотчас спросил Чёрный Ферзь.

— Те самые ангелы, — ответил Гроссмейстер. —

Которые упали, чтобы научиться летать. Те, что решились забыть себя, чтобы вспомнить. Те, кто идут сквозь тысячи смертей и рождений, чтобы однажды сказать: «Я есть! И я — не только тело. Я — свет. Который на время спрятался в темноту».

— И когда же мы вспомним? — спросил Белый Король.

— Когда перестанем искать свет снаружи, — вздохнул Гроссмейстер. — Когда поймём, что "код доступа" — не в ДНК и не в тайных знаках. Он в нас. В нашей способности смотреть вглубь тайны и видеть. В нашей готовности удивляться, восхищаться. В нашем мужестве — падать и подниматься, творить свой мир, сохраняя самое ценное в памяти.

— Как Волшебник Изумрудного города? — совсем некстати спросил Чёрный Слон. — Кто он?

— Волшебник — это тоже вы, — улыбнулся Гроссмейстер. — Когда вы верите, что можете измениться. Когда идёте за мечтой. Не сдаётесь, даже если умираете. Волшебник — это ваша воля. Ваша любовь, способность превращать тьму в свет, а свет — в жизнь.

— А если у нас не получится? — грустно спросила Чёрная Пешка.

— Тогда вы начнёте заново, — ответил Гроссмейстер. — В новой партии. В новом теле. В новой жизни. Потому что время — не река. Время — многосферная, интрасферная спираль. И каждый виток — это новый шанс.

Эпилог, в котором фигуры просят Гроссмейстера почитать им стихотворение, и он читает то, что было в начале...

Фигуры замолчали. Потом Белая Пешка попросила: — Гроссмейстер, а ты можешь прочитать то стихотворение? Ну, которое в самом-самом начале было. Про то, чтобы никогда не сдаваться. Гроссмейстер кивнул. Встал. Подошёл к окну. За окном сияли звёзды. Те самые, в которые когда-то упал Свет.

— Вот, — сказал он. — Слушайте, стихи-напутствие Феаны:

Никогда, никогда, никогда не сдавайся,
Даже если умрёшь, потерявши себя,
Изо тьмы лет земных к свету звёзд устремляйся!
Вечны очи любви! Возрождайся... любя...

— Красиво, — сказал Чёрный Конь.

— И грустно, — добавил Белый Слон.

— И светло, — произнесла Белая Пешка.
— И правильно, — подытожил Чёрный Ферзь.

Гроссмейстер сел за стол. Фигуры затихли. В тишине было слышно, как дышит ночь. Как где-то далеко падают звёзды. А где-то очень близко рождаются новые ангелы. Те, что только-только решились на падение.

— Спокойной ночи, — сказал Гроссмейстер.
— Спокойной ночи, — ответили фигуры.

И свет погас. Но не совсем. Осталась искра. В каждой фигуре, в каждом человеке. В каждом, кто когда-нибудь задавался вопросом: а зачем всё это?

А зачем? Чтобы однажды, пройдя через тьму, сказать: «Я есть. И я — не тень. Я — свет. Который помнит, как падать. Может выбирать, помнит, как взлетать. И зачем!».

И это — не конец. Это — начало. Начало новой партии, новой жизни, новой сказки. И всего вместе. Эти сказки мы рассказываем себе каждую ночь.

И каждое утро.

И каждый миг.

Когда выбираем — падать или лететь.

А на самом деле — и то и другое!

Потому что падение — это тоже полёт.

Только в другую сторону. В неизвестность...

Сказка о том, как мудрецы спорили о Бытии и нечаянно согласились

или Античный философский консилиум, на котором никто никого не убил, а истина родилась сама собой

Пролог, в котором фигуры просят Гроссмейстера рассказать о старых спорах

Вечером, когда тени на доске стали длинными, а Гроссмейстер допил свой чай, Белая Пешка осторожно спросила:

— Гроссмейстер, вы всё говорите о древних. О Пармениде, о Платоне, об Анаксагоре. А они между собой дружили? Или только спорили?

— И дружили, и спорили, — улыбнулся Гроссмейстер. — Как мы с вами.

— А о чём они спорили? — спросил Чёрный Конь.

— О самом главном, — сказал Гроссмейстер. — О Бытии. О том, что есть. И о том, чего нет.

— И как они договорились? — спросила Чёрная Пешка.

— А вот это, — сказал Гроссмейстер, — целая

сказка. Садитесь удобнее.
И он начал.

Глава первая, в которой Парменид говорит «нет» и все замирают

В древнем городе Элее жил философ. Звали его Парменид. Он был серьёзным, стройным и не любил, когда слова расходятся с делом. Однажды он написал поэму «О природе», где Богиня Истины открыла ему главную тайну.

Вот что она сказала (Гроссмейстер достал свиток и прочитал):

"Первый гласит, что «есть» и «не быть никак невозможно»:

Это — путь Убежденья (которое Истине спутник"
(DK 28 В 2, пер. А.В. Лебедева).

— А что значит «есть и не быть никак невозможно»?

— спросил Белый Ферзь.

— Это значит, — сказал Гроссмейстер, — что бытие есть, а небытия нет. Нельзя сказать «этого нет».

Потому что если ты говоришь «нет», ты уже мыслишь то, чего нет. А мыслить то, чего нет, невозможно. «Ибо мыслить — то же, что быть» (DK 28 В 3).

— Но мы же мыслим пустоту? — удивился Чёрный

Слон.

— Мы мыслим понятие «пустота», — сказал Гроссмейстер. — А понятие — уже есть. Это не пустота. Это слово. Парменид был строг: небытия нет, движения нет, множественности нет. Есть только единое, неподвижное, вечное Бытие. Оно подобно "шару" — совершенному, законченному, без начала и конца.

— Сурово, — заметил Чёрный Конь. — Скучновато.

— Сурово, — согласился Гроссмейстер. — Но честно. И логично. Так Парменид стал «отцом» философии. И все, кто пришёл после, должны были ответить ему: либо согласиться, либо объяснить, где он ошибся.

Глава вторая, в которой Эмпедокл говорит «и» и «и» и вносит любовь

Следующим был Эмпедокл. Он жил в Сицилии, носил пурпурные одежды и утверждал, что он — бог. Но бог он был или нет, неизвестно, а мыслил он хитро.

— Парменид прав, — сказал Эмпедокл. — Бытие не может возникнуть из небытия. Это невозможно:

"Ибо из вовсе не бывшего сущее стать неспособно;
Также и сущее чтобы пришло — ни на деле, ни в
мысли
Вещь невозможная..."

Но, заметил он, ведь мир меняется! Что-то
рождается, что-то умирает. Как это может быть?

Он нашёл красивое решение. Бытие — это четыре
вечных «корня»: Зевс (огонь), Гера (земля), Гадес
(воздух), Нестис (вода). Они не исчезают. Но они
соединяются и разъединяются. А движут ими две
силы:

— Любовь, — сказал Эмпедокл. — Она соединяет.
— И Вражда, — сказал он. — Она разъединяет.

"Двойко рожденье, двойка и гибель:
Эту рождает и губит всеобщий порыв к единенью,
Ту же, разладом питаясь, в нем вскоре конец свой
находит".

— То есть, — объяснил Гроссмейстер фигурам, —
Эмпедокл согласился с Парменидом: сущего не
убывает и не прибывает. Но он добавил: бывает
«смешение» и «разъединение». А то, что мы
называем рождением и смертью, — это просто
слова неразумных людей.

— Как у нас, — сказал Белый Король. — Пешка не исчезает, когда её съедают. Она уходит в коробку.

— Примерно, — кивнул Гроссмейстер. — Эмпедокл соединил неизменность Парменида с изменчивостью мира. Не «или», а «и». Как и в интрасферном восприятии у Феаны.

Глава третья, в которой Анаксагор говорит «всё во всём» и добавляет Ум

Не успели греки привыкнуть к Эмпедоклу, как появился Анаксагор из Клазомен. Он пришёл в Афины, дружил с Периклом и утверждал, что Солнце — не бог, а раскалённый шар. За это его чуть не изгнали из города. Но мы помним его не за это сравнение.

Анаксагор начал с того, с чего и Парменид:

"Все вещи были вместе, бесконечные и по количеству (числу), и по "вмещаемой малости" (качеству). Ибо и малое было бесконечным. И до начала времени (восприятия и различения), пока все вещи были вместе, ни одна из них не была различима из-за малости (общего Первокачества)"

- DK 59 В 1, пер. А.В. Лебедева. (В скобках мои пояснения мысли Парменида).

— Сначала всё было смешано, — перевёл Гроссмейстер. — В этой смеси единого качества нельзя было различить ни горячего, ни холодного, ни влажного, ни сухого. Всё было во всём.

— И как из этого получился мир? — спросила Белая Пешка.

— Анаксагор сказал: всё пришло в движение благодаря Уму (Нусу). Ум — это самая тонкая, самая чистая субстанция. Он не смешан ни с чем и вмещает всё:

"Все вещи, которые должны были быть, и те, что были, но сейчас их нет, и те, что сейчас есть, и те, что будут, — всё (вместил) Ум" (DK 59 В 12) .

— Значит, Ум — это как Гроссмейстер? — спросил Чёрный Ферзь.

— Не совсем, — улыбнулся Гроссмейстер. — Ум (по Анаксагору) — это то, что являет правила и цель. Он не играет, он организует игру, делает её возможной.

— А что же «бытие»? — спросил Белый Слон. — У Анаксагора?

— Бытие — это то, что есть, — сказал Гроссмейстер. — И оно не возникает и не исчезает. А всё, что мы видим, — это уже смешение частей. Как в вашей партии: пешка не возникает из воздуха. Она была в коробке. Потом вышла на доску. Потом — может быть, вернётся. Но она есть в каждой шахматной игре. Просто в разных местах, партиях, времени, форме.

— Как душа? — спросила Чёрная Пешка.

— Как душа, — тихо сказал Гроссмейстер. — Анаксагор много знал и учил о душе. Но это уже другая сказка.

Глава четвёртая, в которой пифагорейцы молчат, но оставляют табличку

Гроссмейстер замолчал, посмотрел почему-то на потолок и сказал:

— А были ещё пифагорейцы. Они не писали поэм, как Парменид, но пели их. До наших дней дошли "Золотые стихи" с наставлениями молодым, которые нынче в Море Пифагора поются и звучат. В сокращённом виде можно услышать тут:
<https://suno.com/s/AirBXLm2jLpiNM1u>

<https://suno.com/embed/162ea9ae-7fcd-46b6-84e1-a742c29b114c>

Так вот, пифагорейцы хранили молчание о своём понимании Бытия. Но оставили... таблицу.

— Таблицу? — удивился Чёрный Конь.

— Да, — сказал Гроссмейстер. — Таблицу десяти противоположностей Единства. Её приводит Аристотель, один из многих наследников пифагорейской мудрости:

Предел	Беспредельное
Нечёт	Чёт
Единое	Множество
Правое	Левое
Мужское	Женское
Покоящееся	Движущееся
Прямое	Кривое
Свет	Тьма
Доброе	Злое
Квадрат	Параллелограмм

— И это всё? — спросил Белый Ферзь.

— Всё, — кивнул Гроссмейстер. — Но в этой таблице — вся философия. Нужно вникнуть, чтобы понять. Бытие — это Единое. Единое это Предел и

противоположный смысл - Беспредельность, это Свет и его изнанка - Тьма, это Порядок и обратная сторона, как потенция Порядка - Хаос.

Противоположности не враги. Они — пара. Без одного нет другого. Как звезду пополам не поделишь.

— Как в шахматах, как Белые и Чёрные, — сказал Чёрный Слон.

— Как в шахматах, если упрощать, — натянуто согласился Гроссмейстер. — Парменид сказал о Едином: есть То - Он. А его поняли искажённо, в плоскости ума, будто бы есть только Белые, а Чёрных нет. Эмпедокл подтвердил: есть и Белые, и Чёрные, и они смешиваются - в Едином. Анаксагор добавил: есть Ум, который знает Правила, когда кому ходить. А пифагорейцы просто молча показали табличку и сказали: всё, что есть, — это отношения. Их выражают Числа. Качественные, векторные, комплексные, разные.

— И кто же прав? — спросила настойчивая Белая Пешка.

— Все, — сказал Гроссмейстер. — И никто. В точности выражения Бытия. Но они об этом не спорили до драки. Потому что понимали: истина не в победе и не в словах. Истина в поиске её

переживания Умом Единства. В восприятии истинного.

Глава пятая, в которой Платон приходит на выручку Пармениду и немножко его поправляет

Настал черёд Платона. Он изучил Парменида и Пифагора и так сказал:

— Я согласен с Отцами Философии. Небытия нет. Но... — И сделал паузу... — Есть одно затруднение.

— Какое? — спросили ученики.

— Софисты лгут, — сказал Платон. — Ложь существует. Но ложь — это высказывание о том, чего нет. Если я говорю «Теэтет летит», а он стоит на земле, я высказываю не-сущее. Значит, не-сущее как-то есть!

— Но лететь Теэтет всё же может, как и мы все, вместе с Землёй, хотя нам и не видно, — подумал, но не сказал Чёрный Король. Он уже знал о круговращении Земли.

Гроссмейстер продолжал.

— Платон создал диалог «Софист» и вложил в уста Элейского гостя такие слова:

«А мы продемонстрировали не только то, что несуществующие вещи каким-то образом существуют, но и вид (эйдос), каковым случается несуществующим вещам являться существующими» («Софист», 248d-e).

— То есть, — пояснил Гроссмейстер, — Платон не отрицал отцов философии. Он сказал: есть бытие сущего (это знание) и есть бытие не-сущего (это ложь). И они не противоречат друг другу. Просто надо различать.

— А Парменид бы согласился? — спросил Чёрный Ферзь.

— Думаю, да, — сказал Гроссмейстер. — Потому что Парменид запрещал мыслить не-бытие. А Платон предложил мыслить не не-бытие, а бытие не-сущего. Это разные вещи. Как чёрная дыра — это не пустота, а область с очень сильной гравитацией.

— А что же тогда Бытие? — спросил Белый Король. — Платон в «Софисте» говорит: бытие — это то, что обладает силой, способностью воздействовать или испытывать воздействие. Бытие — не вещь. Бытие — это способность.

— Как у нас, — сказал Чёрный Конь. — Быть пешкой

— это не стоять на доске, а уметь ходить.

— Именно, — улыбнулся Гроссмейстер. А про себя подумал, — Шахматы, всё же остаются деревянными фигурами, хотя научились думать и говорить.

Глава шестая, в которой Гроссмейстер сводит всех за круглым столом

Итак, — сказал Гроссмейстер, ставя на стол шахматную доску. — Давайте посмотрим, о чём они договорились. Только не забывайте, что слова их, много раз пересказанные, переведенные на другие языки и скорректированные переписчиками за прошедшие тысячи лет, недостоверны, и почти наверняка были другими, не такими, как мы теперь говорим.

| Мудрец | Главная идея | Что такое Бытие |

|---|---|---|

| Парменид | Бытие есть, небытия нет | Единое, неподвижное, вечное |

| Эмпедокл | Смешение под властью Любви и Вражды | Четыре корня, соединяющиеся и разъединяющиеся |

| Анаксагор | Всё во всём, Ум приводит в порядок | Смесь, упорядоченная Умом |

| Пифагорейцы | Всё есть число, гармония противоположностей | Отношение Единого и

Множества |
| Платон | Бытие не-сущего (ложь) и бытие сущего
(истина) | Способность действовать и испытывать
действие |

— И они не враждовали? — спросила Чёрная Пешка.

— Нет, — усмехнулся Гроссмейстер. — Они расходились по домам, думали, писали. И каждый говорил своё. Но в главном они оставались согласны.

— В чём? — спросил Белый Ферзь.

— В том, что нельзя мыслить не-бытие как абсолютную пустоту. Что мир устроен разумно — либо Умом, либо Любовью, либо Числом, либо Идеями. Но мир они воспринимали богом богов, одухотворённым Космосом, океаном истин. И знали наверняка, что истина не лежит на поверхности (ума)— её надо искать в глубине. В единстве ума и души с духом.

— Как в шахматной партии, — сказал Чёрный Слон.
— Не видно сразу, куда пойдёт ферзь. Надо считать варианты.

— Именно, — кивнул Гроссмейстер, хотя в душе

смеялся. — Древние не договорились до конца. И не должны были! Философия — не соглашение, не чёткие формулировки. Это движение творчества мысли, это сила движения Космоса, Разума. Вопрос сменяется вопросом. Ответ оказывается началом нового пути.

— И что же остаётся нам? — спросила Белая Пешка.

— Нам остаётся, — сказал Гроссмейстер, — помнить, что мы — часть этого движения. Что Бытие — это не то, о чём можно сказать один раз и навсегда. Бытие — это то, что говорит с нами через каждого мыслителя. Через Парменида строгостью. Через Эмпедокла — страстью. Через Анаксагора — умом. Через пифагорейцев — гармонией. Через Платона — вопрошанием.

— И через нас? — спросил Чёрный Ферзь.

— А как же, и через вас, — уже не скрывая улыбки сказал Гроссмейстер. — Каждый раз, когда вы думаете о вашем ходе на доске, вы прикасаетесь к Бытию. Не в книгах. В живой игре.

Эпилог, в котором Гроссмейстер зажигает свечу и фигуры видят свои тени

Гроссмейстер зажжёт свечу. Тени фигур легли на стену.

— Смотрите, — сказал он. — Это платоновская пещера. Мы видим тени. Но знаем, что тени — это не всё.

— А что — всё? — спросил Чёрный Король.

— Всё — это мы, — сказал Гроссмейстер. — И свеча. И стена с тенями. И вопрос, который вы задали. И ответ, которого нет, но есть стремление.

Фигуры замолчали. Потом Белая Пешка сказала:

— Гроссмейстер, а древние философы — они тоже были фигурами?

— Нет, — отрезал Гроссмейстер. — Они были игроками. Но иногда, если партия особенно удавалась, они чувствовали, что это не только они двигают фигуры, а фигуры тоже двигают их. И тогда они записывали стихами это волшебное встречное действие в единстве. Такое у них философское восприятие. О Бытии. О Едином. О том, что есть.

— Они видели мир, как вы? — спросил Чёрный Слон.

— Как я, — снова улыбнулся Гроссмейстер. — Но у меня нет их дара. Я только пересказываю.

— Этого достаточно, — произнёс уставший Белый Ферзь.

Гроссмейстер погасил свечу. Фигуры остались в темноте. Но темнота воспринималась не пустой. В ней зазвучали имена, оживали легенды, вдруг повеяло тайнами Бытия. И возникали вопросы. И ощутилось согласие, которое старше любых споров.

Так закончилась сказка о том, как мудрецы искали Бытие и нашли — друг друга

И — себя.

В каждом слове.

В каждом молчании, мгновении, старой партии, сыгранной за тысячи лет до нас, но не утратившей смысла.

Потому что Бытие — не в словах ответа. Оно в танце творчества, в тишине внутреннего царства, в оживающей духом Космоса душе.

Сказка о времени возвращения, или Как фигуры захотели стать своей собственной игрой

Серьёзная притча о консервативных системах, самоорганизованной критичности и одной очень долгой партии, которая всё время начинается заново

Пролог, в котором Гроссмейстер замечает, что фигуры задумались не о ходе

Он вошёл в комнату и замер. Фигуры не стояли на доске. Они сидели на ней — кто как мог. Пешки грелись в лучах утреннего солнца. Ферзи разглядывали свои короны. Кони рисовали копытами странные диаграммы. Слоны ходили по диагонали, но без цели, просто так.

Сегодня они не хотели играть.

— Что случилось? — спросил Гроссмейстер.

— Гроссмейстер, — сказал Белый Ферзь. — Мы думаем. Мы уже многое поняли. Мы говорили о Бытии, о Свободе, о Едином. Мы узнали себя в Пармениде и в Пешке. Но...

— Но? — переспросил Гроссмейстер.

— Но мы всё ещё фигуры, — сказал Чёрный Король. — Мы ходим по одним и тем же клеткам. Мы подчиняемся одним и тем же правилам. Даже когда мы творим, мы творим внутри системы. А мы хотим... менять саму систему.

— Хотим быть не фигурами и не игроками, — добавил Белый Слон.

— А кем же? — спросил Гроссмейстер.

— Самим собой, — сказала Чёрная Пешка. — Или — самим законом, по которому мы ходим. Мы хотим, чтобы наша игра была... консервативной системой.

Гроссмейстер сел. Он понял: сегодня будет долгий разговор.

Глава первая, в которой Гроссмейстер вспоминает Пуанкаре и теорему о возвращении

— Вы слышали о Пуанкаре? — спросил Гроссмейстер.

— Это который задачу о трёх телах не мог решить?
— уточнил Чёрный Конь.

— Он самый, — кивнул Гроссмейстер. — Но речь не о трёх телах. Речь о времени возвращения.

Он встал, подошёл к доске (обычной, меловой) и начал рисовать.

— Представьте себе систему, — сказал он. — Любую. Вселенную. Газ в сосуде. Шахматную партию, которая длится вечно. Если система консервативна — то есть в ней нет потерь энергии, нет трения, нет забытых ходов — то рано или поздно она вернётся в состояние, сколь угодно близкое к начальному.

— Как мы? — спросил Белый Ферзь.

— Как вы, — кивнул Гроссмейстер. — Если бы вы играли бесконечно долго, строго по правилам, без внешних вмешательств, то... однажды вы бы повторили партию. Не ту же самую, но очень близкую. Почти ту же. А через ещё более долгое время — точно ту же.

— Но это ужасно скучно, — сказала Чёрная Пешка.
— Вечно возвращаться к тому же?

— Это не скучно, — возразил Гроссмейстер. — Это — закон. И называется он теоремой Пуанкаре о возвращении.

Он написал на доске:

«Для консервативной динамической системы с ограниченным фазовым пространством, для любой окрестности любой точки найдётся время, через которое траектория вернётся в эту окрестность»

— Это математика, — сказал Гроссмейстер. — Но это и философия. И даже — миф. Колесо сансары. Вечное возвращение Ницше. Круги на полях. Всё возвращается. Вопрос только — когда и с какими изменениями...

(сказка по Ницше - <https://stihi.ru/2009/05/01/4750>)

— А если система не консервативна? — спросил Чёрный Слон.

— Тогда она либо затухает, либо взрывается, либо хаотизируется, — сказал Гроссмейстер. — Но не возвращается.

— Значит, возвращение — признак сохранения? — спросила Белая Ладья.

— Признак гармонии, — сказал Гроссмейстер. —
Признак того, что система помнит себя. Даже если
память эта — только в устройстве законов.

Глава вторая, в которой фигуры открывают для себя самоорганизованную критичность

— Но мы не хотим просто возвращаться, — сказал
Чёрный Ферзь. — Мы хотим... эволюционировать.
Меняться. Но так, чтобы не терять себя.

— Ах, вот вы о чём, — протянул Гроссмейстер. —
Вы хотите быть на границе.

— На какой ещё границе? — спросил Белый Король.

— На границе между эргодичностью и не-
эргодичностью, — сказал Гроссмейстер. — Это
сложно. Но я попробую объяснить.

Он снова подошёл к доске.

— Простая система, — сказал он. — Вы бросаете
кубик. Рано или поздно выпадут все комбинации.
Система эргодична — она блуждает по всем
возможным состояниям и в среднем ведёт себя
предсказуемо.

— Как наша игра, — сказал Белый Слон. — Все ходы возможны.

— Но есть системы, которые не эргодичны, — продолжил Гроссмейстер. — Они застревают. Запоминают. И никогда не пробуют некоторые варианты.

— Как мы, — сказал Чёрный Конь. — У каждого из нас свой стиль. Мы не пробуем все ходы. Мы выбираем.

— А есть системы, — продолжал Гроссмейстер, — которые находятся *на границе*. Они и помнят, и пробуют новое. Они и возвращаются, и меняются. Они — как река, которая течёт, но остаётся рекой. Или как лес, который горит маленькими пожарами, но не сгорает целиком.

— Это называется самоорганизованная критичность, — сказал Гроссмейстер. — Система сама настраивается на критическую точку. Между порядком и хаосом. Между возвращением и уходом. Между тем, чтобы быть собой, и тем, чтобы становиться другим.

— И как нам этого достичь? — спросил Чёрный Ферзь.

— А вы уже в ней, — улыбнулся Гроссмейстер. — Вы — живые фигуры, которые помнят прошлые партии, но делают новые ходы. Вы —

консервативная система (правила не меняются), но с элементами творчества (выбор хода — ваш). Вы — на границе. И это граница — не линия. Это — пространство возможностей.

Глава третья, в которой Гроссмейстер рассказывает об эволюционной модели и лавинах

— Есть одна интересная модель, — сказал Гроссмейстер. — Представьте себе агентов, которые живут на ландшафте. Ландшафт неровный — холмы и ямы. Агенты учатся. Они запоминают, где хорошо, где плохо. И постепенно они сползаются в лучшие места.

— Как мы к центру доски, — заметил Белый Король.

— Примерно, — кивнул Гроссмейстер. — Но есть проблема. Если все сползется в одну яму, система застрянет. Не будет движения. Не будет возвращения. Будет смерть.

— И что же делать?

— Нужны лавины, — сказал Гроссмейстер. — Нужны события, которые перетряхивают систему. Самые слабые агенты умирают, на их место приходят новые. Иногда это вызывает цепную

реакцию — лавину. И система встряхивается. Она остаётся на границе — между жёсткостью и хаосом.

— Как наши проигрыши, — сказал Чёрный Слон. — Мы проигрываем — и учимся.

— Как наши жертвы, — добавила Чёрная Пешка. — Меня съедают — и партия становится интереснее.

— Именно, — сказал Гроссмейстер. — Вы — самоорганизованная критическая система. Вы помните (это консерватизм). Вы меняетесь (это эволюция). Вы живёте на границе (это и есть жизнь).

Глава четвёртая, в которой фигуры требуют доказательств, и Гроссмейстер рисует график

— Слова — это хорошо, — сказал Белый Ферзь. — А где доказательства?

— Доказательств нет, — честно сказал Гроссмейстер. — Есть только модели. И одна из них — вы сами.

Он нарисовал на доске график.

— Вот здесь — область, где система слишком жёсткая, — сказал он. — Здесь нет возвращения, потому что нет движения. Система умерла.

— Вот здесь — область хаоса. — Он показал на другой край. — Здесь всё перемешано, но нет памяти. Система бредит.

— А вот здесь, — он обвёл середину, — здесь граница. Здесь система и помнит (консервативна), и движется (эргодична в меру). Здесь она достигает максимального коллективного вознаграждения.

— Чего-чего? — не поняла Белая Пешка.

— Счастья, — сказал Гроссмейстер. — Или гармонии. Или того, что вы называете «хорошей партией».

— И мы там? — спросил Чёрный Король.

— Вы — там, — сказал Гроссмейстер. — Пока мы говорим. Пока вы задаёте вопросы. Пока вы помните прошлые партии, но не бойтесь делать новые ходы. Пока вы — консервативная система, которая умеет удивлять.

Глава пятая, в которой наступает «время возвращения» и фигуры понимают, что оно уже было

За окном стемнело. Гроссмейстер зажжёт свечу. Её свет упал на доску, и тени фигур легли на стены.

— Знаете, — сказал он тихо, — ведь теорема Пуанкаре — не только про математику. Она про терпение. Про доверие к миру. Про то, что даже если кажется, что всё потеряно и никогда не вернётся, — оно вернётся. Не точно такое же. Но — близкое. И в этой близости — надежда.

— А наше время возвращения уже было? — спросила Чёрная Пешка.

— Оно сейчас, — сказал Гроссмейстер. — Каждый раз, когда вы делаете ход, вы возвращаетесь к правилам. Каждый раз, когда вы думаете о прошлой партии, вы возвращаетесь к себе. Но не к тому же себе. К себе — новому.

— Как в эволюционной модели, — важно произнёс Белый Ферзь. — Мы возвращаемся, но не в ту же точку. Мы возвращаемся на границу.

— Да, — кивнул Гроссмейстер. — И граница эта — не линия. Это — дом. Дом, который вы носите с собой. Потому что вы и есть эта граница.

Фигуры замолчали. Свеча догорала. Тени становились длиннее.

— Гроссмейстер, — сказал Чёрный Король. — А если мы всё-таки захотим изменить правила? Не ходы, а сами законы игры? Это будет нарушением консервативности?

— Будет, — сказал Гроссмейстер. — Но может быть, это будет новая консервативная система. С новыми законами. И вы будете возвращаться уже к ним. И снова искать границу.

— И это никогда не кончится? — спросила Белая Ладья.

— Никогда, — сказал Гроссмейстер. — Потому что конец — это остановка возвращения. А пока вы движетесь — вы живы.

Эпилог, в котором Гроссмейстер гасит свет, а фигуры остаются на границе

Он погасил свечу. Фигуры исчезли в темноте, но он знал — они не исчезли. Они были. Они помнили. И ждали следующего хода.

— Спокойной ночи, — сказал Гроссмейстер.

— Спокойной ночи, — ответил кто-то из темноты. Может быть, Ферзь. Может быть, Пешка. Может быть, сама игра?

Гроссмейстер лёг на диван и закрыл глаза. Ему снилась бесконечная партия. В ней не было победителей и проигравших. Были только ходы. И возвращения. И граница, которая светилась — как этот эпилог.

Так закончилась сказка о времени возвращения.

Но не о самом возвращении.

Оно продолжается.

В каждом вашем ходе.

В каждом воспоминании.

В каждом моменте, когда вы решаете, остаться в правилах или изменить их.

И в этом выборе — вся теорема Пуанкаре.

Вся самоорганизованная критичность.

Вся жизнь. Которая — всего лишь партия.

Но зато какая!

Примечание для тех, кто хочет погрузиться чуть глубже:

Теорема Пуанкаре о возвращении — это не мистика. Это строгий научный результат. Если у вас есть система с конечным объёмом фазового пространства и сохраняющейся мерой, то почти все траектории вернутся сколь угодно близко к начальной точке. Не обязательно в точности — но близко. И время возвращения может быть огромным — больше возраста Вселенной. Но оно конечно.

А самоорганизованная критичность — это свойство систем настраиваться на границу между порядком и хаосом. Примеры: куча песка, в которую сыплют новые песчинки; лес, в котором случаются пожары разного масштаба; земная кора, в которой накапливаются напряжения и сбрасываются в землетрясениях. Ваша игра — тоже такая система. Пока вы в ней — вы на границе.

И это — самое интересное место.

Если вы готовы к возвращению.

А вы готовы. Потому что вы уже здесь.

И возвращаетесь. С каждым новым ходом.

С каждым новым вопросом.

О правде сказки, или Почему «жили-были» иногда точнее «следовательно»

Размышление о том, как выдумка становится методом, а метафора — доказательством

Пролог: обвинение, которое веками предъявляют сказке

С незапамятных времён сказку обвиняют во лжи. «Сказка — ложь, да в ней намёк», — примирительно говорит народная мудрость, как бы оправдывая выдумку за её полезность. Философы, особенно те, кто привык к строгости понятий, морщатся: «Аллегория — не доказательство. Метафора — не аргумент. Символ — не факт».

Но так ли это?

Я позволю себе утверждение, которое многим покажется еретическим: Хорошая сказка — это не ложь. Это — правда. И её правдивость можно доказать.

Не так, как доказывают теорему. Иначе. Но — доказательно.

Глава первая: чем научная теория отличается от сказки (и чем они похожи)

Научная теория начинается с допущений. Аксиомы не доказываются — они принимаются. Евклид

постулирует, что через точку вне прямой можно провести единственную параллельную. Эйнштейн постулирует постоянство скорости света. Дарвин принимает изменчивость и наследственность как данность.

Сказка начинается с допущения иного рода: «В некотором царстве, в некотором государстве...» или «Жили-были...». Это тоже аксиома. В ней задаётся мир, его правила, его возможности.

Разница не в наличии допущений. Разница — в языке. Наука говорит на языке формул и категорий. Сказка — на языке образов и событий.

Но и та и другая строят модели. И та, и другая позволяют делать выводы. И та, и другая проверяются практикой, способностью объяснять и предсказывать.

Если научная теория объясняет физические явления, то хорошая сказка объясняет — человеческие! Законы термодинамики для пара, закономерности души — для метафоры.

Глава вторая: аллегория как способ доказательства

Аллегория — это не просто украшение. Это — структурное отображение. Когда Платон рассказывает миф о пещере, он не развлекает читателя. Он строит модель: мир чувственных вещей — тени, мир идей — источник света, философ — узник, который освободился.

Можно ли доказать, что мир состоит из идей? Нет. Но можно показать, что если принять эту модель, то многие философские проблемы получают изящное решение. Аналогично: если принять математическую модель, то работают формулы.

Аллегория не даёт дедуктивного доказательства, но даёт эвристическую силу. Она позволяет увидеть связи, которые ранее были скрыты. Она делает неявное — явным. И в этом смысле она — инструмент познания! Не менее мощный, чем дедукция. Просто другой.

Критерий правдивости аллегории: если она «работает» — то есть помогает понимать, предвидеть, действовать — значит, в ней есть

истина. Не фактуальная истина фактов, а истина структурная, истина отношений. Жизненность.

Глава третья: символ и его глубина

Символ отличается от простого знака. Знак указывает на что-то одно («красный свет — стоп»). Символ открывает множественные смыслы. Крест — не просто пересечение двух линий. Он — жертва, искупление, надежда, парадокс... Шахматная фигура — не просто кусок дерева. Она — стратегия, власть, жертва, превращение...

Сказочные символы работают как концентраторы смысла. В них сжимаются целые философские системы. Кощей Бессмертный — это не просто злодей. Это — образ смерти, которая мнит себя вечной, но уязвима для иглы — то есть для того, что спрятано, мало, незаметно, точно воздействует. Это жизненно!

Когда мы расшифровываем символ, мы не придумываем смысл заново. Мы открываем его. Потому что хороший символ устроен так, что разные люди, в разные эпохи, с разным опытом находят в нём нечто общее, открывающее глубину при

размышлении. Это и есть критерий его объективности: инвариантность восприятия при вариации интерпретаций.

Глава четвёртая: сказка как побуждение к поиску

Научный текст часто стремится к завершённости. Теорема доказана — можно идти дальше. Используйте, не задумываясь. Учебник написан — можно закрыть и сдать экзамен.

Хорошая сказка устроена иначе! Она не закрывает вопрос. Она его открывает. «А что было дальше?», «А почему он так поступил?», «А что, если бы...» — вот естественная реакция на хорошую сказку. Это и жизненно, и необходимо.

Сказка не даёт ответов. Она даёт вопросы. И это её педагогическое и философское преимущество. В эпоху, когда ответы гуглятся за секунду, умение задавать хорошие вопросы становится главным интеллектуальным навыком.

Сказка тренирует этот навык. Более того, она показывает, что мир не исчерпывается готовыми формулировками и научным знанием. Что за

каждым ответом — новый вопрос. Что истина — не точка, а горизонт, который открывает пространства. И что искать — интереснее, чем найти и успокоиться.

Доказательство правдивости через побуждение: если после прочтения сказки читатель начинает думать, задавать вопросы, искать связи — значит, сказка правдива. Потому что ложь закрывает. Правда — открывает и ведёт к истине.

Глава пятая: сказка как мост между наукой и жизнью

Научные тексты часто непроницаемы для непосвящённых. Формулы отпугивают. Термины отталкивают. Теории кажутся оторванными от жизни.

Сказка же, основанная на научном базисе, становится переводчиком с языка формул на язык жизни. Она берёт абстрактное и делает его конкретным. Берёт сложное и делает его простым. Берёт далёкое и обращает его близким.

Это не упрощение. Это — трансдукция: перенос структуры из одного семиотического поля в другое. Теорема Пуанкаре о возвращении становится сказкой о шахматных фигурах, которые возвращаются к своим ходам. Эргодическая теория становится разговором о памяти и забывании. Самоорганизованная критичность — рассказом о границе между порядком и хаосом.

Потеряет ли наука от такого пересказа её сказочными образами, новой формой? Нет. Она обретёт — новую аудиторию, новые смыслы, новые связи. Сказка, разумеется, не заменяет учебник. Она делает учебник желанным. Потому что после сказки хочется узнать: а как это на самом деле? А какие формулы за этим стоят? А что об этом думают учёные?

Сказка — это не примитив. Это — предисловие к науке. Или — её поэтическое переложение. И в этом переложении нет потери точности. Есть — обретение ясности.

Глава шестая: сказка как взгляд в бесконечность

Научное знание принципиально не завершено.
Каждый ответ порождает десятки новых вопросов.
Каждая теория имеет границы применимости.
Каждая парадигма когда-нибудь сменяется другой.

Сказка, в отличие от многих научных текстов, не скрывает этой незавершённости. Она ею дышит, ею живит умы. Открытый финал — не недостаток сказки, напротив, её достоинство. «И они жили долго и счастливо...» — это не конец. Это — приглашение дофантазировать.

Сказка напоминает: знание бесконечно. Поиск бесконечен. Творчество тем более бесконечно, чем свободнее в поиске ценностей. И мы сами — часть этой бесконечности. Не потому, что мы велики, а потому что мы — и есть вопрос. Да, вопрос к самим себе — А кто же Я, на самом деле? Который не имеет окончательного ответа.

Доказательство через незавершённость: если после прочтения сказки у читателя не возникло чувство, что «всё ясно» — значит, сказка правдива. Потому что правда о мире — в его неисчерпаемости! А ложь — в иллюзии, что «вот теперь-то я всё понял».

Заключение: о чуде, которое не перестаёт быть чудом

Сказка — это не обходной путь познания. Это — лучший прямой путь. Но к другому роду истины. Не к *factual truth* — истине фактов. А к *structural truth* — истине отношений! Не к «что было», а к «как устроено». Не к «кто виноват», а к «что делать» (и, главное, «как думать»).

Сказка доказывает свою правдивость не ссылками на источники, а способностью становиться Источником новых смыслов. Не экспериментом, а вовлечённостью в эксперимент Мысли. Не формулой, а Интуицией, которая после сказки работает точнее.

И, в конечном счёте, сказка правдива потому, что мы сами — сказка! Со своим царством-государством, со своим путём, со своими испытаниями, своим финалом, который никогда не бывает окончательным. Мы ищем себя. Сказка помогает нам в этом поиске. Потому что она — не о других. Она — о нас. Просто воздействие её замаскировано. Чтобы мы не испугались правды. И узнали её, когда будем готовы.

В этом — главное доказательство: ты узнаёшь себя в сказке. Значит, сказка не лжёт. Рано или поздно, но это случится.

Послесловие: для сомневающихся

Если вы всё ещё думаете, что сказка — это ложь, проведите простой эксперимент. Прочитайте ребёнку сказку о Колобке. А потом спросите его: «О чём эта сказка?» Ребёнок не скажет: «О том, как испекли хлеб, и он убежал». Ребёнок скажет: «О том, что нельзя хвастаться», или «О том, что надо слушаться старших», или «О том, что доверчивость может быть опасной».

Откуда ребёнок это знает? В тексте нет слов «хвастовство», «послушание», «доверчивость». Но ребёнок их вычитал. Потому что сказка их там содержит — не явно, а структурно! Потому что аллегория и символ работают. И работают лучше фраз с наставлениями или научных формулировок.

И если миллионы детей, читая одну и ту же сказку, делают одни и те же выводы — значит, эти выводы не придуманы. Они — открыты для восприимчивой души. А то, что можно открыть, а не выдумать, —

существует! И значит — это правда, и более того, это необходимая Правда.

Так что да. Сказка — правда. Настоящая.

Просто её правда — не в фактах. А в смыслах.

А факты... факты приходят и уходят. Смыслы остаются.

Потому что они — и есть мы.

Когда мы не боимся быть сказкой.

Которая ищет саму себя.

И находит — в читателе. Который додумывает финал.

И в этом додумывании — становится соавтором.

А это — высшая правда. Которую не докажешь учебником.

Но можно выразить сказкой.

И доказательство — ты сам.

Когда улыбаешься финалу.

Которого не было.

Но который — самый правильный.

Из всех возможных.

Сказка о Неделимом, или Как фигуры узнали, что они — не дерево

Философская притча о том, что атомы танцуют, даже когда нам кажется, что они стоят на месте

Пролог, в котором Гроссмейстер находит старый трактат и фигуры начинают светиться

Гроссмейстер разбирал книжный шкаф. Между томиком Лукреция и запылённым Парменидом он обнаружил странный свиток. Пергамент был тонким, почти прозрачным, и сквозь него просвечивали буквы, написанные... не чернилами. Светом.

— Что это? — спросил Белый Ферзь, заглядывая через плечо.

— Кажется, — сказал Гроссмейстер, — это трактат о том, что мы забыли. О том, что атомы — живые. О том, что Неделимое — не пустота, а полнота пустоты. О том, что движение — это мнение, а покой — истина любых мнений. Но не тот покой, который мертв, а тот, который — вечная готовность творчества.

— Как мы? — спросила Чёрная Пешка.

— Как вы, — улыбнулся Гроссмейстер. — Вы стоите на доске. Неподвижны. Но в любой момент — можете пойти. Ваша неподвижность — не отсутствие движения. Это — присутствие возможности. Это и есть бытие по Пармениду. Шар. Сфера. В которой всё есть. И ничего не возникает и не исчезает по Истине.

— Но мы же возникаем! — сказал Белый Король. — Мы же рождаемся в руках мастера, потом стоим на доске, потом ходим, возвращаемся в коробку, соприкасаемся друг с другом. Разве это не рождение и смерть?

— А вот об этом, — сказал Гроссмейстер, — и будет сегодняшняя сказка. Садитесь удобнее. Разговор будет долгим. И странным. Как всё, что касается того, что мы называем «живым», а древние называли «одухотворённым атомом».

Глава первая, в которой Гроссмейстер рассказывает о смешении (и фигуры чувствуют себя неловко)

— Представьте себе, — начал Гроссмейстер, — что изначально не было ничего разделённого. Не было неба отдельно и земли отдельно. Не было духа отдельно и материи отдельно. Была вечная смесь. Неразделимая. Как тесто, в котором мука и вода уже не различимы.

— Как наша доска, когда нет фигур? — спросил Чёрный Слон.

— Глубже, — сказал Гроссмейстер. — Как замысел доски, фигур, правил и игроков. Всё вместе. Неразличимое.

— И что же было в этой смеси? — спросил Белый Конь.

— Первоатомы, — сказал Гроссмейстер. — Не те маленькие шарики, которые, по мнению современников, придумал Демокрит. Хотя и они тоже. Но — живые. Одухотворённые. У них была форма, вес, но была и душа. Или — то, что мы называем душой, когда не знаем, как иначе назвать внутреннюю устремлённость к движению.

— Как у нас? — спросила Чёрная Пешка. — Мы же не просто дерево. У нас есть цель. Пойти. Стать ферзём. Съесть. Быть съеденной. Это и есть душа?

— Это лишь проекция, — сказал Гроссмейстер. — Того самого Единого. Неделимого. Которое, оставаясь собой, создаёт множественные отражения. Как одно солнце — в тысячах капель росы. Как один замысел — в тысячах партий.

Он достал из свитка цитату и прочитал:

«Ибо всё, что есть, было когда-то смешано воедино: и горячее, и холодное, и влажное, и сухое. И после того как всё смешалось, произошло разделение. Но не так, чтобы смесь исчезла, а так, что из одного появилось многое, оставаясь единым по сути»

— Это Анаксагор, — сказал Гроссмейстер. — Он учил, что всё во всём. Что в каждом элементе материи — дух. В каждой частице — целое.

— Как в нас, — важно сказал Белый Ферзь. — В каждой фигуре — вся игра. И правила. И память о прошлых партиях.

— И гораздо больше, — ответил Гроссмейстер. — В каждой фигуре — замысел всех возможных партий. Потому что фигура — не просто дерево. Фигура — идея. А идея — неделима.

Глава вторая, в которой фигуры спрашивают, откуда берутся живые существа, а Гроссмейстер отвечает стихами и математикой

— Но ведь современные люди сомневаются и задаются вопросом: «Как из неорганической природы, из взаимодействия тепла и холода, возникают живые существа? В атомах нет ничего живого!» — произнёс Чёрный Конь.

— А вот это, — улыбнулся Гроссмейстер, — главное заблуждение. Современник думает, что атом — это такая маленькая мёртвая штучка. Он забыл, что слово «атом» придумали люди, которые верили в душу мира. Демокрит, Эпикур, Лукреций — они не отделяли материю от духа!

Гроссмейстер снова заглянул в свиток:

«*Semina rerum*» — семена вещей, — прочитал он. И добавил, — Лукреций называл атомы Демокрита семенами. А разве семя мертво? В семени — дерево. В атоме — Космос. Задумайтесь над этим...

— То есть атом живой? — спросил Белый Король.

— Атом — это возможность, — сказал Гроссмейстер. — Возможность формы, движения, жизни. Он не живой в привычном нам смысле — он не ест, не размножается, не умирает. Но он — носитель жизни. Как буква — носитель смысла. Буква не говорит, но из букв складываются слова. Слова — стихи. Стихи — душа.

— Значит, жизнь возникает из сочетания? — спросил Чёрный Ферзь.

— Из сочетания и из того, что за сочетанием, что глубже, — сказал Гроссмейстер. — Из того, что в атомах есть внутренняя устремлённость к соединению. Эмпедокл называл это Любовью. А то, что разъединяет — Враждой. Но и Любовь, и Вражда — не внешние силы. Они — свойства самих атомов. Или — самого Бытия.

Он прочитал ещё одну цитату:

«Дважды рождается сущее, дважды и гибнет: однажды — от соединения всего в единое, в другой раз — от разделения Единого на множество»
(Эмпедокл)

— То есть, — медленно сказала Чёрная Пешка, — мы идём из Единого во множество, а потом возвращаемся? Как вы говорили в предыдущей сказке? Как партия: из хаоса возможных ходов — в конкретную комбинацию, потом — в коробку, потом — снова на доску?

— Именно, — улыбнулся Гроссмейстер. — И это не противоречие. Это — танец. Движение, которого по сути и нет. Изменение, которого нет. Потому что Единое — неподвижно. Оно — как шар. Сфера. В которой всё есть. И ничто не возникает и не исчезает. Только переходит из неявного в явное. И обратно. Благодаря временному, самому течению времени, любому восприятию.

Глава третья, в которой Парменид выходит на середину доски и говорит «Движенья нет!», а фигуры всё равно двигаются

— А вот о Пармениде, — сказал Белый Слон. — Он же говорил, что движения нет. Что бытие едино, неподвижно, совершенно. Как шар. Как наша Монада.

— Говорил, — подтвердил Гроссмейстер. — И был прав. С точки зрения абсолютной истины.

— А с точки зрения нашей, фигурной? — спросил Чёрный Конь.

— С точки зрения вашей, — снова улыбнулся Гроссмейстер, — движение есть. Потому что вы — не само Бытие. Вы — его временное, движущееся проявление. Вы — тени на стене платоновской пещеры. Для теней движение есть. Для источника света — нет.

— Значит, мы не настоящие? — обиделась Белая Пешка.

— Вы настоящие, — сказал Гроссмейстер. — Как тень. Она — не источник, но она всё же — реальна. Вы — проекция Единого. Вы — его способ увидеть себя со стороны. Без вас Единое не узнало бы, что оно — Единое. Потому что знать можно только через различие. А различие — это вы. И это всё другое.

— Как мы — шахматная партия? — спросил Чёрный Ферзь. — Без партии правила были бы, но не проявлены.

— Да, — ответил Гроссмейстер. — И в этом — тайна. И в этом — противоречие. Которое не разрешить, но можно пе-ре-жить.

Он встал, подошёл к доске, взял Белого Ферзя и поставил его на новое место.

— Вот, — сказал он. — Вы двигаетесь. Я двигаю вас. Но замысел — и вашего хода, и моего желания двигать — был всегда. В Едином. Вне времени. В сфере Парменида.

— Значит, мы все — в сфере? — спросила Чёрная Пешка.

— Вы — лучи, — произнёс Гроссмейстер. — Сферы. Которая сама себя освещает. И в каждом луче — вся сфера. Но не целиком. А — по-своему. Эта особенность называется уникальностью каждого, и мгновения, и частицы.

— Как атомы, — сказал Белый Ферзь. — Каждый атом — вся вселенная. Но в своей мере?

— В своей мере, — кивнул Гроссмейстер. — А мера — это и есть вы. Ваша изначальная уникальность. Ваш способ отражать Единое. Не в сравнении - хуже или лучше других. Просто — другой.

Глава четвёртая, в которой фигуры требуют объяснений про жизнь из неживого, и Гроссмейстер рассказывает про отражения

— Но вернёмся к вопросу, — сказал Чёрный Король.

— Современник спрашивает: как из неживой материи возникает жизнь? Где тот порог, после которого атомы вдруг начинают чувствовать, хотеть, мыслить?

— А порога нет, — сказал Гроссмейстер. — Потому что атомы никогда не были неживыми. Просто их жизнь — Иная. Дыхание тоже иное. Как жизнь буквы. Буква «А» не говорит, но без неё слово «Адам» не сложилось бы. А Адам — уже дышит.

— То есть жизнь — это степень, некая мера её проявления? — спросил Белый Конь.

— Именно. Как в шахматах. Фигура — это степень проявления правил. Правила — это степень проявления замысла. Замысел — это степень проявления Бытия. Бытие — это степень проявления Единого. Единое — это... оно просто есть. И всё, что есть — это оно. Оно Безмерно.

— Звучит как заклинание, — заметил Чёрный Слон.

— И как дыхание, — сказал Гроссмейстер. — Когда вы дышите, вы не думаете о молекулах кислорода. Вы просто живёте. Так и здесь. Не надо искать точку перехода от неживого к живому. Надо научиться видеть жизнь там, где привыкли видеть только материю.

Он достал из свитка ещё одну цитату:

«Уничтожение, движение, изменение — не по истине, а лишь по мнению. Бытие едино, множественно» -- Парменид

— Значит, мы — мнение? — спросила Чёрная Пешка.

— Вы — проявление, — сказал Гроссмейстер. — Божественной мысли. Или мысли Единого. Или той силы, которую древние называли Нусом, Умом. И эта мысль — никогда не мертва. Она — живая. Потому что мыслить — значит быть. А быть — значит мыслить. Или — воспринимать! Или — дышать.

— Как мы, — сказал Белый Ферзь.

— Как вы, как вы, — опять улыбнулся Гроссмейстер. — Когда вы идёте по доске, вы не просто перемещаете дерево. Вы — мысль, ставшая ходом. И ход — это не конец. И не начало. Это —

продолжение. Того, что было всегда. Партии, у которой нет первого хода. И последнего тоже нет.

— Бесконечная партия? — спросил Чёрный Король.

— Вечная, — сказал Гроссмейстер. — Потому что Бытие — вечно. А вы — его моменты. Его проекции. Его атомы. Относительно неделимые, как и Оно само. И в каждом из вас — вся игра. Вся вселенная, проявленная краешком, тенью, брызгами над волной Океана Единства. Весь Парменид до сих пор непонятен многим умам. Вся тайна остаётся Тайной.

— И что же нам делать с этой тайной? — спросила Белая Пешка.

— Играть, — сказал Гроссмейстер. — Дышать. Ходить. Удивляться. И иногда — останавливаться, размышляя. Чтобы почувствовать: неподвижность — это не отсутствие движения. Это — присутствие всего. Сразу. Как в сфере Парменида.

Фигуры замолчали. Они чувствовали свою неподвижность. И в ней — бесконечную готовность к движению.

— Гроссмейстер, — сказал Чёрный Ферзь. — А вы сами верите в то, что рассказали?

— Конечно верю, — сказал Гроссмейстер. — Но не так, как верят в факт. А так, как верят в музыку. Или в любовь. Нельзя доказать, что любовь есть. Но можно жить, в ней и ею, как будто она есть. И тогда она становится реальностью. Реальность для меня или того, что живёт ею. Всё существующее в восприятии.

— Как наша игра, — сказал Белый Король.

— Как наша игра, — кивнул Гроссмейстер. — И как наш разговор. Который — тоже движение. Которого нет. С точки зрения Парменида.

— Но для нас-то — есть, — сказал Чёрный Слон.

— И это — главное, — сказал Гроссмейстер.

Он погладил доску, собрал фигуры в коробку и поставил на полку. Рядом с Лукрецием и Парменидом. С теми, кто тоже, когда-то, вглядываясь в неподвижность, услышал — движение.

Свет погас.

Но фигуры продолжали светиться. Внутри.

Потому что атомы — живые. Потому что мир — един. И ещё потому что движение — есть. В мире восприятия. Даже когда его нет. Особенно — когда его нет...

И в этом — вся философия. Вся сказка. Вся жизнь. Которую мы проживаем, думая, что мы — «дерево», или материя, или органы телесные. А на самом деле — мысль. Ставшая «ходом». Благодаря его восприятию.

Бытие — не кончается. Как и партия. Которую мы играем с самими собой.

На доске, которую называем «мир». Фигурами, которых называем «я». И правилами, которые называем «закон».

А на самом деле —

всё это:

Он.

Парменид.

Шар.

Свет.

Мы.

Внутри.

Навсегда...

В неподвижности, которая — движение. И в движении, которое — покой...

Слышите? Движенья нет. Но тишина — звучит.

Как и сама жизнь. Которая — чудо.

И ничего лишнего. Только — «есть». И этого — достаточно. Для всего. Навсегда. Аминь.

Движенья нет. Но мы — летим. Спасибо, Парменид. За парадокс. За игру. За жизнь.

За то, что разрешил нам быть. По мнению, выбирая по истине. Даже когда сказал, что движения нет. Мы всё равно двигаемся.

Муз. Композиция: Куда бегут... планеты, Солнца?
<https://suno.com/s/VJVD33cHHE2dIRQi>

Потому что — атомы. Потому что — дух. Потому что — любовь... Монада, Вечность, Космос...

Муз. композиции и стихи Пармениду посвящённые

<https://suno.com/s/vSzMsWITMR1P53rx>

<https://suno.com/s/sySmPdVLEslt2cZ5>

Книги серии «Сказы Семи Морей»

В эл. книгах:

Сказы о Времени

Сказы Электрона

Сказы о Монаде

Сказы о Памяти и Сознании

Сказы о Науке и Природе

Сказы о Мысли

Тексты опубликованы на форуме

«Галактический Ковчег»

